

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ
ГОВОРЯТ ГЕРОИ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	3
О.В. ГОЛОВИНА: «Сосед донес на меня в комендатуру»	5
Б.И. КАРАСЁВ: «Меня три раза хоронили заживо, а я выжил всем смертям назло»	13
В.Е. СКОРОБОГАТОВ: «У меня в части паренек на фронт приехал с почтовым голубем в клетке»	19
М.Е. БОРОДИН: «Школу мою уничтожили немцы»	23
А.Д. АМАЕВ: «Нам приказали: «Костями лечь, а немцев в Грузию не пропустить!»	28
Н.В. ПОПОВА: «Нас называли ночными ведьмами в небе войны»	33
В.А. ХОМЕНКО: «Мне цыганка нагадала смерть на фронте, а я до сих пор живу»	38
В.А. ДАНИЛОВ: «У нас даже вопроса не возникало, почему мы воюем»	43
Т.М. КОНОВАЛОВА: «У меня в сумке тряпки были, я их веревочкой свернула и руки фашистам связала»	47
М.А. КРУК: «Мы сняли фашистский кормовой флаг и нашли сейф с документами»	54
Н.И. ГОЛИКОВ: «На войне человеком оставаться можно, но очень трудно»	65
Ф.А. АЛЧИНОВ: «Дали нам связки гранат, бутылки с зажигательной смесью и одну винтовку на всех»	73
Г.А. ИГНАТОВА: «Из столярного клея моя мама умудрялась делать лепёшки»	81
А.Т. СЛИЗОВ: «Подо Ржевом немец построил такую оборону – не подлезешь»	87
И.Н. ЗАРЕЗОВ: «Вода в реке Дон была коричневого цвета от крови убитых и раненых»	95
А.И. АНИСИМОВ: «Мать искала меня глазами – подойти к ней не было сил»	103
Р.М. СЕНИНА: «Вот стоишь на вышке, а немцы над головой летают»	113
М.П. РАДЧЕНКО: «Аджимушкой далекий на проводе!»	121
Ю.К. РЫБИКОВ: «На войне кто кого пересилит: либо человек – страх, либо страх – человека»	128
Л.Б. ЛИПОВИЧ: «При столкновении двух воздушных армад в небе творилось нечто невообразимое»	132
А.И. ЖОГИН: «И я оставил подпись на стене Рейхстага...»	139
И.Е. РЫЖКОВ: «Приходилось воевать за каждый дом, за каждый этаж!»	145
А.В. КУЗНЕЦОВ: «Ну, воевал, учился, в танке горел...»	151
В.И. ВОСТРУХИНА: «Вернуться? Но как тогда посмотреть в глаза раненым? Нет. Только вперед, к воде»	157
Б.А. БАЛАБАНОВ: «Не зря нашу пехоту называли «прощай, Родина!»	160
К.М. ОЛЬХОВА: «Работал один инстинкт – спастись»	167
Г.Н. КУЛЬБАКА: «Нас погрузили на пароходы «Кап Аркона», «Тильбек» и «Атена», чтобы затопить в водах Балтики»	173
Ю.Н. ХАЙТИН: «На домах надписи: «Берлин был и будет немецким городом!» Но 1-го в окнах появились белые простыни...»	180
В.Н. ВЫШЕСЛАВСКИЙ: «В Германии каждое дерево «под номером»	187
М.П. ПЕТРОВА: «Двое суток без отдыха мы вытаскивали из-под обломков живых и мертвых»	195
П.П. НЕВЕЖИН: «Оборонялись двое суток в ледяной воде»	201
М.Ф. ЧЕЧЕТОВ: «Я уничтожил всех, кто хотел убить меня и моих товарищей»	204
С.М. КРАМАРЕНКО: «Офицер дал команду «эршиссен» – расстрелять»	209

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Мы собрали для тебя рассказы тех, кто прошел Великую Отечественную войну. Герои этой книги тоже были совсем молодыми, когда им пришлось надеть военную форму. Кто из них мог представить, что будет командовать полком, попадет в плен и чудом спасется, найдет любовь на полях сражений, оставит подпись на Рейхстаге? Эти воспоминания мощней любого лихо закрученного сюжета, потому что это – правда. Настоящая жизнь, которую прожили реальные люди. Наши близкие, твои прабабушки и прадедушки. Мы собирали их истории много лет, сюда вошли 33 интервью: свидетельства летчиков, снайперов, разведчиков, пехотинцев, медсестер – о том, что они пережили в 1941-1945. Большинства из героев уже нет с нами – за них говорят рассказы. Пока мы читаем, мы будем помнить, а они будут жить.

Председатель совета директоров
ИД «Аргументы недели»
Вячеслав Тимошенко

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

*Бывшие узницы Равенсбрюка.
Ольга Головина – третья.*

О.В. ГОЛОВИНА: «СОСЕД ДОНЕС НА МЕНЯ В КОМЕНДАТУРУ»

Ольга Головина с молодости человек активный, энергичный и даже азартный. Во время войны она служила в разведке, пока не попала в женский концлагерь Равенсбрюк...

«ДЕТСКИЙ САД» ПО ДОРОГЕ НА ФРОНТ

– **Ольга Васильевна, какое чувство возникло у Вас, когда узнали о войне? Шок?**

– Да, я этого не ждала. Первое, что подумалось: «Как это война?! Какая война?» А потом, конечно, всплеск патриотических чувств. Мы с подружкой сразу решили идти на фронт. Но вскоре опомнились: она только что вышла замуж и ждала ребенка, а у меня тяжело болел папа, раком легких. Ему оставалось совсем недолго, и я не могла в такой момент бросить маму одну.

– **Женщине на войну попасть было просто?**

– Не сказала бы. У меня получилось так... До 42-го года я работала делопроизводителем в домоуправлении, потом ушла в радиокомитет. На друзей не переставали приходить похоронки — во мне крепло желание отомстить за них,

защитить близких. Пошла и записалась на радиокурсы. Позже к нам из Горького приехал офицер с набором в радиоучилище. Он объяснил, что после обучения берут в партизаны, в разведку, в штаб армии. Я мгновенно загорелась этой идеей и записалась.

Уезжать нужно было на третий день — не знала, как сказать об этом маме. На работе меня начали отговаривать:

Я потихоньку вынула пистолет, гранату придвинула.

Думала, немца убью, а потом себя подорву.

«Война скоро закончится. Куда ты, зачем?!» А мама отреагировала на удивление мужественно: что ж делать, раз я так решила. И я уехала. Училище называлось 40-й отдельный радиобатальон. Как говорили девчонки, «ББ» – бабий батальон. Там только в одной роте были ребята, а в двух других девушки. С дисциплиной у нас с подругой было не очень: то и дело «боролись за справедливость» и получили за время обучения 76 нарядов вне очереди! Перед

распределением комбат сказал, что мы останемся в батальоне. А мы ему: «Да что Вы, товарищ полковник! Мы ж Вам прямо здесь партизанщину откроем!»

Меня и еще девять человек направили на 4-й Украинский фронт. Нам нетерпелось скорее прибыть. Добирались кое-как, на перекладных, в вагонах с углем. Явились к командиру части все грязные, чумазые. Он, как нас увидел, за голову схватился: «Господи, детский сад прислали!»

СПЕЦЗАДАНИЯ «ДОРОГОЙ НАТАЛОЧКИ»

– **Что радисту нужно было уметь?**

– На ключе работать. Нам давали маленький, очень компактный аппарат – «Северок» – и ключ. Давали шифр. В определенные часы мы связывались с центром и пересылали зашифрованные морзянкой сведения. В ответ звучало: «Спасибо! Следующая передача тогда-то».

Сразу по прибытии в часть мы взяли новые имена или клички. Я была там Наташей. Нам запрещали общаться друг с другом, хотя все вместе

учились и приехали. Когда нас разместили в огромном селе, всех поселили по отдельности и начали давать старших (руководителей групп). Днем мы занимались морзянкой и шифровкой, чтобы не забыть радиодело, а вечерами, признаюсь, у нас был своего рода клуб. Собирались, в основном, у меня. Мой старший, Петр, превосходно пел и играл на гитаре. Потом Петра у меня забрали и назначили надо мной Василия. Ему было лет под тридцать. Старшие всегда опытней своих напарников. Они знали

немецкой и владели большей информацией.

Однажды командир части стал разъяснять, что работа наша очень опасная: в плен попасть можем, под пытки, под расстрел... Сказал: «Сознайтесь, кто боится. Это не позор! Чувство страха присуще каждому человеку». И радист Володя Миловидов говорит: «Не могу, боюсь!»

Многие из нас уже ходили на задание, а он ни разу. Потом ему все-таки дали двоих: Сашу, скромного такого, и Павлика, самоуверенного до невозможности. Их послали в оккупированный Крым. Эта группа пропала...

После освобождения Крыма командование части послало группу на розыски. Оказалось, на ребят донесли. Немцы схватили их и стали допрашивать. Павлик раскололся сразу и выдал многое. Его просто расстреляли. А скромный Саша и трусящий Володя умерли под пытками, так ничего и не рассказав. Их тела нашли в колодце, с сорванными ногтями и отрезанными ушами.

– Как же можно было не сойти с ума, так работая?!

– Молодые были, отчаянные. И большие патриоты. Когда мы только ехали в часть, поезд надолго остановился в Харькове. Вокзал был

разрушен. Мы вышли на парапет и увидели напротив фонарный столб, к которому привязан ребенок. На нем живого места не было! Всего изрешетили пулями! Когда воочию это увидели, даже страх куда-то отступил: его вытеснила жуткая ненависть, желание мстить, мстить и мстить!

– Расскажите что-нибудь про задания, которые выполняли?

– Мой старший работал в немецкой комендатуре в Одессе. Там появлялись знакомства всякие. Как их поддержать? Конечно, пригласить в гости. Я представлялась его женой, Натальей. Приходили офицеры, некоторые дарили свои фотографии мне на память, с надписью «Дорогой Наталочке». Однажды они пришли кстати. Сосед донес на меня в комендатуру, а старший в это время отсутствовал по заданию. Когда повели на допрос, я быстро схватила со стула сумку с этими фото. Немецкий офицер начал предъявлять мне обвинения, размахнулся и как дал по физиономии! Я хотела рукой от него закрыться, сумка выпала, из нее высыпались фотографии. Он поднял их: «О! Откуда ты этих людей знаешь?» Отвечаю: «Это

друзья моего мужа». И он меня отпустил.

В 1944-м нас послали в Венгрию. Группа состояла из шести человек — четверых венгров, двое из которых в военной венгерской форме, и двоих русских, меня и Вадима. Качество документов оставляло желать лучшего. Но самым удручающим оказалось то, что мы неудачно приземлились. Это произошло на склоне горы. Один из наших повредил ногу и не мог двигаться дальше. Мы пытались тащить его за собой, но он, понимая, что задерживает группу, силой вырвался и покатился вниз с горы...

Мы не могли найти вещмешок, а в нем питание, одежда, запасные батареи к «Северку». Послали одного на поиски. И, представляете, оказалось, мешок упал прямо перед комендатурой! Рядом находилась воинская часть. Немцы тут же собрали карательный отряд на поиски советских партизан.

Мы стали карабкаться наверх. Сил не было. Вдруг услышали какой-то шум, залегли в густом кустарнике. Ференц и Хорвуд из нашей группы, переодетые в венгерскую форму, сели на виду и притворились, что безмятежно переобуваются. Я потихоньку вынула пистолет,

гранату придвинула. Думала: немца убью, а потом себя подорву. Но Бог хранил! Мимо нас прошли метрах в пятидесяти, переговорились с Ференцем и Хорвудом и направились дальше.

Когда все затихло, мы продолжили подъем на гору. До вечера отсиживались в кустарнике. А как стемнело, решили идти к лесничему. Еда наша осталась в потерянном вещмешке, грызли плитку шоколада впятером. Дождь лил как из ведра. Там, по пути к избушке лесничего, меня впервые от головы до пят пронизало чувство страха, подсознательное какое-то. Бил такой страшный озноб! Я сама себе говорила: «Господи, успокоюсь ли я когда-нибудь?! Все равно конец один: или-или...»

Лесничий принял нас хорошо. Он сказал, что недавно здесь проходил карательный отряд, и обещал показать безопасную дорогу. Мы обсохли, отдохнули. А на следующий день была такая теплынь! Мы поднялись на другую гору и, под солнцем, взглянули на виднеющийся Будапешт, на красавец-Дунай. Наша группа не спала две с половиной ночи и решила позволить себе вздремнуть. Ференц отправился посмотреть, далеко ли ушел

отряд. Он не вернулся. Из оставшихся четверых двое легли спать. Это счастье выпало мне и радисту Вадиму. Мы договорились сменить наших товарищей на сторожевом посту через два часа. Проснулась я от пинка в спину: связали, скрутили, ударили по лицу. Все мои к тому моменту уже были связаны. Нас спустили вниз, с

НА ДОПРОСАХ

– Как в гестапо проводили допросы?

– «Хорошо» проводили: палками били, дубинками били, под дых давали, губу мне разбили всю. Самое страшное, когда бьют дубинками по пяткам. Такое впечатление, что по «раскрытым» мозгам!

Но я все-таки везучая! Я знала, что мой «Северок» пропал. И начала рассказывать легенду: наша группа прислана сюда агитировать местное население за Советский Союз. Мы разъясняем, что советские солдаты мирным жителям зла не сделают.

На допросе мне предлагали работать на фашистов. Но я сказала, что не буду да и не смогу, потому что нас спешно готовили к отправке в Венгрию и свой шифр я даже

горы, там тоже комендатура. Помню, как поставили к стенке, — расстреливать. Я сразу вспомнила маму, себя маленькую... Но потом пришел немецкий офицер, сказал, что русских партизан надо сначала пытаться, а потом вешать. Моя смерть «отсрочилась». Я попала в Будапешт, в гестапо.

не успела выучить наизусть: он остался в аппарате. Хотите — посмотрите, проверьте! Поскольку моего «Северка» у них не было, они отстали.

Я пробыла в гестапо около полутора недель. Меня охранял венгр. Видимо, нормальный был человек. Он даже разговаривал со мной.

Стучит как-то в окошечко: «Немецкий? Английский? Польский?» Я ему: «Давай по-польски, пойму!»

Он спрашивает: «А правда, у вас на медведя с рогатиной ходят?» — «Конечно! А что ты удивляешься? Это вид спорта! Жители бегают с рогатинами, а между тем по Европе шагают наши войска. Может быть, они с рогатинами? С косами или с вилами? Вот и думай!».

Однажды он сказал, что советские войска прорвались

в Будапешт. Я посмотрела в свое окошко, маленькое, как форточка, и такая радость меня охватила! Но никто не гремел запорами, не спешил меня освободить... Оказалось, это прорвалась в город наша танковая

разведка. А потом отошла.

Меня отправили в подземную тюрьму, в г. Комаром, а потом в женский концлагерь Равенсбрюк.

ТОРТ ИЗ МАРМЕЛАДА

– Я читала, что в Равенсбрюке проводились медицинские эксперименты над людьми...

– Да, мы их кроликами звали. Одной девушке, русской, вырезали руку вместе с плечевым суставом. Думаю, и так понятно, что она скончалась... Цыганок стерилизовали. Привезли их целый вагон, пообещали условия лучше, питание. А потом сделали операции и повыкидывали на улицу. Они еле ползли к баракам, оставляя за собой полосы крови.

Я в Равенсбрюке развозила еду по баракам. Восемь человек грузили на огромную телегу в два яруса бачки с брюквенным супом и кофе. На второй день я схватила бачок и поняла, что не могу поднять его вверх. Говорю подруге Зое: «Не могу, нет сил...» Она мне: «Поднимай...!» Я делаю усилие, пальцы разжимаются и... кипяток выливается Зое на ногу! Вскрикну она тогда,

меня бы тут же убили. Но она промолчала. И терпела, пока мы не развезли по 32-м баракам еду! А когда пришла в свой, стала снимать чулок и кожа поползла вместе с ним. Мне было так плохо, так стыдно! И знаете, что она сказала?! «Ничего, дело житейское. Ты извини, что я на тебя с криком...»

И руки у нее золотые были, ловкие! Получаем хлеб в пекарне, надзирательницы пересчитывают. Развозим по баракам — несколько буханок лишних! Их отдавали больным и детям. И с кофе так же!

Под конец 44-го в лагерь привезли советских детей, все малютки — до шести лет. Их должны были уничтожить. Группа из нескольких советских женщин отправилась к лагерфюреру просить, чтобы детей отдали им. Он орал: «Дуры, идиотки! Да вы сами скоро сдохнете! Посмотрите, на кого вы похожи! Заезженные клячи...»

Дети не были поставлены на паек. А наши девушки отвечали: «Пока в лагере жива хоть одна советская женщина, детям найдется еда». Он отдал их. И мы ухаживали за детьми как могли. Даже организовали им Новый Год!

Мария Петрушина, по прозвищу Москва, и Лида Назарова, по прозвищу Пушкин, работали канализаторами. Под Новый Год они под охраной ушли за территорию лагеря устранять какие-то неполадки. И умудрились пронести обратно в лагерь малюсенькую елочку! Это при том-то, что их обыскивали! Мы украсили ее разными кусочками старых тряпок, а из хлеба, маргарина и мармелада сделали детям праздничный торт.

После освобождения из лагеря всех этих деток усыновили наши девчонки.

– В Равенсбрюке была целая система надзирателей. Вы до сих пор чувствуете к ним ненависть или она стерлась с годами?

– Знаете, у меня к ним ненависти нет. Я думаю о них с ужасом каким-то. Ведь это же не люди, они ненормальные! Была у нас старшая надзирательница Доротея Бинц — красавица с белокурыми роскошными волосами, с хорошей

фигурой, лет 23-х. Она едет на велосипеде и видит: заключенная идет, как зомби, падает. И Доротея аж расцветает от удовольствия! Рраз...и переехала ее велосипедом, а потом еще раз и еще. Эту надзирательницу судили на Нюрнбергском процессе.

– Ольга Васильевна, когда Вы выбрались из Равенсбрюка?

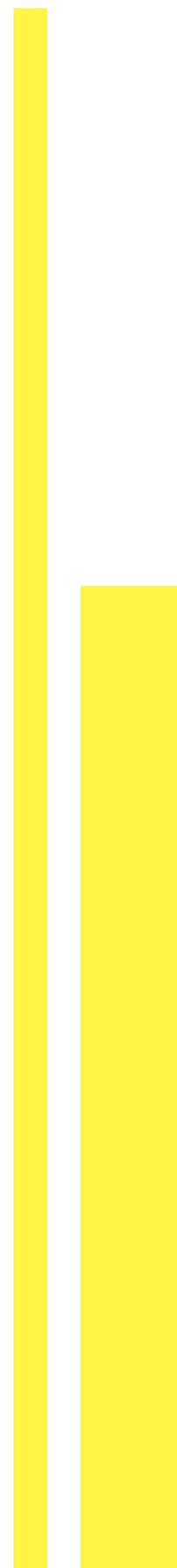
– Когда наши войска подходили к Берлину. Лагерь находился в 90 км от фашистской столицы. Нас выгнали из него при отступлении. Советские войска наступали гитлеровцам на пятки. Надзирательницы просили у нас, бывших заключенных, гражданскую одежду, но, конечно, не получали ее. На вторую ночь мы бежали.

Отсидиваемся в лесочке и видим, идет по дороге лейтенантик, наш: военная форма наша, походка наша, все наше! Женщины как выбегут ему навстречу! Рукав оторвали, пуговицы, даже сапоги заблестели у лейтенанта — обтрогали всего. До чего хотелось прикоснуться к родному, к «кусочку» Родины. А он как заголосит: «Бабоньки, милые! Я всю войну с 41-го прошел! Оставьте меня хоть теперь жить!» А тут солдаты подошли, ему «на подмогу»,

смеяться начали... Вот таким было мое освобождение!

Потом по пути нам попался военторг, продукты, одежду для солдат вез. Некоторые при нем остались: рабочих рук не хватало. Аргументы были в точку: «Как вы такие измороженные, с трясущимися

руками, назад-то поедете, родителям покажетесь?» Я вернулась домой 30 апреля 1946-го. Там меня ждала мама.

Б.И. КАРАСЁВ: «МЕНЯ ТРИ РАЗА ХОРОНИЛИ ЗАЖИВО, А Я ВЫЖИЛ ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО»

Борис Карасёв в годы Великой Отечественной совершил 509 боевых вылетов. В далеком детстве будущий Герой России и не подозревал, что его увлеченность самолетами приведет к тяжелейшим воздушным сражениям, проверке настоящей дружбы и... тройному воскрешению из мертвых.

– Борис Иванович, что привело Вас в авиацию?

– В Тульской области, где я родился и вырос, над нашим деревенским домом частенько пролетали почтовые самолеты. Всякий раз я выбегал как ошпаренный и махал им рукой. С детства в душу запало, что хочу быть летчиком. Я грезил о небе. В 1934-м поехал в Москву поступать в аэроклуб. Но не подошел по возрасту: мне было всего пятнадцать. Пришлось идти в столичное ФЗУ. Когда через три года я узнал, что в Новомосковске, у меня на родине, открылся аэроклуб, тотчас помчался туда и поступил учиться на летчика. Так начался мой путь к мечте.

– К началу войны Вы уже были летчиком?

– Да, в 1941 году я командовал звеном под Винницей. Бои начались

для моей эскадрильи с первыми военными днями. Прикрывали подступы к городу и крупную железнодорожную станцию Жмеринка. В июле мне поручили делать особо ответственные разведки по территории Румынии, в районах Липканы, Штафанешти и вдоль реки Прут. Нужно было определять скопления немецких войск и места их переправ через границу.

На этом задании много погибло летчиков! Я старался выше 15 метров не подниматься: быстро на бреющем полете проскакивал, и немцы не успевали стрелять. Потом на моем маршруте расставили зенитные пулеметы. К счастью, мне удалось уничтожить их раньше, чем они сбили бы меня. Сев на аэродром для дозаправки, я увидел, что элерон –

устройство для выполнения разворотов – на правом крыле в двух точках отломан. Лететь было нельзя, а послать в бой одного ведомого, с которым мы парой летали, опасно. Я решил рискнуть: закрепил элерон проволокой и вперед! На обратном пути после удачной разведки наткнулся на большое скопление немцев. Машины, офицеры, солдат уйма... Пользуясь внезапностью, атаковал. Но мой самолет получил 27 пробоин от их зениток.

**Мне перебили
управление,
и самолет
воткнулся носом
в землю.**

**Улетел я метров на
восемьдесят – сто...**

**– С такими повреждениями
Вам удалось посадить
самолет?!**

– Да, мне повезло. Главное, много немцев удалось уничтожить! Кое-как дотянул до того ближайшего аэродрома, где попросил техников закрепить элерон и заделать пробоины в

бензобаке деревянными пробками. Потом долетел обратно до Винницы. За выполнение этого задания меня наградили именными часами. Очень почетная награда тогда! Но забрать их нам так и не удалось: началось отступление, и часы остались где-то в штабе дивизии.

**– Я думаю, главной наградой
для Вас была жизнь, которую
несколько раз считали
прерванной.**

– Да, по сравнению с этим, часы — чепуха.

В 1941-м году в бою с группой «мессершмитов» под Каменец-Подольским моему И-16 отбили плоскость. Самолет вошел в штопор и начал падать. Я выпрыгнул примерно на 800 метрах, а парашют не раскрывался... Таких случаев бывает очень мало: меня спас глубокий овраг, парашют раскрылся почти в момент приземления! Пока летел, вся моя жизнь с самого детства как пленка прокрутилась перед глазами. Думал, всё. Трое солдат, которые пришли мой труп подбирать, тоже так думали. Товарищи после этого говорили: «Теперь долго будешь жить, до Победы точно дотянешь!» И, действительно, мне везло: за всю войну ни разу не ранило, только контузия была сильная.

Как раз когда меня второй раз «похоронили».

Я вел бой с двенадцатью «мессерами», под Барвенковым, 9 марта 1942-го. Долгий был бой, тяжелый. Почти полчаса длился. Я устал жутко: много «крутился», никак не мог вырваться, чтобы лететь обратно на аэродром. Спустился на расстояние метров пяти от земли: так они не могли меня сбить. Потом перебили управление, и самолет воткнулся носом в землю. Улетел я метров на восемьдесят – на сто, только мотор докатился. Меня подобрала наша артиллерия и отвезли в село.

Когда очнулся, ноги и руки не двигались. Кое-как повернув голову, увидел в дверях маленького седого дедушку. Он смотрел-смотрел на меня и вдруг заплакал. Оказалось, он видел мой бой и кричал: «Спасите нашего летчика!», а потом потерял сознание. Когда его привели в чувства и сказали, что я жив, не поверил. Тогда привели ко мне.

– **Вот это люди!**

– На фронте мы всегда приходили друг другу на помощь. В одном из своих выступлений Сталин, говоря о важности товарищеской взаимовыручки, в качестве

примера приводил меня. Как это было приятно! Под Ростовом, в 1941-м, я едва не погиб, прикрывая своего друга Василия Князева. Он ранен был в голову и не мог вести бой. Пришлось драться с шестеркой «мессершмитов», двух сбил.

Под Мелитополем я прикрывал своего ведомого Василия Батяева. Васин самолет был изрешечен пулями и едва держался в воздухе. Я приказал ему идти на аэродром и тут увидел готовящуюся к нападению пятерку «Хенкелей-113». Пришлось идти в лобовую! Три самолета удалось уничтожить, еще два предпочли ретироваться.

Вспоминаю Александра Покрышкина, трижды Героя Советского Союза, моего близкого друга. Саша был замечательный человек, отличный летчик. И меня очень любил! Мы служили в одной дивизии, в разных полках. Мечтали летать вместе. Как сегодня помню, в 44-м он опять зарулил в мою эскадрилью, уже командир дивизии, на груди две звезды Героя. Спешит обняться, а потом отступает на шаг и с удивлением спрашивает: «Как, ты только капитан?! И не Герой?! Перелетай ко мне!» Но я не имел права бросать свою эскадрилью.

Хотя там из-за конфликта с начальством меня долго обходили наградами. Даже командуя дивизией, при всех своих «титулах», Саша никогда не прятался: все время летал. Молодец был! И я горжусь такими товарищами и их поддержкой! Поэтому сам всегда помогал ребятам в бою и никогда не бросал своих.

В апреле 44-го, выполняя разведку, мы попали в жуткий туман. Кончалось топливо. Где-то под Уманью мой ведомый Миша Арсеньев на своем самолете ударился носом в землю, перевернулся

и повредил позвоночник. Я произвел посадку возле него: вытащил из самолета и несколько километров тащил на себе до госпиталя. На аэродром прибыли только на пятый день, где нас считали погибшими. Уже и похоронку отправили и матери, и любимой девушке, она воевала в женском авиаполку ночных бомбардировщиков. Я вдогонку письмо послал им, что жив-здоров и умирать не собираюсь...

*Василий
Скоробогатов*

В.Е. СКОРОБОГАТОВ: «У МЕНЯ В ЧАСТИ ПАРЕНЕК НА ФРОНТ ПРИЕХАЛ С ПОЧТОВЫМ ГОЛУБЕМ В КЛЕТКЕ»

В мае 45-го Василий Скорбогатов, исполняя обязанности начальника штаба полка, в составе 248-й стрелковой дивизии штурмом взял ставку Гитлера. Ту самую, в районе Имперской канцелярии, – в самом сердце Берлина...

– Василий Ефимович, кто провожал Вас на фронт?

– Никто не провожал. Родители мои были в Казахстане, а я с 40-го года служил на Дальнем Востоке. Так что на фронт я уезжал со своим учбатом из Хабаровска. Мы ехали в товарных вагонах, в конце июня 42-го. И прибыли под Сталинград. Станцию Качалинская перед нашей высадкой сильно бомбила вражеская авиация – она горела. Некоторые наши пареньки, не успели высадиться, как помчались к зданию местного хлебозавода и вернулись оттуда с богатой добычей — буханками хлеба. Потом мы выбрались к Дону, окопались. На другой день я с другими офицерами участвовал в рекогносцировке местности, рассматривая противоположный берег реки. Ночью саперы навели мост, пригнали несколько барж, и

мы стали переправляться.

Я тогда находился в должности начальника штаба Отдельного учебно-стрелкового батальона при 205-й стрелковой дивизии.

– Вы можете описать бой, который стал для Вас самым тяжелым?

– Отчего ж нет? Это как раз бой под Сталинградом, самый первый и самый страшный для меня...

Наш батальон принял боевое крещение в районе Ближней Перекопки. Оборонялись до 15 августа. Стояла жара 30 градусов! В самый разгар, часам к трем, из-за холма показались двенадцать немецких танков с автоматчиками на броне. А за ними валила пехота. У нас только несколько пушек и жиденькая цепочка окопов. Представляете, в этот момент около меня вдруг появился мальчишка лет пяти, с

«
«
На окраине
хутора за рекой,
прямо против
меня, находился
вражеский танк.

Что делать?

игрушечным деревянным
ружьём на плече. Я ему:
«Ты кто?! Где мама?» Он
отвечает: «Мишка Донсков.
Мама в школе». Крикнул ему,
чтоб сидел на месте — не
двигался.

На окраине хутора за
рекой, прямо против меня,
находился вражеский танк.
Что делать? Дал по нему из
ручного пулемета длинную
очередь. Танк направил в мою
сторону пушку и ударил...
Меня засыпало комьями
земли. И тут пищит телефон,
«Зиммер». Слышу: «На хуторе
радиостанция наша — надо
взорвать!» Я схватил карабин
и, пригибаясь к земле,
побежал в казачий хутор, уже
занятый немцами. Добрался
до крытого грузовика, в
котором радист-сержант
записывал телефонограммы.
Говорю ему: «Отходите!»
Мы подорвали гранатами
радиостанцию и по оврагу,
через камыши, выбрались
за хутор, побежали. Кругом

рвались мины... Жуть!

Немцы на тот момент имели
превосходство в силах, были
опытнее, оснащены лучше. А
мы? Молодые бойцы (мне —
20 лет), ничего не умеем еще!
В общем, смели они нас...

Когда мы попали в
окружение, вокруг меня в
лесочке собралось около
трехсот солдат и офицеров
и мы пошли на прорыв. У
меня была карта местности,
ориентировался хорошо:
взгляну на условные
обозначения и за ними вижу
настоящие парки, леса,
дороги. Вывел я остатки моего
батальона, хоть и не просто
это далось.

– **А тот паренек, Мишка
Донсков, погиб?**

– Выжил! Я после войны
встретился с ним. Оказалось,
мальчонку на поле боя
подобрали немцы и отвели
к матери в хутор. Вот так, не
все в германской армии были
извергами. Повезло Мишке!

– **Василий Ефимович, а
бывали какие-то курьезные
случаи на фронте?**

– Конечно! Все мы люди
живые, и случаются с нами
самые разные события.
В сентябре 42-го на
Сталинградском фронте
наш учебный батальон,
подчиненный командующему
40-й гвардейской дивизии,
получил приказ атаковать

станцию Сиротинскую. Мы сформировали разведгруппу из 12 человек и в полночь послали ее выяснить, сколько там немцев. Разведчики проникли туда незаметно. Сосчитали танки, установили, что против нашего батальона стоит целый полк, и стали пробираться обратно. Тут мы услышали стрельбу, крики – засекли наших ребят!

Как оказалось, они возвращались огородами и один молодчик полез на грядки за огурцами. Тут-то немец его и засек. Поднял тревогу, открыл стрельбу. Большинству наших удалось прорваться, спасся и тот курсантик, весь в крови, с огурцами за пазухой... Я этого бедолагу ругать не стал – винил в неудаче себя. Надо было тщательнее подбирать людей в разведгруппу и проинструктировать их хорошенько!

На следующий день мы пошли в атаку и были разбиты превосходящими силами противника. Атаки повторялись где-то восемь раз. Наши ряды таяли на глазах: от трехсот человек осталось двести, потом сто... А потом я пошел к командиру и сказал: «Какой во всем этом смысл?! Нас уничтожат!» Он ответил категорично: «Атаки продолжить!» Нужно было постоянно тревожить немцев

и дать понять, что рано или поздно их все равно сметут.

Мы даже не успевали добраться до немецких позиций, гибли под шквалом огня. Когда нас осталось тридцать восемь, командир дивизии выделил два полка и немцев выбили.

– И стоила ли, по-Вашему, задача «постоянно тревожить немцев – чтоб знали» стольких человеческих жизней? Людей же на верную гибель бросали!

– Что ж вам сказать... Главное было – выполнить боевую задачу и остановить немцев у Сталинграда. Такие вещи делаются, и с точки зрения тактической они оправданы. А те жизни, конечно, никто не вернет...

Но мы с вами про курьезные случаи. В 44-м стояли мы на Днестре, под крепостью Бендеры. Окопы наши и немецкие разделяла небольшая полоса. И один боец повадился вечерами к немцам на кухню ходить – еду получать. Одетый в немецкую форму, три дня туда бегал, отчаянная голова! Потом, конечно, схватили. Мы строго наказали за это командира роты, который знал о его проделках, а в штаб не доложил. Вот такое бывало!

– Скажите, как Вы немцев оцениваете?

– Воевать они умели.
Пунктуальные до предела,
организованные, точные.
Даже в плену они строго
соблюдали свои уставные
порядки. Как-то завели в дом
пленного немца-офицера.
Так солдаты-немцы при нем
вскочили и не сажались, пока
тот не приказал.

Никогда раненых не бросали.
Когда гнали колонны
немецкие под Сталинградом,
они подбирали упавших
и несли их на руках. Они
понимали, что жесточайшая
дисциплина и выучка – это
залог успеха. И успех их был
долгим.

**– А кого из своих однополчан
Вы вспоминаете до сих пор?**

– Был у меня в части паренек
– Петя Снежок, сапер. Он на
фронт приехал с почтовым
голубем в клетке! Мы, когда
вышли на пограничную реку
Прут, весточку послали.
Долетел голубь домой, в
Никополь, «известил»...

У этого Пети мать года
полтора ни строчки от него не

получала. И отправила письмо
на имя самого верховного
главнокомандующего!
Напишите, мол, что с сыном
моим, если погиб, то где.
И такое трогательное у нее
письмо вышло. Отозвались!
Это при том, что писем
подобных тысячи писали!

В военкомате навели справки,
выяснили, что он на фронте
Жукова воюет, и отправили
туда запрос. Жуков подписал
резолюцию: «Разыскать этого
парня». Когда установили
воинскую часть, прибыл
туда жуковский порученец.
Ко мне явился. Я, помню,
вызвал Снежка и говорю:
«Родители живы? Писал?
Почему ж нет?!» А он на меня
глазами такими удивленными
смотрит: «А чего ж писать?
Ну, жив-здоров. Вы же сами
видите, что я как бык!» Через
несколько месяцев получила
мать письмо от сына. Только
вот не уцелел Снежок, убили
его на Одере...

М.Е. БОРОДИН: «ШКОЛУ МОЮ УНИЧТОЖИЛИ НЕМЦЫ»

Каждый год мы отмечаем выпускные вечера. И вчерашние школьники — уже не дети, но еще не взрослые — вступают совсем в другую жизнь. Выпускники июня 41-го повзрослели гораздо быстрее других. Им пришлось забыть про мечты и планы на несколько лет, а кто-то так никогда и не воплотил их в жизнь.

Михаил Бородин 21-го июня 1941 г. отпраздновал окончание десятилетки. Он говорит, что тогда у всех было отличное настроение и никто не предполагал, что на следующий день судьба так круто развернется навстречу неизвестности.

**Вооружались
всеми подручными
средствами: косами,
вилами, топорами!**

– Михаил Васильевич, Вы помните свой выпускной?

– Да. Мы очень долго готовились к этому торжественному вечеру. Поздравляли друг друга с окончанием, столько было сказано теплых слов в адрес учителей! Я тогда тоже выступал с речью. Помню, как говорил, что мы всегда будем верны Родине и оправдаем вложенный в нас учительский труд. Я тогда и не подозревал, что слова мои пройдут такую

проверку!

Пели, танцевали, гуляли по селу (кстати, я родился и учился в Прохоровском районе Белгородской области — знаете легендарное танковое сражение под Прохоровкой? Это там, на моей родине). А на следующее утро проснулись и узнали — война. Страха не было, была какая-то глубочайшая озабоченность.

Школу мою во время войны уничтожили немцы. Зимой 43-го они загнали туда больше четырехсот человек, облили здание бензином и подожгли. Всех, кто пытался вырваться, расстреливали из автоматов...

– Уже в ноябре 41-го Прохоровский район стал фронтовым. Где тогда были Вы?

– Там и был. Получилось

так, что председатели колхозов, председатель сельсовета — все ушли в армию. И в райкоме партии мне предложили занять должность председателя сельсовета. Мне только исполнилось 18. Я понимал, что скидки на возраст не будет. Работать надо в полную силу. Но это совсем не пугало.

– В то время в селах действовали советские истребительные отряды. Вы можете рассказать, что это такое?

– Конечно, я сам был в одном из таких. Эти отряды охраняли дома колхозников, общественные учреждения, урожай, связь. Особенно в ночное время следили за возможностью появления немецких диверсантов, дезертиров, сигнальщиков. Вооружались мы всеми подручными средствами: косами, вилами, топорами!

Зимой 42-го на Прохоровском направлении сосредотачивались все новые советские подразделения. В нашем доме находился штаб полка. И был такой момент. Командование подготовило письмо в адрес немецкого гарнизона, расположенного в Прохоровке. Определялась делегация из трех человек. Одним из них хотели сделать гражданского и предложили меня. Однако потом планы

поменялись. Письмо пошел относить один офицер — немцы его убили.

– Скажите, а не рискованно ли было вступать в партию в самый разгар войны?

– Для меня это даже не обсуждалось! После успешного проведения весеннего сева я пришел в райком партии и положил на стол заявление. 12 июня 1942 года я стал коммунистом. Как много значило для меня это слово! Коммунист, преданный делу и своему народу.

Летом 42-го немцы начали наступление. В Прохоровском районе были мобилизованы мужчины старших возрастов. У меня была ориентировка — уходить вместе с последними нашими частями. Я сжег все документы в сельсовете, закрыл помещение на ключ и ушел, не зная, вернусь ли когда-нибудь...

Я отступал вместе с солдатами. Ближе к г. Коротояку меня пригласили сесть на подводу со снаряжением. Неожиданно появились немецкие самолеты, начались обстрел и бомбежка. Я едва успел соскочить и броситься в кювет у дороги. Подводы были разбиты, на дороге лежали убитые и раненые. Взрывной волной меня накрыло землей и слегка оглушило. Но обошелся только ушибами.

3 июля мы достигли Коротояка. На подступах к городу скопилось много войск, техники, лошадей с повозками. Переправа через Дон не работала — немцы постоянно бомбили ее, даже ночью. Мы решили переправляться как получится. Вечером 4-го числа мы с товарищами-партийцами и солдатами спустились с крутого берега на пологий участок. Там рос кустарник. Мы наткнулись на брошенное продовольствие — муку, сухари. Увидели натянутый от одного берега к другому кабель и сколоченный помост. Ими и воспользовались. Знаете, на том берегу Дона была какая-то иллюзия мирной обстановки. Тихо, тепло, поют соловьи...

Когда я добрался до Саратовской области, пришел в военкомат и попросил взять меня в армию. Меня взяли и отправили в 73-й запасной стрелковый полк. Большая воинская команда была скомплектована и отправлена в Кузбасс — добывать уголь, в соответствии с решением Государственного Комитета Оборона.

– Тогда многие рвались воевать. Вы не расстроились, что послали не на «огненный» фронт, а на трудовой?

– Я был готов ко всему и принял это безоговорочно. В «единый фронт» объединились люди, и без помощи тыла ничего бы не было!

На угле Кузбасса и уральском металле «жила» вся военная промышленность страны. Горняки шахты «Коксовая-1» г. Прокопьевска обратились ко всем угольщикам с призывом не покидать рабочие места без перевыполнения нормы выработки. Мы старались. За перевыполнение плана на 102% дополнительно выдавали 100 гр водки и 50 гр сала. Талоны на эти продукты мы получали часто, но давались они нелегко!

Честно признаться, ради выполнения плана мы часто здорово рисковали. Например, чтобы сократить производственный процесс, оставляли кровлю без крепления и начинали вести новые взрывы пласта. Один раз так и «накрыло». Большая глыба породы оторвалась от кровли и рухнула вниз. Мне сломало правую ногу.

– Михаил Ермолаевич, у Вас в семье кто-нибудь воевал?

– Отец. Мы с ним переписывались. У меня сохранилось его письмо от сентября 43-го года: «Молитесь Богу, чтобы победить врага и придти

с победой домой». Он часто снился мне тогда: встретимся, погорим, а потом просыпаюсь, а его нет... Когда письма перестали приходить, я написал командиру его войсковой части. В 44-м году пришел ответ: командир орудия, парторг батареи Межуев сообщал, что при

встрече с группой немецких танков осенью 43-го отец был убит. Рассказывалось и о бое, за который отца наградили медалью «За отвагу». С тех пор мы встречаемся с ним только во сне...

А.Д. АМАЕВ: «НАМ ПРИКАЗАЛИ: «КОСТЬМИ ЛЕЧЬ, А НЕМЦЕВ В ГРУЗИЮ НЕ ПРОПУСТИТЬ!»

Имя «Амир» по-арабски означает «вершина». Амира Амаева называли так в честь двоюродного брата отца. Как оказалось, очень точно. Мальчик, родившийся на склонах высоких гор в маленьком дагестанском ауле Унчукатль, добился высоких вершин в отечественной науке. Будущий крупный специалист в области реакторного радиационного материаловедения ушел на фронт добровольцем, был тяжело ранен и выжил только благодаря помощи простых советских людей.

– Амир Джабраилович, аул Унчукатль – средоточие талантливых людей: оттуда родом около десяти докторов наук, более ста кандидатов наук, лауреаты почетных премий! Может, воздух там особенный?

– Просто люди трудолюбивые и увлекающиеся. У нашего села богатейшая история. Во времена Российской империи оно воевало против Шамиля, а когда утверждался Советский Союз – против аварских националистов. Мало кто знает, что в годы Великой Отечественной Унчукатль стал рекордсменом по числу участников в войне среди дагестанских аулов. Многие из наших тогда

погибли... Дяде моему повезло: всю войну с первого дня прошел и вернулся целым. Он был врачом и, как сам рассказывал, хирургическим операциям счет потерял: делал их каждый день, непрерывно.

– Вы тогда тоже пошли воевать?

– 22 июня 1941-го я защищал диплом в Махачкалинском механическом техникуме. Как узнал о начале войны, так сразу решил идти на фронт добровольцем. Многие из нас горели этой мыслью: кто-то хотел в авиацию, кто-то во флот. Но нас не взяли, объяснив это необходимостью научно-технических кадров для страны, и по направлению

Амир
Амаев

Я постучал в оконце
крайней хаты,
и хозяйка пустила
на ночлег.

Вшивого всего,
грязного!

техникума нас всех отправили
работать на военный завод
№182 по изготовлению
торпед.

В феврале 42-го я все равно
ушел добровольцем. Сначала
попал в Махачкалинское
пехотное училище,
эвакуированное в Грузию.
Потом в военное училище,
где впоследствии в качестве
командира я стал готовить
будущих офицеров. Когда
немцы захватили Ростов-на-
Дону и начали стремительно
продвигаться к Владикавказу,
в зону военных действий
приехал Берия: ему было
поручено не допустить
прорыва врага к каспийской
нефти и богатствам Кавказа.
Он приказал: «Костями
лечь, а немцев в Грузию не
пропустить!»

– И ведь легли...

– Да, мне довелось
поучаствовать в боях под

Моздоком. Очень тяжелые
были бои! Они шли с августа
42-го по январь 43-го. Наше
училище преобразовали
в военное подразделение
– 69-й отдельный танково-
истребительный батальон. Я
находился в пехоте, в контакте
с танковым подразделением.
К Новому году мы пленили
немецких танкистов. Они
разрисовали лица свастикой,
запаслись кучей еды –
так собирались отмечать
праздник. Да не довелось!

– В боях под Моздоком и Вы
были пленены. Как удалось
спастись?

– Благодаря нашим родным
советским людям! Я помню,
как командующий армией
Гречко скомандовал:
«Зарыться в землю! Идет
танковая дивизия «Адольф
Гитлер»». Прямо у моего
окопчика развернулся
немецкий танк, почти
закопав меня землей.
За ним последовал
бронетранспортер. Меня
прекрасно видели, и я ожидал
выстрела, но... был пленен.

Пленных угнали в
Ставропольский край. В
селе Рог нас, семнадцать
человек, поместили в сарай
ожидать своей участи. Ею,
несомненно, был расстрел.
Когда нас выводили, я был
последним и каким-то чудом
смог незаметно прошмыгнуть

в следующий сарай. Он стоял совсем рядом. Там кормились лошади. И добрый конюх не побоялся спрятать меня в кормушке. Засыпал всего кормом и подпустил лошадей! Когда немцы пересчитали всех пленных, хватились одного пропавшего и с руганью ворвались к конюху. Но... никого не нашли. Трупы шестнадцати расстрелянных кинули потом в речку Черную. Семнадцатым должен был быть я.

Немцы вскоре покинули село, и конюх посоветовал мне идти в станицу Солдатскую. Староста Рога, человек вредный, мог побояться оставить меня в селе. Но шесть километров ходу было для меня непреодолимым расстоянием. Я еле держался на ногах! Пришлось рискнуть и остаться. И опять помогла добрая женщина! Я постучал в оконце крайней избы, и хозяйка пустила на ночлег. Вшивого всего, грязного! Она дала мне халат мужа, тоже воевавшего на фронте, и продезинфицировала мою одежду.

– Наверняка, она надеялась, что и ее мужу в случае необходимости кто-то также окажет помощь.

– На войне люди старались помогать друг другу. Хотя

предатели тоже были... После плена меня отправили на проверку в Буденновск, а потом я стал командиром стрелковой роты.

Во время ожесточенных боев в Краснодарском крае меня тяжело ранило. Пятого мая 1943 года разрывная пуля угодила в правый карман шинели. Там находился трофейный пистолет с двадцатью патронами. Все они разорвались. Боль была дикая! Я оказался весь напичкан свинцом. Это произошло в станице Неберджаевской. Немцы, находясь на противоположной стороне реки, кидали в меня мины. Я полз в сапогах, полных крови. Около меня упало шесть мин, и ни одна не разорвалась! Это не чудеса. Это советские военнопленные, которых заставляли работать для обеспечения фашистских войск, не заряжали снаряды, выпуская брак. Вот даже откуда помощь поступала!

Меня потом подобрали санитары и отправили в госпиталь. Пришлось перенести три операции.

В Махачкале меня оперировал известный профессор Цанов, ученик академика Бурденко. Ногу разрезал от колена до паха под местным наркозом, а потом сказал: «Да, такого в

своей хирургической практике я еще не видел!»

«Чистил» меня больше трех часов, но более пятидесяти осколков остались в ноге и до сих пор дают о себе знать. После этого война для меня закончилась. Через полгода, на костылях, я вернулся в родное село. Долго не мог ни на коня сесть, ни в горку подняться...

– Но это не помешало Вам после войны покорить главную вершину в своей жизни – научную.

– Да, не зря же меня называли Амиром. Окончив МИФИ, я попал по распределению к широко известному сегодня ученому И.В. Курчатову. Хотя тогда он был засекречен. А вместе с ним и весь наш коллектив. Я впервые в

СССР исследовал природу металлического облученного урана. Позже за свою научную деятельность был удостоен нескольких премий, в том числе Ленинской и двух Государственных. Знаете, я ведь свою книгу «От вершин Дагестана к вершинам науки» всем друзьям раздал, в библиотеках она есть (даже в Библиотеке Конгресса в США!), а себе оставить забыл, а во время войны пенсию по ранению получать отказался: перечислял ее в Фонд обороны. И об этом никогда не жалел: мы все тогда жили по принципу «Сначала другим, потом себе». Потому и выиграли.

Н.В. ПОПОВА: «НАС НАЗЫВАЛИ НОЧНЫМИ ВЕДЬМАМИ В НЕБЕ ВОЙНЫ»

Таких, как Надежда Попова, немцы называли «ночными ведьмами». Летчица единственного в мире полностью женского авиаполка ночных бомбардировщиков, сформированного в 1941 году личным приказом Сталина, совершила 852 боевых вылета. На открытом фанерном самолете, не защищенном от снега и дождя, она бомбила скопления врага, стараясь забыть о постоянно грызущем страхе перед смертью. Ей удалось не только выжить в этой войне, но и найти любовь своей жизни на полях сражений.

– Надежда Васильевна, как для Вас началась война?

– Как ураган, она ворвалась в нашу жизнь и все разрушила! 22 июня в полдень я гладила платье, чтобы пойти на танцы, а потом – в театр. В этот момент по радио стали передавать сообщение Молотова о том, что враг напал без объявления войны и подверг бомбардировкам наши города. У меня даже руки затряслись... Ну какие после этого танцы? Вечером у театра собралась молодежь и начала обсуждать положение дел. У всех был один вопрос: «А что будет дальше?» Большинство хотели идти добровольцами на фронт, воевать за страну.

К началу войны я после Херсонской летной школы и Донецкого военного авиационного училища готовила летчиков-истребителей для фронтовой авиации. Когда Герой Советского Союза Марина Раскова занялась формированием трех женских авиаполков, я, конечно, тут же попросилась туда, в 588-й полк ночных бомбардировщиков.

– Почему именно такой выбор? Был еще истребительный и полк пикирующих бомбардировщиков.

– Знала, что этот авиаполк первым отправят на фронт. А откладывать не хотелось.

Правда, самолеты там были не ахти какие: открытые, тихоходные, в кабине не развернешься. Они назывались сначала У-2 (учебный), а потом ПО-2 (по имени конструктора Поликарпова). Из-за невысоких скоростей, которые они развивали, приходилось летать только ночью: днем самолеты были обречены, от врага не уйдешь. К сожалению, мы летали без парашюта. В армии тогда много чего не хватало...

– И как же Вы летали: ведь если собьют, уже не выпрыгнешь! Думали об этом тогда?

– Некогда было раздумывать. Но, естественно, было нелегко. Ведь мы все обычные живые люди! На моих глазах, сбросив бомбы, погибла летчица, которую поймали вражеские прожектора. Они держали самолет в своих щупальцах, ослепляя летчицу и засвечивая приборы. Немцы открыли по ней настоящий «ливень» огня! Самолет сгорел вместе с девушкой. И я ничем не могла помочь! Другие наши девушки, Таня Макарова и Вера Белик, у меня на глазах упали прямо в траншеи советских войск, атакованные немецким истребителем...

– А Вы какой из своих вылетов считаете самым

тяжелым?

– Их было 852. Разве можно какой-то один назвать? Каждый полет давался очень трудно. Трудно было избегать прожекторов, уходить из-под обстрела и летать на разведку погоды, попадая в снег, в грозу или в непроглядную темень. А без этой разведки весь полк не выпустишь: опасно.

Мой боевой путь включает Донбасс, Северный Кавказ, Крым, Белоруссию, Польшу и Германию. Под Варшавой 16 боевых вылетов пришлось делать, всю ночь не вылезая из кабины самолета.

Прилетаю и сразу же лечу по другому маршруту. Это было очень тяжело и морально, и физически. Но всех нас подстегивала вера в Победу!

– Правда, что с мужем вы познакомились на войне?

– Да, мы оба летчики. С Семеном Харламовым мы познакомились жарким летом 42-го, под Майкопом.

Мой самолет подбили, и я оказалась вместе с нашими отступающими частями в Черкесске. Вижу, сидит летчик с полностью забинтованной головой, читает «Тихий Дон». Рядом лежит гимнастерка с засохшими пятнами крови. Я скромно представилась. Жалко его стало! Думала, что у человека с таким серьезным лицевым ранением и от лица-

Вижу, сидит летчик
с полностью
забинтованной
головой, читает
«Тихий Дон».

Я скромно
представилась.

то ничего не осталось. Стали
общаться. Развлекала его, как
могла: все песни перепела,
которые знала, все шутки
вспомнила. А потом нашли
местонахождение моего
полка и за мной прислали
самолет. Только и успела
крикнуть: «588-й полк!
Пишите!»

В следующий раз встретились
с ним в Баку, и опять
совершенно случайно!
Мой полк базировался в
Ассиновской, под Грозным. В
Баку ездили ремонтировать
самолеты. Я приехала ставить
дополнительный бачок, чтобы
можно было дальше летать на
разведку.

Смотрю, идут несколько
летчиков. В стоптанных
сапогах, с куртками
пробитыми. Среди них Сеня!
Удивлению моему не было
предела! Потом уже он нашел
меня сам, на аэродроме. И
я впервые увидела его без

повязки, такого веселого
и красивого! От радости
поцеловала в щеку. Он был
ошарашен: не ожидал! Как
потом рассказывал, после
этой нашей короткой встречи
заблудился и забрел на
кладбище вместо своего
КП (командного пункта). А
23 февраля победного 1945
года я увидела его фамилию
в одном списке со своей –
это был Указ Президиума
Верховного Совета СССР о
присвоении звания Героя
Советского Союза.

В мае, когда закончились
военные действия, Семен
приехал ко мне на служебной
машине и пригласил
смотреть Берлин. Он был
уже командиром полка.
Никогда не забуду картину,
которую мы наблюдали у
Рейхстага! Наши солдаты
стоят запыленные, со слезами
на глазах и, опираясь о
стены, клянут войну, клянут
Гитлера. Плачут, что нет у
них больше семей и домов!
Мы с Сеней взяли осколок
и оставили на стене свои
подписи: «Надя Попова
из Донбасса» и «Семен
Харламов. Саратов». А потом
он предложил мне никогда
больше не расставаться. Вот
уж не думала, что война,
которая причинила столько
горя, окончится для меня
образованием счастливой
семьи!

– Такую женщину невозможно было не полюбить: легендарная «ночная ведьма», красавица, Герой...

– Наверное (*смеется*). Меня вовсе не обижало, что немцы называли нас «ночными ведьмами»: это было лестно. Значит, боялись. И я горжусь, ведь мы боролись за правое дело! Это отмечал в женщинах нашего полка и маршал Рокоссовский. Он говорил: «Нас, мужчин, всегда поражало бесстрашие

летчиц, которые поднимались в воздух на тихоходных самолетах У-2 и изнуряли врага бесконечными бомбардировками. Одна в ночном небе, под сильным зенитным обстрелом, летчица находила цель и бомбила ее. Сколько вылетов – столько встреч со смертью».

В.А. ХОМЕНКО: «МНЕ ЦЫГАНКА НАГАДАЛА СМЕРТЬ НА ФРОНТЕ, А Я ДО СИХ ПОР ЖИВУ»

Счастье у каждого своё. Для Виктора Хоменко оно заключается в том, что во время войны его семья уцелела. Отец был партизаном, брат начальником штаба полка, он сержантом разведроты. Все отчаянно бились с врагом, и никого не сразила фашистская пуля. Это ли не счастье...

«Я счастливчик еще и потому, что начал воевать в период наступления, летом 1944-го. Тогда на фронте дух был совсем другой, бойцы воодушевленней! Мы громили фашистов по всем фронтам, и каждому из нас хотелось быть на передовой. У нас в семье все уже тогда воевали. Я с 15 лет рвался на фронт, но судьба распорядилась иначе».

– Виктор Андреевич, сколько Вам было лет, когда Вы попали на фронт?

– Я пошел в военкомат семнадцатилетним добровольцем, как только наш городок в Крыму (он назывался Старый Крым) освободили от оккупации. Медкомиссия до фронта не допустила: худой был до ужаса, ведь несколько лет недоедали. Какой это был удар! И отправили меня в еще дымящийся Севастополь: разгребать завалы. Там трудились те, кто воевать не может. А я рвался на фронт, несмотря на

то, что был похож на череп с костями, обтянутыми кожей. Благо, брат со своим полком оказался недалеко: он меня оформил и забрал с собой.

Военные действия для меня начались в румынской Бессарабии. Поначалу нелегко было освоиться. Стрельба поднялась, мне орут: «Ложись!», а я стою ошеломленный и понять не могу, что делать. Определили меня в роту связи, а потом перевели в разведку. Я немного немецкий знал и электротехникой интересовался: в оккупации книжку «Электротехника

постоянного тока» вдоль и поперек изучил. Вот и решили, что мои знания в этом деле пригодятся. Я добывал информацию о позициях противника, о его количестве и огневой мощи. Приходилось заезжать далеко вперед.

– **Это Вас не подводило?**

– К счастью, все обходилось хорошо. Однажды произошел со мной и вовсе парадоксальный случай! Во время Яско-Кишиневской операции наша 3-я ударная армия окружила 11 вражеских дивизий. Мы оказались прямо в центре фашистских позиций.

Была задача – обезоружить группировку, которая не хотела сдаваться. Я как разведчик выехал на коне, чтобы ее засечь. Слышу: где-то за деревьями зашевелились. И что вы думаете?! Нет, чтоб отметить крестиком это место на карте и вернуться к своим, я влетел прямо туда с автоматом... Мне повезло. Им даже в голову не пришло, что пленить целую роту может один человек. Поэтому сорок румынских солдат, находящихся там, побросали оружие и сдались!

– **Вот так храбрость...**

– Скорее, юношеская

*Виктор Хоменко (справа)
с братом Александром*

Была задача –
обезоружить
группировку,
которая никак не
сдавалась.

Я как разведчик
выехал на коне,
чтобы ее засечь...

горячность, которая могла бы оборвать жизнь. Но тогда я об этом не думал. Построил их и привёл в часть. Там, конечно, обомлели: «Молодец, говорят, только чем же их кормить?!» Представили к награде, да брат мой, начальник штаба полка, не стал подписывать. Он мне спуска не давал! Правда, коня подобрал хорошего...

В Румынии однажды повстречал я цыганку. Она посмотрела на меня и говорит: «У тебя есть брат. У него высокое звание». Это меня удивило! Откуда знает? «Постой! – говорю, – что еще скажешь?» А она отвечать отказалась и давай убегать от меня. Долго я проклинал себя за то, что тогда бросился за ней. Отдал трофейные часы и попросил сказать, что еще она видит. «Через три дня и три ночи тебя убьют», – таков был

приговор. Я сделал вид, что отнесся к этому безразлично, с большим недоверием. А внутри все дрожало. Три дня я прокручивал в голове ее слова и просил Бога меня помиловать. Через три дня, на Дунае, мы пошли в атаку. Рядом со мной разорвался снаряд... Меня отбросило и засыпало песком. Стало тихо-тихо так: оглох от взрыва. Думаю: «Жив! Обманула!» Как тогда напряжение спало...

– Конечно! Когда до этого отсчитывали оставшееся время и каждый день казался одним из последних.

– В постоянном страхе мы жили и в оккупации. Два года Крым находился под властью немцев. Мы с матерью остались тогда вдвоем, отец и брат были на фронте. На нашем заборе по-немецки было отмечено, что это семья партизана и советского летчика (мой брат поначалу учился в летном). Поэтому, когда партизаны нападали на оккупантов, в первую очередь за них убивали таких, как мы, заложников. По десятку человек за каждого убитого немца. Когда над городком пролетали советские женские бомбардировщики, прозванные немцами «ночными ведьмами», жителей выгоняли из домов и ставили на дорогах. А сами

оккупанты лезли в укрытия. Мы верили, что «наши» бомбы нас не убьют. И может быть, эта самая вера нас и спасала.

Мы постоянно жили в ожидании неминуемой смерти. Каждый день кого-то расстреливали или вешали, а маленьких детей даже разбивали об стену! Это был ужас!

Когда в десяти километрах от Старого Крыма остановились наши войска, немцы начали полное уничтожение всего живого в городе. Они, обвешанные автоматами и гранатами, обходили все улицы, не пропускали ни один дом. Мы с соседями впятером спрятались во дворе, в укрытии.

Наш дом обстреливал танк. Из укрытия было слышно, как несколько человек остановились совсем рядом, метрах в двух от нас. Одна старушка всхлипывала, но ей быстро зажали рот. Я понимал по-немецки, они говорили: «Здесь кто-то есть, надо бросить гранату!» Но... в соседнем доме заплакал ребенок. И они ушли туда. Убили малыша, его мать и собаку. За тот вечер уничтожили около 600 жителей.

Потом, когда наши части освободили город, несколько

палачей скрылись в горах и их поймали. Наши солдаты стояли перед разъяренной толпой уцелевших жителей и пытались сказать: «Товарищи, не подходите! Их будут судить». Но их никто не слушал. Немцев растерзали живьем. Хотя они бросались на колени и молили о прощении. Я, мальчишка еще, не участвовал в этой сцене. Я наблюдал. И не чувствовал в себе никакой жалости по отношению к этим выродкам. Люди были одержимы одной мыслью – отомстить за все фашистские зверства и годы постоянного страха!

– Между тем во время оккупации комсомольцы, находящиеся в подполье, приняли Вас в свои ряды. А члены партии и комсомола прежде всего попадали под удар. Неужели это не испугало?

– А сидеть дома и ждать, пока тебя застрелят как сына партизана, это лучше? Зимой, во время очередной облавы, когда немцы забрали у нас велосипед, патефон и еще какие-то вещи, матери удалось незаметно кинуть в печку мой комсомольский билет. Это меня и спасло.

Впрочем, некоторые немцы были неплохими людьми. Помню одного денщика, который очень любил русский язык и брал

у меня читать книги Чехова. Помню еще одного человека, который так и остался для меня загадкой...

Однажды я мастерил детекторный радиоприёмник. Уж очень хотелось услышать Москву: нам ведь в оккупации говорили, что она давно взята и наши кругом терпят поражения! У меня не получалось. Тогда протянул антенну во двор. По этой антенне он и засек меня. «Ну что, доигрался? Собирайся теперь!» – сказал он, не обращая на рыдания моей матери никакого внимания. Я был уверен, что меня ведут на расстрел. Но мы вошли в помещение, сплошь уставленное аппаратурой. Он включил мне Москву, а потом даже накормил... Так я ходил к нему несколько дней и слушал сводки о ситуации на фронте. Этот человек говорил по-русски и по-немецки. О себе ничего не рассказывал, зато сказал мне, что мой отец жив и по-прежнему партизанит. Кем он был? Немцем, отвергающим фашизм, или, может быть, русским разведчиком? Но, в любом случае, таких людей я встречал мало. Кругом был враг, и поэтому я, когда попал на фронт, чувствовал себя увереннее. Там тоже

гибли товарищи, и над тобой нависала смерть. Но ты был среди своих.

– А где Вас застало известие о Победе?

– Не поверите: в Москве! В боях под Варшавой я получил серьезную контузию, и меня отправили в госпиталь. Было очень обидно, ведь впереди мог бы быть Берлин! Так получилось, что в ночь на 9 мая я, возвращаясь из свердловского госпиталя, оказался в столице. Что там творилось! Обычно ночью город замирал, не было видно ни единого огонька. А тут все засверкало, зашумело! На Красную площадь хлынули толпы народа. Я, всего лишь сержант, оказался в центре внимания. Меня подбрасывали в воздух, чем-то угощали, люди обнимались и целовались друг с другом... Только представьте, что все были объединены одной мыслью: наконец-то Мир! Наконец-то Жизнь! Такие минуты радости удается ощутить лишь единожды.

В.А. ДАНИЛОВ: «У НАС ДАЖЕ ВОПРОСА НЕ ВОЗНИКАЛО, ПОЧЕМУ МЫ ВОЮЕМ»

Герой Советского Союза Василий Данилов попал на фронт 18-летним юношей, в феврале 43-го. Генерал-лейтенант в отставке с гордостью вспоминает свой боевой путь и работу в качестве комсорга роты, потом батальона, а затем и отряда по форсированию Днепра...

– Василий Александрович, каким образом удавалось воздействовать на молодых бойцов? Неужели рисковать жизнью можно заставить?

– Нужно уметь объяснить, для чего это необходимо. Чтобы человек сам пошел в бой, не паникуя и не думая про себя. Конечно, это очень непросто. Люди все разные, к каждому надо найти особый подход. Для этого я наблюдал за своими бойцами: за тем, как они живут, о чем говорят, как ведут себя, как воюют.

Каждый человек от природы подвержен чувству страха, и я никогда никого не называл трусом. Ни в коем случае! Иначе человек может закрыться, озлобиться... Главными методами были слово и личный пример. Я ведь рос не в сахарных условиях: крестьянская многодетная семья, где во

главе угла все время был труд, без жалоб и хныканья. Это научило меня преодолевать трудности, быть деятельным и энергичным. Когда на 19-м году жизни я попал на фронт, меня зачислили в 1118-й стрелковый полк, 2-ю стрелковую роту, стрелком-автоматчиком и сразу назначили ротным комсоргом – комсомольским организатором.

Это было очень ответственно: и за себя, и за товарищей. В боях я старался думать прежде всего о выполнении задания, а не о своей печальной участи. Это сосредотачивало на главном и позволяло скооперировать энергию. Так было и при форсировании Днепра. После тяжелейших боев за Запорожье (за каждую улицу, за каждый дом!) нам было приказано сформировать

Как только
доплыли до берега,
командир закричал:
«В атаку! Огонь!
Вперед!»

И мы открыли
ураганный огонь.

передовой отряд в 100 человек и форсировать великую реку на участке юго-западнее освобожденного города.

– Как людей отбирали?

– Брала тех, кто отлично владеет оружием, умеет плавать (на случай если лодку разобьет), думает не только о себе, но и о товарищах. Здесь нужно действовать сообща, единой душой! Тогда успех возможен. Я был комсоргом отряда. Командира выбирали долго. Многие отнекивались: знали, что на смерть идти. Отряд возглавил замечательный человек — старший лейтенант Петр Карпович Прилепа. Молодой, смелый, прекрасный командир! Очень больно от того, что звание Героя Советского Союза за форсирование Днепра он получил уже посмертно... Мы переправлялись в

лодках, человек по семьдесят. Перетащили лодки на плечах с оврага, спустили на воду, разместились и поплыли... навстречу смерти. Но, повторяю, старались об этом не думать. Думали о задаче: в кромешной темноте подплыть к берегу, не открывая огня до приказа, чтоб ничем не выдать себя. А потом в атаку!

– Получается, вы немцев застали врасплох?

– Они знали, что советские войска будут форсировать реку, но не знали когда. Поэтому постреливали из пулеметов в темноту так, для остратки.

Пока плыли, наша лодка отстала от остальных. Сапер на веслах выдохся и еле-еле греб. Я вырос на Северском Донце и лодкой управлять умел с шести лет. Решил его заменить. Мы быстро поравнялись с остальными и продолжали плыть в полной темноте. Как только доплыли до берега, командир закричал: «В атаку! Огонь! Вперед!» И мы открыли ураганный огонь!

Выпрыгнули из лодок и до наступления дня вели перестрелку. Днем немцы стали активнее и разгорелся самый настоящий, решительный бой. Сколько их, мы не знали. У них на берегу

была оборона. Мы тоже не с пустыми руками: карабины, автоматы, гранаты, пулеметы. Потом с того берега доставили 45-мм орудие. Немцы стали подбрасывать подкрепление, и в центре нашего боевого порядка начала возникать паника. Командир Прилепа вовремя отследил это, там, в вихре боя, и повернул всех в решительную контратаку. Мы с новым напором стали теснить врага, да так, что практически всех уничтожили. Потом начали прибывать к нам на лодках основные силы, и плацдарм был закреплен. Это был святой для меня

бой. Очень много моих боевых друзей погибло тогда! Пятнадцать воинов, форсировавших плацдарм (в том числе и я), стали Героями Советского Союза, из них семь посмертно... Дальше мы продолжили освобождение Правобережной Украины, боролись за Молдавию, Польшу, штурмовали Бреслау...

– Василий Александрович, у молодых бойцов, которых Вы настраивали на кровопролитные сражения, когда-нибудь возникал вопрос: «Почему мы воюем?»

Фронтовые комсорги.
Василий Данилов слева

– Для нас это была святая война. У всех, почти у всех, была обоснованная ненависть к фашистам. Они нападали на наши города, издевались над

нашими людьми, оскверняли нашу землю. Их никто не звал! Они сами пришли. И мы им показали, что не нужно было этого делать.

Т.М. КОНОВАЛОВА: «У МЕНЯ В СУМКЕ ТРЯПКИ БЫЛИ, Я ИХ ВЕРЕВОЧКОЙ СВЕРНУЛА И РУКИ ФАШИСТАМ СВЯЗАЛА»

Золушка, защитница Родины, мать-героиня – всё это один человек, уфимка Тамара Коновалова, в девичестве Смолянинова.

«НОЧЕВАЛА НА МАМИНОЙ МОГИЛЕ»

Слышим, морзянка
запищала. Дверь
на чердак открыта.

Потихоньку
поднимаемся.
Пусто! Ясно – он
с рацией
в трубе.

**– Расскажите о своей семье,
Тамара Матвеевна.**

– Я выросла в Уфе. Отец работал железнодорожником, мать – медсестрой. Были старший брат и две сестрѐнки. В 1932-м мама умерла, а год спустя похоронили младшую сестру. Отец привел в дом женщину с дочерью. И жизнь с тех пор стала для меня мучением. В зал и в спальню

заходить стало нельзя, ночевали на кухне. Уходя из дома, мачеха выгоняла нас на улицу. Соседи начали её стыдить. Тогда она продала всё, что можно было, и купила квартиру в частном доме. Жила я в сарае, в дом пускали только в морозы. Летом часто ходила ночевать на мамину могилку... Чтобы не пропасть от голода, пасла коз. Хозяева расплачивались едой, которую я делила с сестренкой и братом. Однажды (мне было 15) соседи дали одежду, из которой выросла их дочка – юбку, чулки, рубашку и туфли. Вечером смотрю, мачехина Шурка в моей обнове расхаживает. Я к ней: «Отдай!» А мачеха мне: «Ты же грязнуля, зачем тебе?» Я не унимаюсь. Тогда она говорит своей дочери: «Отдай, а я тебе денег дам, поедешь завтра с дядей Иваном в Булгаково, он тебе все новое

купит». Шурка одежду в меня швырнула и на следующий день уехала с мачехиным братом.

А дальше случилось несчастье. Шура пропала. Через три дня её тело нашли в реке Уршак. Что там произошло, неизвестно, но на меня накинута вся родня мачехи – мол, наслала беду. Даже убийцей называли, не дали к телу подойти для прощания. Хоронили 21 июня 1941-го...

– Как Вы попали на войну?

– Брата Диму сразу забрали на фронт. Мачеха, желая быстрее от меня избавиться, изменила в метрике год рождения с 1926-го на

1925-й и отправила меня в железнодорожное училище. В общежитие городских не пускали – я ночевала в классе. В 1942-м перевели на паровозоремонтный завод – стала работать сверловщицей. Делала головки к снарядам, спала в цеху. Однажды подошёл комсорг: «Призыв объявляют. В армии шофера нужны. Пойдёшь?» Я сразу согласилась, лишь бы сбежать от голода и бесприютности. Училась в автошколе в Уфе, потом в Подмосковье. Летом 1944-го посадили нас в эшелон и отправили на 1-й Белорусский фронт.

БОМБЫ И ШПИОНЫ

– Чем запомнился первый день на фронте?

– Шпионов послали ловить!

– Вы же водителем были...

– Попала я в 4-ю батарею 87-го полка 64-й отдельной зенитной дивизии. Эшелон пришёл в Ковель (это на Западной Украине) ночью. Командиры нервничали, торопили при разгрузке. Станцию часто бомбили – говорили, что по наводке немецкой агентуры. У меня был американский грузовичок «Додж», я на нём

потом 37-миллиметровую зенитку возила. Выгрузились нормально, расположились неподалеку от станции. А утром – бомбёжка. Сараи загорелись, а рядом наши машины со снарядами. Я их скорей отогнала в безопасное место.

Потом троих раненых в госпиталь отвезла. Вернулась – вызывает командир батареи капитан Осадчий: «Вот тебе, переодевайся». И выходит из блиндажа. Юбка какая-то длиннющая, босоножки... Ничего не понимаю.

Снаружи высокий парень ждёт. «Вот тебе кавалер, пойдёшь с ним гулять, – говорит капитан. – Как будто вы влюблённые. Вон, видите, железнодорожник в красной фуражке? Идите за ним, он поздоровается с одним штатским. Это вам знак: проследите за тем человеком». Точно, вскоре железнодорожник поздоровался с мужчиной лет 35-ти... Ну, мы за ним. Кавалер меня то обнимет, то даже на руки возьмёт! Первый раз в жизни парень меня обнимал... А «наш» дядька заходит в какой-то дом. Мы следом... Слышим, морзянка запищала! Дверь на чердак открыта. Потихоньку поднимаемся. Пусто! Ясно – он с рацией в трубе (в тех краях трубы толстые делают и печным дымом мясо коптят). Мы притаились. Вот рация замолчала. В трубе дверца открывается, и этот выскакивает. Мой парень – бац ему по шее! Руки спереди связал, да ещё пуговицы с ширинки скрутил. Тут не сбежишь – штаны надо держать... Привели к начальству. Оказывается, в тот день целую операцию в городе провели, человек десять выловили, работавших на немцев.

Долго их не допрашивали, свезли на станцию и

выстроили на краю канавы. А напротив – нас, молодых солдат, которые их ловили. Подполковник Кузнецов, из штаба дивизии, говорит: «Объявляю благодарность! Эти агенты нам здорово вредили. Вы их поймали, вы с ними и разбирайтесь». У нас автоматы в руках. Только никто не выстрелил. Ну, вы сами подумайте, мне 17 лет – как я могу в человека стрелять? Один среди нас опытный оказался – после ранения прибыл, ему и в рукопашную ходить приходилось. Но и он безоружных не смог убивать! Подполковник вздохнул: «Дети вы, дети... Как победу добывать будем?» Загнали шпионов на грузовик и увезли.

А мне капитан Осадчий новое задание даёт: «Вот по этой улице поедешь, потом направо, до крайних домов, разворачивайся и назад. Автомат оставь, возьми пару гранат на крайний случай». Опять мне ничего не понятно! Доезжаю до места, разворачиваюсь. Выскакивают из ворот четверо солдат, закидывают три мешка с мясом в кузов, привязывают корову – «Давай, поехала!» Ну, еду. С коровой особо не разгонишься. Вдруг какие-то люди на дорогу выходят. В нашей форме, но явно не

наши. Один ко мне в кабину: «Ого, тут девка!» Другие за мешки хватаются. Тут как из-под земли – солдаты с автоматами. Налетчиков повязали, а мне дальше велели ехать...

Позже я поняла: на окраине

города наши заготовители работали. Перевозку продуктов «пасли» то ли бандиты, то ли дезертиры. А на бандитов устроили засаду наши ребята – может, из пехоты, может, из СМЕРШа...

ИЛИ ГЕРОЙ, ИЛИ ВРАГ

– Что для Вас было страшнее всего?

– Что поломка случится, и я приказ не выполню. «Додж» – машина отличная. Но я совсем неопытным шофером была, плохо ещё её знала. Однажды на марше заглох двигатель. Рядом со мной – комвзвода Юра Завьялов, уфимский парень, кстати. Разозлился он страшно. Достает пистолет и говорит: «У тебя, Смолянинова, три минуты на размышления!» Понятно, ему-то тоже несдобровать, если приказ не выполнит! Руки трясутся, открываю капот. Бензопровод цел, стеклянный отстойник в порядке... Смотрю – там ещё фильтр в железном цилиндре, нам про него и не говорили на учебе! Открутила – он весь песком забит! Прочистила, завела мотор, поехали. С тех пор ничего у моего «Доджа» не ломалось... Вскоре двинули нас на Польшу. Мой «Додж» – первый в полковой колонне.

Сплошная темень, фары включать нельзя. Дорога всё хуже. Потом вообще в болото заехали. Юра выходит: «Я пешком, а ты давай за мной потихоньку». Оказывается, саперы гати сделали – настилы из бревен. Чуть рулем вильнешь, и всё – застрянешь, дорогу всем перегородишь. Расстреляют тут же, как врага народа! Сколько мы тащились, не помню. Никогда потом не было так страшно, как в ту ночь. Проехали благополучно. Заняли позиции. Утром артподготовка. Началось большое наступление. Для фашистов оно стало полной неожиданностью. Дошли мы до Вислы, пехота мост захватила, наш полк его прикрывал от авианалетов. Там мне медаль «За отвагу» вручили. «За что это?» – спрашиваю Завьялова. «А ты не догадываешься?» «Нет, – говорю. – Я же просто приказы выполняю». «Ну, ты дурочка бестолковая...»

*С однополчанами.
Тамара Коновалова
крайняя слева*

Тамара
Коновалова

Февраль 44.

«ПАНИ, ХЕНДЕ ХОХ!»

– Мы знаем, что Вы даже плененных брали. Расскажите об этом.

– В какой-то польской деревне я поехала к местному кузнецу, чтобы выправить погнутый бампер. Он с готовностью взялся помочь. Он работает, а тут вдруг прибегает какой-то хлопчик: «Пани, хенде хох! Хенде хох!» И на край села показывает. Смотрю – два немецких солдата идут. Ну, я автомат беру – и к ним. Они безоружные, сразу руки вверх. У меня в сумке тряпки были, я их веревочкой свернула и руки фашистам связала. И ещё пуговицы со штанов скрутила (как мой ковельский «кавалер» при задержании шпиона). Одного в кабину посадила, другого на крыло – и на батарею, к капитану Осадчему. Фрицев допросили. Оказалось, неподалеку лагерь русских военнопленных. Эти двое были из охраны, то ли сдаваться, то ли прятаться шли... Они сообщили, что всех узников собираются убить. Капитан скорее к рации, связался с начальством, пехоту

подняли, и по машинам. Немцев ко мне в кузов: дорогу показывать. Ворвались наши в лагерь, спасли тех, кто там ещё оставался...

Дошли до Одера, там меня орденом Славы III степени наградили. А за что? Я делала то же, что и другие. Правда, я почему-то смерти не боялась. Бывало, едешь со снарядами или с ранеными по понтонному мосту, а его за тобой в щепки разносит... Самолёты за нами гоняться любили. Давишь на газ, он вот уже близко – тут по тормозам! Он проскакивает... Сколько раз покрышки простреливали, на дисках на батарею приезжала. Но страха не было. Я в кабину матрац да подушки приспособила: говорят, пух пули не пропускает...

Победу я встретила на Эльбе. После войны вышла замуж и вырастила семерых дочек и троих сыновей. В 1966-м году мне вручили орден «Мать-героиня»...

М.А. КРУК: «МЫ СНЯЛИ ФАШИСТСКИЙ КОРМОВОЙ ФЛАГ И НАШЛИ СЕЙФ С ДОКУМЕНТАМИ»

О подвигах советских моряков на суше и на море в годы Великой Отечественной войны ходят легенды. Один из таких примеров – судьба моряка-подводника, капитана 1-го ранга Михаила Крука.

– Михаил Александрович, как так получилось, что Вы, будучи 17-летним пареньком, были призваны на военную службу?

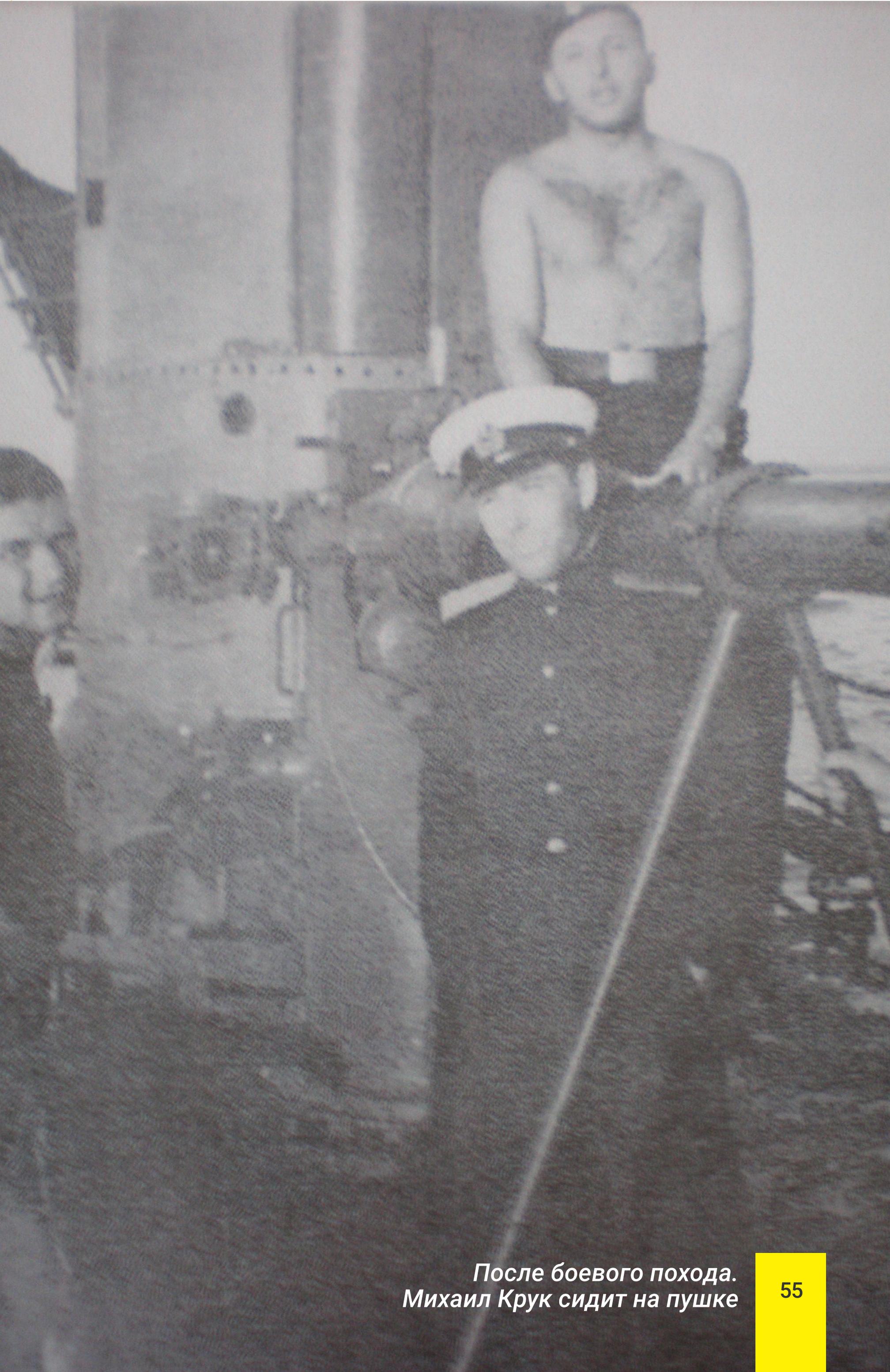
– В Советском Союзе было создано семь военно-морских средних специальных школ. И несмотря на лето, когда в основном все дети в лагерях, 6 тысяч московских мальчишек подали заявление на поступление в 1-ю военно-морскую школу. Среди них был и я. Тогда проходил очень строгий отбор: из 6 тысяч можно было принять всего 520 человек. Большинство ребят не прошли медицинскую комиссию, потому что для этого требовались абсолютное здоровье и хорошая физическая подготовка.

И вот 1 сентября 1940 года меня вместе с другими ребятами распределили по трем классам-ротам.

Я в свои 16 лет попал во 2-ю роту. Наряду с общеобразовательными предметами мы изучали и военно-морские дисциплины. Меня сразу назначили помощником командира взвода, потому что к тому времени я уже имел звание яхтенного рулевого 1-го класса и прошел обучение в морской школе Осоавиахима. А 1 мая 1941 года наша спецшкола участвовала в последнем предвоенном параде на Красной площади. Помню, в тот день пошел сильный снег, а мы были в летней форме, ведь май на дворе.

– Где и как Вы узнали о начале войны?

– Мы тогда находились на острове Валаам, на Ладожском озере, где проходили курс молодого матроса. Нас готовили для принятия присяги. В ночь с 21-го на 22 июня я дежурил

После боевого похода.
Михаил Крук сидит на пушке

на сторожевой вышке и на финском берегу увидел пожар, но не придавал этому большого значения. Нам говорили, что обстановка очень напряженная и в любую минуту может начаться война, но никто не ожидал такого развития событий. А в воскресенье, 22 июня, мы пошли в кино, смотрели кинофильм «Девушка с того берега». И только закончился фильм, как услышали сигнал боевой тревоги. На построении полковник объявил нам, что в пять утра фашисты, нарушив пакт о ненападении, начали войну. Перед нами тогда была поставлена задача: эвакуировать людей и боевую технику с острова Валаам. На нем находилось множество подразделений и основной госпиталь. И мы под налетами немецкой авиации переправляли с острова Валаам все на Большую землю, в эшелоны. И, когда уже немцы прорывались к Карельскому Перешейку, мы последними отходили к Ленинграду.

– Если я правильно поняла, войну Вы встретили уже будучи кадровым военным. Так где начался Ваш боевой путь?

– Из Ленинграда мы срочно вернулись в Москву. По указу Верховного

Главного командующего было сформировано 25 морских стрелковых бригад, которые состояли из 40 тысяч моряков. Когда под Москвой сложилось трудное положение, семь бригад были направлены туда. Наша 75-я бригада в основном была сформирована из курсантов военно-морских училищ Ленинграда и Севастополя. В мое отделение также были направлены и уже довольно взрослые мужчины из сибиряков-охотников, от 25 до 40 лет, в то время как мне было неполных 18.

– Значит, несмотря на Ваше морское образование, боевое крещение Вы получили не на море, а на подступах к Москве?

– Да, наша бригада находилась тогда северовосточнее Старой Руссы. И, помню, совершали мы очень тяжелый переход: в 30-градусный мороз, в сильные метели, шли во всем обмундировании и с орудиями 150 километров в снегу по колено, чтобы занять выделенную нам позицию напротив 16-й немецкой армии. Наша линия обороны растянулась тогда на несколько десятков километров, и нужно сказать, что ни на шаг моряки не отступили.

И вот тогда в наших бригадах родилась песня, которая

«
«
Подводная лодка
«Л-23» ушла в
поход, атаковала
немецкий конвой,
доложила о
проделанной
работе и больше на
связь не выходила.

позже стала своего рода
гимном морских пехотинцев.
В ней были такие слова:

*Боевые огнистые зори
Над широкою Волгой встают.*

*Моряки молодые о море,
О покинутом море поют.*

*Нас в пехоту сражаться
послали,*

*Беззаветных морских
сыновей,*

*Только мы бескозырки не
сняли*

И не сняли тельняшки своей...

*(Михаил Александрович
раскрывает китель и,
показывая под рубашкой
тельняшку, с улыбкой
добавляет: «Конечно, это не
та, которую
я в 41-м носил...»).*

**– Михаил Александрович, что
бы Вы могли вспомнить о тех
первых днях и неделях под
Москвой?**

– В начале войны наше

отделение совершило
много рейдов, и однажды
нам удалось взять в плен
адъютанта командира одного
из крупных соединений
немецкой 16-й армии.
При нем оказались очень
важные документы, которые
помогли нашим командирам
при планировании
контрнаступления под
Москвой. Помню, тогда этот
немец все кричал, что он нас
уничтожит.

**– Вы знаете немецкий
язык. Он Вам очень
пригодился в годы войны?**

– Я знаю и немецкий, и
английский. Английский
язык довольно хорошо,
а по-немецки читаю и
разговариваю со словарем.
Немецкий мне пригодился
тогда, но руки потом болели,
потому что ими приходилось
дополнять *(смеется)*.

**– Как Вы и ваши товарищи
восприняли такое
молниеносное наступление
врага?**

– Мы ведь всегда пели такую
песню: «...Чужой земли
мы не хотим ни пяди, но и
своей вершка не отдадим».
И, конечно, то, что немцы от
границы до Москвы дошли
в очень короткий срок,
стало для нас полнейшей
неожиданностью. А после
разгрома немцев под
Москвой, когда были взяты
Вязьма, Ржев, Солнечногорск,

Скопин, мы, к сожалению, потеряли очень много людей. А сегодня из 520 моих сверстников, с кем я начинал, в живых остались лишь шесть человек.

– **Михаил Александрович, но ведь война, как бы тяжело на ней ни было, это ведь не только боевые действия...**

– Конечно! Знаете, для нас был праздник, когда нам привозили горячую пищу. А так в вещмешке у нас были сухари, тушенка и прессованные брикеты пшенной каши на льняном масле, которые надо в кипятке разводить. Но кипяток взять было негде, и мы пшенку так жевали. До сегодняшнего дня у меня во рту сохранился вкус этой каши. Вот основным рационом и были тушенка, сухари да выкопанная в огородах картошка, которую мы запекали в углях. Вот это вкуснота необыкновенная! *(Смеется)*

– **Получается, Ваша «сухопутная кампания» прошла относительно благополучно?**

– Не совсем. Осколок от мины попал мне выше колена, торчал тогда, я его и выдернул. Потом сестренка подошла, обработала рану и перевязала, сейчас только шрам остался.

– **А как часто Вам удавалось**

писать письма своим родным и близким?

– Вы знаете, дело в том, что, когда мы находились под Москвой, не до писем было. Может, раза два я маме написал, она в Москве осталась. Отец, как и я, был на войне, погиб под Вязьмой, а я тогда под Старой Руссой был, мы так и не встретились с ним. До войны он был замдиректора ВГИКа, и когда образовывались ополчения, всех его студентов направили на формирование ополченческих полков, а у отца бронь была. Отец тогда пошел к первому секретарю московского комитета партии Щербакову, с которым они дружили, и сказал, что хочет пойти со своими студентами. И в знаменитой Вяземской операции, в которой погибло много людей, сложил свою голову и он. Ему было сорок три года. И я до сих пор не знаю, где он похоронен.

– **Михаил Александрович, что есть война для Вас?**

– Это философский вопрос. Для меня война, наверное, как и для любого другого человека, это трагедия. В первую очередь, трагедия. Я не знаю ни одной семьи, которую бы не затронула война, в которой бы не потеряли родных и близких. И особенно я всегда с глубочайшим уважением

относился к женщинам, которые воевали.

– Вы много знали таких?

– Конечно, вот Маша Галышкина – у нее было три медали «За отвагу». У женщины! Это же о чем-то говорит. Катя Демина – Герой Советского Союза. Со многими из них и после войны я встречался. Вот не зря говорят, что у войны не женское лицо. Но они ни в чем не уступали мужчинам и заслужили огромное уважение.

– Что-нибудь расскажете о морских боях?

– В годы войны я совершил три боевых похода на подводной лодке «С-33». В последнем боевом походе, в марте 1944 года, мы вели артиллерийский бой с немецкой быстроходной десантной баржей (БДБ). Выпустили мы тогда порядка пятидесяти снарядов из 45-мм пушки – не тонет. Выпустили около шестидесяти снарядов из 100-мм орудия – не тонет. Уже не отвечают на наш огонь, но держатся на плаву. Тогда командир Борис Андреевич Алексеев, капитан 3-го ранга, принимает решение подойти к борту БДБ. Мы подошли: всюду на палубе лежали немцы, мы сняли фашистский кормовой флаг, забрали шесть немецких автоматов и нашли сейф с документами. Он сыграл

очень важную роль, потому что в нем находились планы немецких минных постановок, которых у нас не было, и это помогло в дальнейшем наступлении наших войск и освобождении Крыма. Потом уже в училище мне вручили орден Красной Звезды за этот артиллерийский бой, командир лодки Алексеев стал Героем Советского Союза, а подводная лодка – гвардейской. Но самое интересное, что после выпуска я попал на эту лодку командиром минно-артиллерийской боевой части и служил на ней уже долго.

– Какие боевые задачи были возложены на Вашу подводную лодку?

– В первую очередь, все задачи подводных лодок связаны с уничтожением надводных и подводных сил противника. Моя лодка «С-33» уничтожила одиннадцать немецких кораблей, в уничтожении трех из них я участвовал, будучи еще курсантом. Также в задачи входили высадка диверсионного десанта и разведывательные операции.

– А что собой представляет морская разведка? Как Вы получали разведданные?

– Для разведки мы использовали не только радиолокацию, была у нас и сверхбыстродействующая

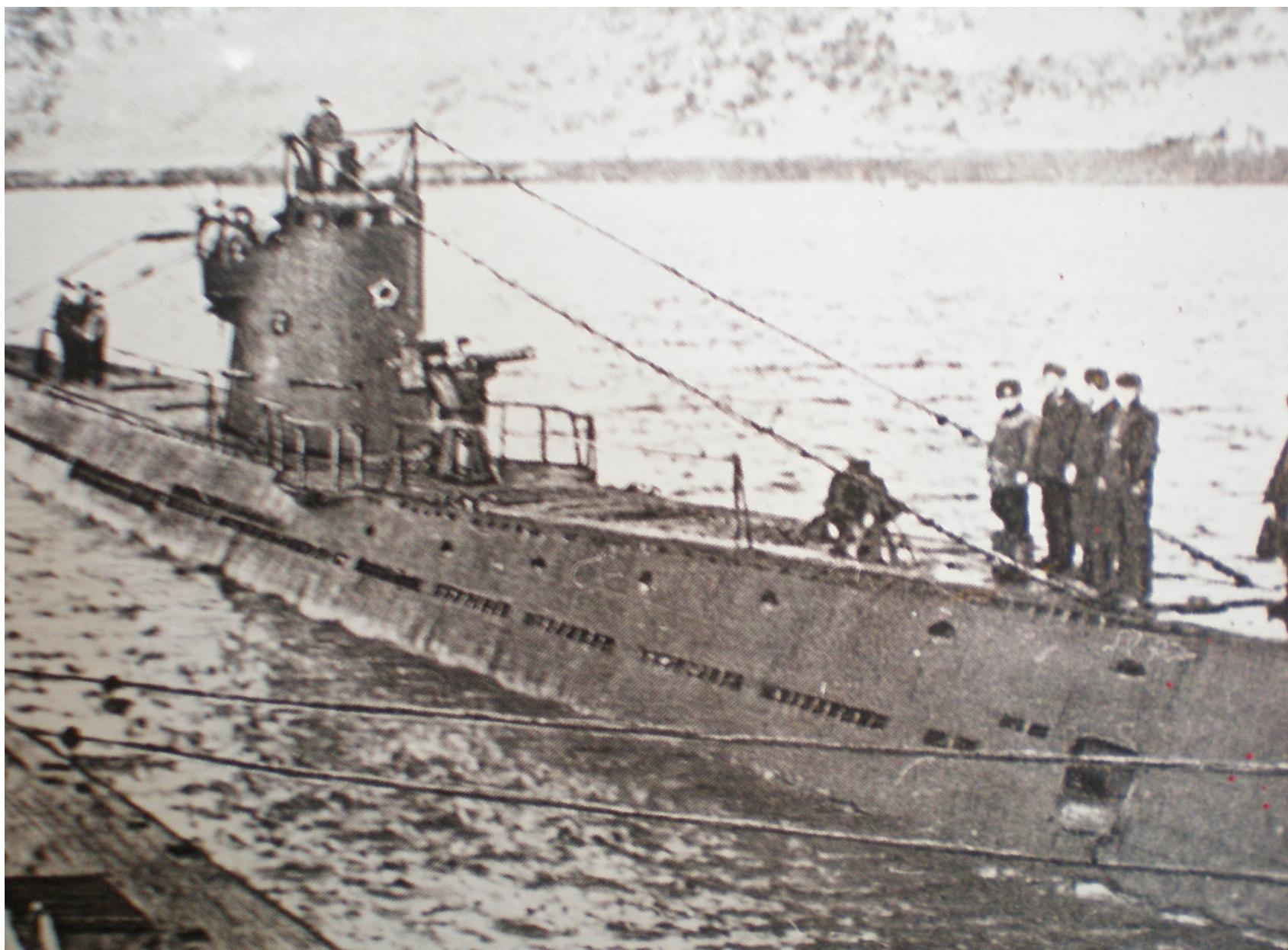
аппаратура (СБД). Ведь под водой я не могу радио использовать, только принимать сигнал до 15–20 метров. Для передачи сигнала нам надо подняться к поверхности. Для связи было выделено определенное время. Например, сеанс связи четко в 16 часов, мы всплываем к поверхности и в течение пятнадцати секунд должны обеспечить контакт. Этот обмен связью сложен для подводника, но крайне необходим.

Помню, тяжелейший случай был, когда подводная лодка «Л-23» ушла в поход, атаковала немецкий конвой,

доложила о проделанной операции и больше на связь не выходила. Через три месяца поисков было официально объявлено, что «Л-23» погибла. Командирами на ней были капитан 1-го ранга Крестовский и капитан 3-го ранга Фартушный... И потом всегда, когда мы проходили эти места, где, по нашим предположениям, могла затонуть «Л-23», бросали в море венок, выстраивались командой, опускали флаг и включали «Варяга».

– **Морские и сухопутные войска помогали друг другу?**

– В обороне Москвы и в

Подводная лодка «С-33» на базе, г. Поти, Грузия

контрнаступлении под Москвой Севастополь сыграл огромную роль. По плану «Тайфун» немецкого генерального штаба, 300-тысячная армия Манштейна с огромным количеством танков и самолетов была направлена на взятие Крыма и Севастополя. Но не получилось это у немцев. 250-дневная оборона Севастополя оказала огромную помощь защитникам Москвы в дальнейшем разгроме противника. Поэтому мы всегда считаем, что города-герои Москва и Севастополь – побратимы, они связаны кровью. И главная трагичность в том, что порядка 80 тысяч наших матросов и красноармейцев остались в Крыму, когда наши корабли ушли из Севастополя, поскольку уже невозможно было войти в город. Но то, что корабли ушли на Большую землю, помогло сохранить флот для дальнейших боевых действий.

– Михаил Александрович, война сама по себе – тяжелейшее испытание для человека, как физическое, так и моральное, а для подводников, наверное, это осложняется еще и замкнутым пространством, нахождением в одних и тех же условиях... Вам

доводилось наблюдать случаи срывов у моряков?

– Я отвечу вам словами Героя Советского Союза, командира подводной лодки Магомеда Гаджиева: «Никто так близко не стоит к смерти, как экипаж подводной лодки. Там или все погибают, или все возвращаются с победой». И я с ним полностью согласен. Подводники – это особые люди. Я, когда подбирал себе экипаж из молодежи, с каждым беседовал лично, ведь в первую очередь важны жизненные принципы будущего подводника. Я человека по поведению сразу могу определить. Есть характерные черты, избавиться от которых очень сложно. А вообще я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то из подводников изменил Родине, предал товарищей. И, конечно, главным всегда остается физическое здоровье, потому что в замкнутом пространстве подводной лодки движения очень немного, и может развиваться гипотония. Помню, на атомных лодках у нас были оборудованы спортивные залы с множеством тренажеров. И потом у подводников участились сердечные приступы, потому что тренажер требует большой физической нагрузки, а организм в

аморфном таком состоянии из-за отсутствия движения, что очень сильно сказывается на здоровье.

– Были случаи, когда Вам как капитану приходилось отправлять кого-то на берег?

– Да, у меня было несколько случаев, когда я списывал на берег. Например, был у меня такой матрос, прекрасный человек, в чистоте содержал кают-компанию, но как погружаться – он бегом ко мне на центральный пост: «Товарищ командир, мы всплывем или не всплывем?». Я говорил: «Всплывем, конечно, иди, не беспокойся». Но вот он не мог привыкнуть к погружениям. Пришлось отправить его на береговую базу. Но он всегда приходил нас встречать и провожать.

– А кормили вас хорошо?

– На подлодках всегда хорошо кормили. Единственное что – хлеб не выпекали. А так консервы, копчености, и даже икра была.

– Забавные случаи наверное тоже бывали?

– Это было уже после войны, когда я лодкой командовал... Нам положено 50 граммов вина к обеду. Бачок на пятерых. Я как-то шел по лодке, смотрю, в одном отсеке косенький матросик, в другом... Я вызываю к

себе, спрашиваю: «Слушай, в чем дело?» – «Ну, товарищ командир, в бачке 250 гр – сегодня один пьет, завтра другой...» Я тогда приказал со следующего дня вино выливать в компот. Такой компот вкусный получался! Проходит пара недель, приходит ко мне мой секретарь комсомола: «Товарищ командир, вот мы собрались с ребятами, даем вам слово – каждый будет сам за себя пить, только не надо больше в компот вино выливать». Как рукой сняло!

– Михаил Александрович, какими были Ваши впечатления от немецкого военного флота?

– У немцев были очень хороший флот и прекрасно отработанные экипажи. Я встречался с немецкими противолодочными кораблями, у них уже была акустика, которой у нас не было. И если они вцепились в тебя, то очень сложно было уйти, какие только маневры мы ни совершали. Немецкие подводники были неплохо подготовлены. Это был непростой противник, и шапками его не закидаешь.

– Существуют ли морские приметы? Верите ли Вы в них?

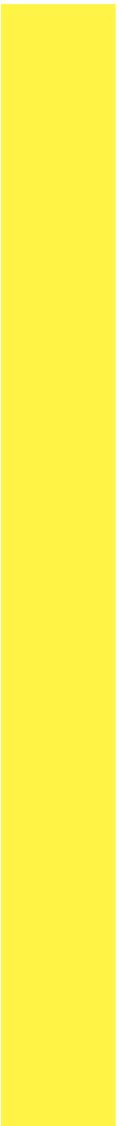
– Конечно. Вот 13-го числа и в пятницу мы старались не выходить в море. Но если

13-е выпадало на пятницу, то минус на минус – получается плюс, тогда в море выходили. Или: чайка ходит по песку – моряку сулит тоску; чайка села в воду – жди хорошую погоду. Значит, тишь, гладь и Божья благодать. Я, в общем-то, не суеверный человек, но традиции всегда соблюдал.

– Михаил Александрович, Вам снится война?

– Вы знаете, редко. Я стараюсь себя лишней

раз не настраивать на этот минор. Потому что очень больно вспоминать все это. Особенно сейчас, когда я один остался, без жены. Поэтому, если что-то военное снится, я просыпаюсь и уже больше не засыпаю. Война для меня связана с огромными потерями: прежде всего близких, друзей, родственников. И это до конца жизни будет так.

Н.И. ГОЛИКОВ: «НА ВОЙНЕ ЧЕЛОВЕКОМ ОСТАВАТЬСЯ МОЖНО, НО ОЧЕНЬ ТРУДНО»

Свой долг Родине Николай Голиков отдал сполна. Три года и в лесах, и в полях воевал, да по ночам совершал затажные переходы с невыносимо тяжёлой поклажей. И в сырых окопах сидел, и одной мороженой капустой питался. Выжил. Имеет медаль «За отвагу», орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени. И осколок от бомбы в себе носит.

После войны на флоте служил – и не потому что хотелось. Просто не хватило Родине «отданного долга» в три года. Ещё пять лет потребовала – «в кредит». И поэтому дома, в родном Палехе, увидели Николая Ивановича только в 1950-м.

Но самое поразительное – несмотря на ужас войны и тяжёлую жизнь, он стал художником. Народным художником РСФСР. Удивительный человек.

ПУТЬ НА ФРОНТ

– Николай Иванович, 22 июня стало для Вас «громом среди ясного неба»?

– Ощущение близости войны было и задолго до 22 июня. Шёпотом, но люди говорили о ней. И всё-таки объявление Германией войны стало шоком. В тот день, помню, я с семьёй сидел за обеденным столом. И, когда по радио объявили о начале войны, мы все одновременно воскликнули: «Юрка пропал!». Юра был моим старшим братом. Закончив с отличием Палехское художественное училище, он собирался

поступать в Академию Художеств. Вместо этого он попал в погранвойска на польскую границу и погиб.

А уже в августе в Палехе было собрано народное ополчение. И я среди ополченцев. Но через несколько месяцев немцев под Москвой разбили, так что серьёзно готовится к армии я стал в августе 42-го.

– Как Вы попали на фронт?

– В конце февраля – начале марта 1943 года мы, курсанты Подольского пехотного училища, эвакуированного в Иваново, были направлены на фронт. Продвигались

медленно и, по прибытии в Тулу, застали там в полном разгаре весну. А были мы в валенках, в шапках, в теплом белье, в рукавицах! Кормили плохо, и почти всё зимнее обмундирование пришлось обменять на еду у гражданского населения. Потом мы продолжили путь...

362-я стрелковая дивизия, в которую мы прибыли, уже побывала на Калининском фронте. Теперь это были жалкие ее остатки: в ротах по два-три старых солдата, а то и ни одного. Многие больны дистрофией, беззубые, оборванные, вшивые, измученные до предела. Некоторых водили под руки. Ночью, из-за куриной слепоты, они ничего не видели и ходить могли только с поводьями. Ели молодую крапиву, щавель. Спали на ходу. Очень печальное зрелище...

В начале мая нас вооружили и маршем направили на юг, в сторону станции Чернь. Переход производили скрытно, ночами; котелки,

каска и другие гремящие предметы были подвязаны, запрещалось курить. 70-километровый переход преодолели с трудом. Сколько ночей шли – не помню. Едва объявляли привал, садился и засыпал.

За Чернью располагалась деревня Ильинка. Рядом проходила железная дорога на Мценск. Он был в 30–35 км. Полгорода находилось у немцев, половина – у нас. Оттуда доносился грохот бомбежек, не смолкали артиллерийские выстрелы, в воздухе шли непрерывные воздушные бои, ночью повисали осветительные ракеты на парашютах.

Почти ежедневно, в сумерки, в сторону Мценска проходил маленький паровозик с 2–3 теплушками. В них находились штрафники. Иногда они пели. Это означало, что будет производиться разведка боем. Операция была равносильна смерти. Немногие и только ранеными возвращались из нее. Утром уцелевших везли обратно.

ПЕРВОЕ РАНЕНИЕ В ПЕРВЫХ БОЯХ

– Судя по датам, получается, первые Ваши сражения пришлось как раз на период

Курской битвы...

– Да, и воевал, и траншеи

рыл... Мы строили третью линию обороны Брянского фронта. Работали до изнеможения весь конец мая, июнь и начало жаркого июля. 5-го июля немцы перешли в наступление на Центральном и Воронежском фронтах – началась Курская битва.

Нас срочно определили кого куда. Выдали по 500 штук патронов, гранаты, бутылки с зажигательной смесью, противогазы, лопаты, плащ-палатки, шинели, вещмешки. Сухой паек – несколько ржаных сухарей и ложку сахарного песку – съели сразу. Как ни странно, больше всего мне запомнилось, что моя

часть проходила тогда через Спасское-Лутовиново, через тургеневские места. В усадьбу мы вошли в сумерки. Справа белела церковь, чернели сад с парком. Погода была ужасная, гроза, и мы жутко уставшие. Раскаты грома перемешались с грохотом орудий...

От Спасского пошли на юг, огибая Мценск. Передвигались ночью, днем прятались в лесочках и перелесках. Шли по местам недавних боев: повсюду сгоревшие деревни, разбитая техника, трупы солдат. Однажды недалеко от села Высокого переходили через поле, сплошь покрытое

Много лет спустя Николай Иванович вернулся к местам боев. Орловская область

В сторону
Мценска проходил
паровозик
с теплушками.
В них находились
штрафники.
Иногда они пели.
Это означало, что
будет разведка
боем. Операция
равносильна
смерти.

кучами трупов наших солдат,
посеченных пулеметами.
Вскоре увидели, что
пулеметчиками были немцы-
штрафники, прикованные к
пулеметам. Они и мертвые
сидели, как живые.

16 июля подошли к селу
Высокому. Накрапывал
дождик. Изредка долетали
шальные мины и рвались
в огородах и лопухах. Все
проголодались и искали
глазами, чем бы набить
животы. Увидев сад с
недозрелыми яблоками,
мы полезли на яблони,
не обращая внимания
на предупредительные
знаки: «Осторожно!
Заминировано!».

Ночью на открытом месте нам
приказали залечь в кюветы
и предупредили: «Не спать!
Впереди только немцы». Это

была передовая. На дороге,
метрах в 30-40, стояли два
танка Т-34. Из люка ближнего
наполовину вывалилось
тело обгоревшего бедняги-
танкиста. Значит, недавно
здесь шел бой. Становилось
жутковато. Я стал потихоньку
окапываться.

Разбудил меня шорох. Кто-
то полз по кювету ко мне.
Это был наш солдат. Он
шепотом передал приказ:
узнать, кто находится в
леске, расположенном за
полем шириною 200-300
метров, разыскать кухню и
принести два котелка воды.
Я взял винтовку, котелки,
вещмешок и, согнувшись,
осторожно направился
через поле. В лесу я заметил
солдата, прятавшегося от
меня. Осмелев, он подошел
и спросил, кто я и откуда
пришел. Сказал, что кухню
вчера разбомбили, и махнул
рукой в сторону, где она была.
В луже, после вчерашнего
дождя, лежали убитые
лошади. В стороне – повара,
которых я всех знал: недавно
дежурил на кухне. Я набрал
воды. Солдат поторопил,
чтобы быстрее сматывался,
а то можно нарваться на
немецкую разведку.

Вернулся, когда стало
подниматься солнце.
Высоко в небе уже летали
немецкие самолёты. Ждать
атаки пришлось недолго.

Сначала завывали мины, загрохотала артиллерия, затыкали короткими очередями пулеметы. Потом появились пикировщики и, развернувшись каруселью, начали бомбить нас. Становилось жарко. Мы все плотнее прижимались к земле. Вдруг тишина. Кто-то сказал: «Немцы завтракают. А у нас третий день – ни хрена!»

Поступила команда: «Бегом, через поле, в лес!». Оттуда я недавно вернулся. Немцев в лесу не было, но следы их остались: кровавые бинты, куски ваты, мундиры, пилотки – уходили спешно. Наше продвижение они засекли, и начался обстрел. На счастье, рядом находился заболоченный луг. Снаряды, падая на него, рвались глубоко в земле, а иные уходили в трясину, не взрываясь.

Выйдя из-под обстрела, мы оказались в липовой аллее старинного парка. В конце аллеи начиналась траншея, только что оставленная немцами. Траншея быстро наполнялась солдатами. Немцы чувствовали, что готовится атака, и усилили обстрел. Кусты над бруствером потрескивали и дымились от разрывных пуль. Нам приказано было сесть на дно траншеи. Сидели, прижавшись друг к другу так

плотно, что невозможно было пошевелиться. Принесли сухой паек: два сухаря и ложку сахарного песка. Одни съели сразу, а другие убрали, боясь ранения в живот. Передали приказ: в 12 часов идти в атаку, сигналом будет залп «Катюш».

– Вот как это: заставить себя подняться из траншеи и идти в бой, на смерть? Что Вы чувствовали? Что происходило вокруг?

– Главное, чтобы опытный товарищ рядом с тобой был. И помог бы, если что. Мне один солдат, уже не однажды побывавший в боях, так и сказал: «Следи за мной и учись».

А вокруг... Видел, как один солдат начал креститься. Некоторые надевали чистые нижние рубахи.

Загрохотали «Катюши». Скрип и вой их залпов заглушал команды. Часть солдат поползла по крутому откосу вверх и... тут же скатилась на дно траншеи. Больше они не поднимались.

Показались наши штурмовики и на малой высоте расчистили нам путь. Мы миновали кусты, лесок, и вся рота рассыпалась в них. «Вперед! Вперед!..» – очень скоро команда эта стала ненужной. Кто уцелел, выскакивали из лесочка на чистое ржаное поле. Рожь

стояла высокая, спелая – пора жать. Немцы сделали широкие прокосы среди ржи и открыли ураганный огонь по бежавшим по полю. Я оглянулся и увидел, как кругом, взмахивая руками, падали солдаты. Из рук выпадали винтовки, ручные пулеметы, каски...

Справа от меня, по небольшой долинке, передвигался Т-34, останавливаясь и стреляя короткими очередями. Присев ненадолго, подумал: как быть? Сзади – заградотряд. Значит, только вперед, не отставая от танка, прикрываясь его броней. Я повернулся правым плечом к танку и в то же мгновение страшным ударом был сбит на твердую, как камень, землю. От удара в правую лопатку и оземь все во мне дрожало, винтовка улетела метров на пять вперед. Правая рука судорожно подергивалась. Болели спина, плечо, ключица. От боли я ни о чем не мог думать. Промелькнуло: «Конец!». Затем: «А ведь не в сердце же, значит, еще поживу».

Я откашлялся и сплюнул кровью – подумалось: «Задето легкое». Подбежал солдат из нашего взвода, Лебедев. Спросил, куда ранен, разрезал гимнастерку, нижнюю рубаху, снял их вместе с мешком и перевязал бинтом. Поднес мне винтовку, каску и, сказав:

«Я бы остался с тобой, да сзади заградотрядовцы. Жди санитаров», – поднял винтовку и пропал во ржи. Больше мы не встречались. А ранее, утром, когда занимали траншею, в немецком блиндаже, на полке, я нашел безопасную бритву в коробочке. Лебедев, увидев, сказал: «Голиков, отдай ее мне, ты все равно не бреешься». И я отдал ему бритву. Отблагодарил он меня сполна.

Гимнастерка, рубашка, вещмешок остались в поле. Жалко записной книжки с адресами солдат почти всей роты...

Было это 17 июля 1943 года.

– А не боялись, несмотря на ранение, заградотрядовцев?

– Боялся, конечно. Но пронесло! Поверили они, что без правой руки не особенно-то повоюешь. Ну, а потом пошли санчасти, полевые, эвакуационные, стационарные госпитали. В одном из них врач Кущева осмотрела меня и ласково так сказала: «Мальчик, Вы – счастливый, еще бы миллиметр и...».

В итоге попал я в Еланские военные лагеря. Кормили один раз в день мороженой капустой. Там стояли 20 полков, и ежедневно один из них отправляли на фронт. Не было бани: заедали вши,

клопы, блохи. Некоторые солдаты умудрялись пробыть там по три и более месяцев. Состав пополнялся за счет госпиталей, уголовников, рабочих, списанных с уральских заводов. Потом меня направили в Челябинск, в 33-й учебный танковый полк, где я попал в роту самоходчиков. В апреле

1944 года, после окончания учебы, был направлен в г. Миус, в экипаж самоходки СУ-152. Формирование полка завершилось в г. Наро-Фоминске под Москвой в мае 1944 года.

ОСТАТЬСЯ НА ВОЙНЕ ЧЕЛОВЕКОМ

– Расскажите, где Вы воевали после выхода из госпиталя?

– Итак, июль 1944 года, Лодейное Поле, река Свирь. На противоположном берегу оборона финнов. Числа 5–8 июля начали артподготовку – восемь часов непрерывной стрельбы. После нее на бортах на ту сторону, в город Олонец. Население все попряталось. Партизанского движения в Карелии не было, а карелы – родные братья финнов.

Мы стали спешно продвигаться по Карелии. Особенно-то не разбежишься: тайга, озера, болота, речки, сопки, людей валит цинга. На дорогах или параллельных им, до 100 км длиной, обходах – по заминированным участкам, самодельным гатям. Мучительно уставали механики-водители: у них так ломило руки и ноги, что часами не могли уснуть.

Большую часть лета

провели в местах западнее Петрозаводска. Бомбежки, строительство мостов из бревен под тяжелыми артобстрелами. Наконец вышли на границу с Финляндией. Тишина! Домики все покрашены, как игрушки. Стали поговаривать о перемирии...

Нас же послали в Петрозаводск. Погрузили на платформы и на север, в г. Кемь. Оттуда к Ухте. А под самый конец года мы оказались в Норвегии. Бои шли тяжёлые – продвигались вглубь вражеской территории медленно. Под поселком Никель нас разбомбили. Я был тяжело ранен осколком, который и по сей день сидит в позвоночнике. Случилось это 22 октября 1944 года. Эвакуировали меня пароходом с Титовки. Вечером я лежал в мурманском госпитале на белой чистой простыне.

Победу я встретил уже в составе ВМФ в Зеленодольске, это в 40 км от Казани. В ночь на 9 мая прибежал в экипаж дежурный по части и заорал: «Победа!!!»

– Николай Иванович, в советской литературе часто поднималась такая проблема: сложно ли на войне оставаться человеком? Ведь война высвечивает в людях не только самые хорошие черты характера, духа, но и зачастую самые ужасные. Что Вы об этом думаете?

– Человеком оставаться можно, но очень трудно. У меня был один случай: сорвало у нас как-то гусеницу. Пока я орудовал около машины, затылком почувствовал, что кто-то сзади на меня смотрит. Оглянулся и

обомлел – немец с оружием. «Сейчас застрелит», – подумалось. Несколько секунд смотрели друг другу в глаза, и неожиданно он поднял руки вверх.

«Австрия, Австрия», – разобрал я из его слов. Затем спрыгнув в люк, доложил командиру о встрече. Тот, недолго думая, выхватил пистолет и вылез из машины. Через короткое время экипаж услышал выстрел. Когда командир спустился к нам, рука с пистолетом нервно дрожала и он никак не мог засунуть оружие в кобуру.

После этого случая уважение мое к нему пропало. Впоследствии он погиб.

Ф.А. АЛЧИНОВ: «ДАЛИ НАМ СВЯЗКИ ГРАНАТ, БУТЫЛКИ С ЗАЖИГАТЕЛЬНОЙ СМЕСЬЮ И ОДНУ ВИНТОВКУ НА ВСЕХ»

Копна седых волос, ясный взгляд, великолепная память. Ему за девяносто? Да в жизни не поверишь! В квартире Федора Алчинова в центре башкирского города Октябрьский идеальный порядок, сразу видно: хозяин – человек военный.

Выражение «живая история» – это о нём. Родился в год, когда расстреляли царя, застал Ленина и Сталина, пережил голод 1921-го, помнит коллективизацию и уж точно никогда не забудет войну.

– Федор Алексеевич, скажите, чувствовалось приближение войны?

– Чувствовалось. Когда СССР и Германия пакт о ненападении заключили, нам преподаватель по материальной части вооружения капитан Глушко объяснил всё очень доходчиво: «Мы одну руку Гитлеру протягиваем, а другую в кулак сжимаем». Предыдущий выпуск учили так: 6 часов занятий и 2 часа самоподготовки. А у нас – 8 на 4 или 10 на 2. Каждый день по 12 часов! Изучали устройство оружия, уставы, топографию... В общем, готовили всерьёз. (Правда, пушка калибра 76 мм, на которой мы тренировались, уже устарела и в армии не

применялась, пришлось потом переучиваться). Выпуск у нас, молодых лейтенантов, намечался на июль 1941-го, а состоялся на два месяца раньше – как будто знало наше начальство, что мы как можно скорее должны попасть в войска. Даже родных навестить не дали.

Я получил назначение в 29-й Литовский стрелковый корпус. Приезжаю в Вильнюс 7 мая, являюсь в штаб. И получаю от начальства роскошный подарок – ключи от пустующей офицерской квартиры и четыре дня отдыха для ознакомления с городом. А там весна, красавицы приветливые, улочки живописные... Я сразу красивый фибровый чемоданчик купил, а то с

простым вещмешком как-то неудобно. На пятый день еду по месту службы – в местечко Пабраде в 50 км от Вильнюса, в 137-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион 179-й стрелковой дивизии. Личный состав в основном состоял из литовцев, носивших форму армии буржуазной Литвы. Порусски хорошо говорили лишь их командиры. Всё советское руководство (помимо меня и ещё двух только что прибывших лейтенантов) – комиссар дивизиона и три комиссара батарей. Когда я рассказал им, что по городу разгуливал, удивились: «Вас не предупредили, что одному ходить опасно? Случаются нападения».

– **Вы на самой границе стояли. Ощущалась тревога?**

– Все прозевали! Меня

назначили помощником командира батареи. Дивизион имел на вооружении 20-миллиметровые швейцарские пушечки «Эрликон». Но они – представьте себе! – стояли в зачехлённом виде в парке. Потому что командование ждало новых зениток калибра 37 мм. Вот вам и постоянная боевая готовность на границе! Вооружались теорией: я читал уставы, а командир батареи, капитан, переводил услышанное солдатам.

Однажды капитан меня спрашивает: «А если Германия всё же нападёт на СССР?» Я ему строго отвечаю: «Народ настроен так патриотично, что не позволит врагу командовать на советской земле». Он сказал только: «Ну, конечно-конечно».

ТОВАРИЩИ ДЕЗЕРТИРЫ

– **И вот наступает 22 июня...**

– После завтрака дивизион занимался приведением в порядок клумб и дорожек в лагере. Вдруг комиссар батареи вызывает меня: «Срочно в штаб дивизии за пакетом!» Я сбегал, принёс – и опять к цветочкам... Но тут личный состав собирают на митинг. Комиссар объявляет: «Сегодня в 4 часа утра фашистская

Германия вероломно напала на Советский Союз...». А я думаю: «Вот некстати». Я только-только познакомился с девушкой, работавшей у нас в столовой. Такая светловолосая литовская красавица. Она в меня влюбилась – настоящий роман мог получиться!

Тут начальство командует – взять из парка две пушки и занять огневую позицию в 1,5 км от лагерей. Вскоре

налетают двухмоторные бомбардировщики «Юнкерс-88» и давай бомбить расположение лагеря. Мы открываем огонь из «Эрликонов». Вроде бы правильно целимся, трассеры к самолёту идут, но сбить ни один не удалось. Но и бомбы особого вреда не нанесли.

К вечеру часть получила приказ отходить. В дивизионе невообразимая спешка, подразделения перемешались. Залезаю в ЗИС-5 с прицепленной пушкой. В кузове уже сидят около 30 солдат и три литовских командира. Они недовольно так говорят:

«Садись в другую машину, тут тесно». Но пересаживаться некогда. Тронулись... Я не сразу заметил, что грузовик почему-то едет в сторону Вильнюса (на юго-запад), а вся колонна ушла на восток. Шофёр гнал так, что закипела вода в радиаторе. Офицеры приказали солдатам закатить пушку на возвышенность: «Тут армейские склады недалеко – прикрывать будем». «Одним орудием?» – спрашиваю. «Сейчас ещё подъедут, – говорят. – Ты давай командуй расчётом, а мы караулы расставим». Смотрю – «караулы» растаяли в воздухе. И тут я понимаю,

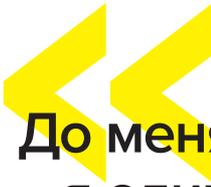

*С однополчанами.
Федор Алчинов сидит слева*

что офицеры спланировали массовое дезертирство – потому и пытались высадить меня из грузовика. Что делать? Технику же не бросишь. Оставил трёх солдат

с единственной на всю нашу группу винтовкой. «Пришлю за вами машину», – говорю. С остальными двинулся догонять своих

«ВОЙНА, А МЫ БАРАХЛО ОХРАНЯЕМ»

До меня доходит:
я один против
разведгруппы!
Командир у них
по-русски шпарит,
остальные
ни бум-бум.

– Догнали?

– Следующие два дня только и делал, что ждал и догонял! Доходим до Пабраде – ура, полуторка! Едут несколько наших командиров во главе с комиссаром батареи Журовым. Они вернулись в лагерь за вещевым довольствием (попросту – за одеялами да подушками). Посадили нас. А через несколько километров останавливают машину, без объяснения причин приказывают всё выгрузить и... оставляют меня с группой солдат охранять это барахло!

Мол, скоро нас заберут. Темнеть начинает... Тут подходят три солдата, которых я оставил. Оказывается, командир нашей дивизии, проезжавший мимо, приказал им вывести из строя пушку и машину и догонять своих. Ладно, ждём... Идут два командира из соседнего дивизиона, противотанкового. «Снимай знаки различия, – говорят. – Местные командиров убивают». Их трое было, литовцы одного убили, но их начальник штаба, хоть и изменник, велел советских командиров отпустить... Снимать нашивки я не стал. Оставил трёх солдат-литовцев рядом с барахлом, а остальных восемь повёл к своим. Шли почти без отдыха. На вторые сутки стали засыпать на ходу. Проходим деревню Свенцяны. Думаю, всё, сейчас в рожь заберёмся и поспим. А на площади наши! Выстраиваются для продолжения марша. Вот радость-то! Докладываю обо всём комиссару дивизиона. «Сейчас влетит», – думаю.

У меня же из-под носа 20 человек дезертировало! А он: «Не переживай, у нас тоже половина разбежалась».

Больше массового дезертирства не было.

ЗАВТРАК НА ОБОЧИНЕ

– Бомбили вас?

– Первый раз 27 июня.

Колонна остановилась для завтрака. Я спрыгнул из кузова и пошёл к стоящей впереди машине, где находился взвод. Дальше всё происходит мгновенно. Над головами появляется «Юнкерс» и сбрасывает бомбу. Между грузовиком и прицепленной к нему пушкой вздымается облако взрыва. Старшина Яролявичус – он доставал

из мешков продукты – улетает из кузова метров на десять и... поднимается без единой царапины! И ещё у 12 человек ни единой царапины. А остальные 14 – кровавый горящий фарш. Взрывом разломило снаряды, из гильз на разорванные тела просыпался порох и загорелся...

– Это первые убитые для Вас на войне.

А Вам 23 года. Было,

наверное, жутко?

– Почему-то я не испугался. Взял лопату и стал тушить землёй. Мы похоронили останки. Потом я собрал фотографии родных из своего чемоданчика – его разорвало пополам. Часть карточек на одной стороне от машины, часть на другой. Порванные, обгоревшие... Обрато в половинку чемоданчика сложил, другой половинкой закрыл и чем-то перетянул. Всю войну эти карточки с собой возил и до сих пор храню... Едем дальше. Смотрим – «убитый» рядовой Шевчук идёт! Это мы его в убитые записали, а он не пострадал, просто с перепуга

рванул куда глаза глядят. Фактически дезертировал. Но наказывать его не стали...

Потом в июле под бомбёжку «Юнкерсов-88» попали. Это на перекрёстке дорог под Невелем в Псковской области. Колонна стоит, солдаты и офицеры есть собираются. Я даю команду двум своим расчётам: «К бою!» Открываем огонь... Смотрю, бомбы прямо на нас сыплются. «В укрытие!» – команду. Оказалось, не на нас. Угодило в полевую кухню метрах в 70-ти. Убило командира дивизиона, комиссара и старшину.

«В РУКАХ ВИНТОВКИ, ГЛЯДИМ ДРУГ НА ДРУГА»

– Какой момент войны стал для Вас самым тяжёлым?

– В августе 41-го под Великими Луками. Город уже окружён был. Мы понимали, что вот-вот его обойдут немецкие танки и двинутся по шоссе дальше на восток, на Торопец. Командование решило заткнуть брешь нами. Литовцев с пушками к тому времени передали в другую часть, а мы – 20 русских солдат и я – стали на время пехотным взводом. Дали нам связки гранат и бутылки с

зажигательной смесью. И одну винтовку на всех. Я на разных сторонах дороги разместил по 10 человек в ячейках, по 30 метров друг от друга. Как бы мешок получился. «Только когда 5-10 танков втянется, – говорю, – все сразу бросаем гранаты и бутылки. Я первый». День ждём, два... Однажды чувствую: за спиной кто-то есть. Смотрю – сзади голова из травы высовывается. И ещё, ещё... Я винтовку хватаю: «Стой, кто идёт?!» И за ними. Они от

меня. Метров через 60 догнал последнего, за плечо схватил и винтовку на него наставил. А он свою – на меня. И молчит. Я потихоньку опускаю, и он тоже. Остальные в лощинке залегли. Наконец их командир, старший лейтенант, поднимается: «Да что вы панику поднимаете? Свои мы». А этот, который напротив, молчит. И остальные – ни слова. Я на рожи смотрю – настоящие арийцы!!! До меня доходит: я один против разведгруппы! Командир у них по-русски шпарит, остальные ни бум-бум. «Ладно, – говорю, – вы поосторожнее, а то ведь могу и пристрелить...» И так, читая нравоучения, потихоньку отхожу... Потом я узнал, что и раньше неизвестные «красноармейцы» тут появлялись. Видимо, по их донесению танки прошли мимо нас, по просёлку, и дальше на шоссе выскочили. А если бой – он стал бы для нас последним. Ну, сожжёшь машину, оттуда вооруженный экипаж выскочит, а у нас одна винтовка на всех. О вражеских разведчиках я доложил начальству, но кому их ловить-то? Сняли нас с этой позиции и велели отходить. По лесам неделю шли. Пешком (!) догнали немецкие танки и пересекли шоссе. Ближе к осени нас против

пехоты поставили – опять без винтовок и почти без гранат. К счастью, немцы на этом участке к обороне перешли... Но даже в самые тяжёлые дни я верил: всё равно мы победим.

В ноябре нашу дивизию вывели на переформирование в город Кувшиново. В её составе сформировали 240-ю отдельную зенитно-артиллерийскую батарею. Вооружили четырьмя 37-миллиметровыми пушками. Я стал заместителем командира батареи. Снова на фронт (на Калининский) мы попали в апреле 1942-го. Почти сразу сбили разведчик «Хеншель-126». Смотрю, из него дым повалил, какие-то предметы начали вылетать, – видимо, лётчик что-то стал выбрасывать. Через линию фронта перетянул и грохнулся. Потом сбили «Юнкерс-88», потом ещё один. И пошла уже совсем другая война. В октябре 43-го мне присвоили звание капитана и наградили медалью «За боевые заслуги». Потом меня забрали в отдел ПВО при артиллерии 43-й армии. Победу я встретил старшим помощником начальника отдела в немецком городе Нойштадте в звании майора. И ещё 12 лет прослужил после этого в армии. Кроме медали во время боевых действий

был награждён орденами
Отечественной войны II и I
степени и орденом Красной
Звезды.

А два моих брата до Победы
не дожили. Младший,
Василий (рядовой), пропал

без вести 29 августа 1942-
го при форсировании Дона.
Старший, Григорий (лейтенант,
командир танкового взвода),
погиб 4 февраля 1945-го.

Федор Алчинов

Г.А. ИГНАТОВА: «ИЗ СТОЛЯРНОГО КЛЕЯ МОЯ МАМА УМУДРЯЛАСЬ ДЕЛАТЬ ЛЕПЁШКИ»

Галина Афанасьевна Игнатова – блокадница Ленинграда. Она пережила то, чего нам с вами, слава Богу, пережить никогда не придётся. Голод. Бомбёжки. Близость смерти. Галина Афанасьевна не любит вспоминать то время. «Просто, понимаешь, я живу сегодняшним днём. Не надо о прошлом», – говорит она. В подтверждение слов, Галина Афанасьевна рассказывает о недавно прочтённых книгах, об экскурсиях, о планах на будущее. К тому же, она – председатель районного общества блокадников Ленинграда, так что дел у неё действительно много.

Но особенная гордость Галины Афанасьевны – исторические знания о родном блокадном городе. В преддверии годовщины Победы она даже подготовила исторические справки о ходе Великой Отечественной войны – и лично читала их ребятам в одной из московских школ. Свидетель войны напишет о тех годах лучше историков: «900 дней и ночей блокады, жуткой блокады. Само слово «блокада» – уже наводит ужас. Блок_ада! Это было действительно так...»

ДЕТСТВО ПОСРЕДИ ВОЙНЫ

– Война застала мою семью в военном лагере недалеко от Ленинграда. Мой папа был военным, командиром дивизиона. Летом все военнослужащие вместе с семьями выезжали в такие лагеря. Солдаты там жили в казармах, а семьи офицеров – в летних домиках, которые стояли прямо в лесу. До сих пор из той моей прошлой

жизни в сознании у меня осталась одна картина: я лежу на кровати, сестричка моя, которая пару месяцев назад родилась, лежит в люльке. Дверь открыта, идет сильный-сильный дождь. А мама с папой сидят на порожке счастливые! За ними виднеются сосны.

И вот, однажды утром прибегают солдат, стучит в

двери офицерских домиков: «Тревога!» Мне было восемь лет, я подумала, начинаются обычные учения. Но это было не так.

Нас всех срочно подняли, велели быстро собирать вещи, объявили: война. А потом я увидела самолёты, которые, наверное, уже летели бомбить Ленинград. После этого было так страшно ехать в город! Нас папа посадил в свою машину и сказал шофёру ехать, а везде шум, взрывы...

Папа ушёл на фронт. Воевал. Сражался на Пулковских высотах. Был ранен, попал в госпиталь... После госпиталя его отправили на Урал. И, представляете, наша семья об этом ничего не знала. Ведь как тогда письма-то писать было? Кому? Куда?..

– Галина Афанасьевна, расскажите, пожалуйста, о том, что это значит – быть ребёнком в осаждённом городе?

– В сентябре началась блокада. Я помню, когда разбомбили Бадаевские склады, пришёл на место пожарища весь Ленинград. Хотя мы все думали, что война быстро закончится, но всё равно туда прибежали и собирали кто что найдёт – сахар с землёй... Ещё я помню, как мы, дети, ходили на какую-то фабрику, где торф

был...

Жить страшно было. Истопили мы в доме всё, что могли. Продукты на обед и ужин в доме по крохам собирали, экономили. Надолго запасов, конечно, не хватало. Мы из ремней и подошв кисели варили, а из столярного клея моя мама каким-то чудом умудрялась делать лепёшки...

– Неужели – прямо из клея?!

– Да-да, из клея. Надо сказать, лепёшки у неё очень вкусные получались. Хотя я удивляюсь, конечно, как она это делала... А клея-то ведь тоже мало было. Мама даже обои в доме стала обдирать, и ножиком соскребать клей с обратной стороны!

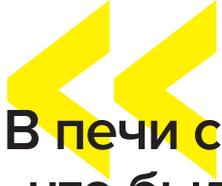
А ещё помню, как мамин родной брат, кажется, в феврале 42-го, когда нам уже совсем нечего было кушать, принёс нам в своих сапогах немного пшена. А его друзья, солдаты, передали для нас кусочки сахара, кусочки хлеба...

Дети, увы, в большинстве своём были обречены на вымирание в нашем городе. Хлеба давали 125 гр. Да и хлебом-то это назвать нельзя: суррогат из мучной пыли, целлюлозы и жмыха.

Тяжело было жить. Очень. Знаете, война меняет весь привычный быт людей: по ночам ждёшь бомбёжек,

Галина Игнатова

**В печи сожгли все,
что было в доме.
Из ремней
и подошв кисели
варили...**

утром ищешь продукты. Даже детские санки, понимаете, обычные детские саночки, уже не развлечение, а необходимое средство выживания в блокадном городе. Вы не представляете, как нам они помогали, как выручали в страшные зимние дни 41-го и 42-го года. Без них было бы совсем плохо. На них возили обессиленных, больных, дистрофиков. Возили умерших, завёрнутых в одеяла, простыни, какие-то тряпицы. Возили воду, доски, щепу... (в руках бы не донесли). Знаете, мне бы хотелось, чтобы им поставили памятник в Санкт-Петербурге, в каком-нибудь самом людном месте, потому что нужно помнить...

– Когда Вас эвакуировали из города?

– В 42-м. К тому времени папа был награждён боевыми орденами, был ранен – лежал в госпитале в Свердловске. Когда он смог ходить, его

отправили преподавать в артиллерийское училище. Он нас тогда уже искал, но, сами понимаете, сделать это было трудно. Папа написал в Ленинград, хотел получить разрешение на въезд в город. Пропуск он получил – на розыск семьи. Это был, кажется, декабрь 42-го: мама уже лежала в больнице, а я с сестрой буквально скиталась по городу в поисках продуктов. Кто накормит, кто чего даст... А сестра-то такой маленькой была! Как она выжила, я не знаю даже.

Отец нас нашёл. Вместе с ним мы сходили к маме в больницу, но врачи сказали, что она не транспортабельна. Папа увёз нас без неё... Мы ехали через Ладогу. Боже мой, это так страшно было! Постоянные обстрелы, бомбёжки. Даже у шофёра была все время открыта дверь, чтоб, если что, он успел выпрыгнуть. Потом мы ехали на поезде. Все ужасно болели.

Я вот недавно слышала, как один блокадник выступал по телевидению. Говорит, когда «нас эвакуировали, то самым удивительным зрелищем было, когда я увидел на полустанке живую кошку. Живую! Я думал, как же её до сих пор не съели! Ведь у нас-то в городе...» И я этого блокадника очень понимаю.

Нас с сестрой привезли на Урал. А там прямо на перроне поезд встречали местные жители. Они знали, что в вагонах ленинградцы, многие дети без родителей едут, и брали их на воспитание. Вот и сестру мою взяли... А меня прямо на носилках в госпиталь. Я помню только, что с меня там всё сняли и положили в ванну – в раствор марганцовки.

Очнулась я в палате. Рядом со мной сидела медсестра. Как сейчас вижу, держит она меня за руку, крепко-

крепко держит, смотрит и говорит: «Открыла глаза, голубушка! Ну, теперь жить будешь... А сейчас я тебе кое-что скажу, ты только не пугайся, поняла?» А я гляжу на неё и плачу. Она берёт мою руку и кладет мне на голову. Оказалось, волосы-то все состригли! Совсем! Это был для меня такой шок! А медсестра успокаивает: «Вырастут они, вырастут! Ещё какие будут...»

СЛЕЗЫ РАДОСТИ

– Скажите, Галина Афанасьевна, для Вас День Победы – это радостный праздник или скорбное напоминание о погибших в те годы?

– Я отвечу. Но начну немного не с этого. Я хочу вот что сказать: моя мама до 43-го года оставалась в Ленинграде. Там, конечно, уже полегче к тому времени было, но всё-таки город на осадном положении. И вот, мой отец решил снова поехать в Ленинград: на этот раз уже за мамой. И он смог увезти её оттуда. Мама была рада, но всё же всегда потом говорила: «Эх, что ж это он меня увёз-то?! Ещё б немного, и салют в честь освобождения бы посмотрела!».

А так, знаете, для меня 27 января, день снятия блокады, и 9 мая – это слёзы. Но слёзы радости. И, конечно, я запомнила 9 мая 1945-го. Мы к тому времени были в Свердловске. И когда объявили о конце войны, началось такое ликование, такое – ну, просто объяснить невозможно! Потому что это было... не знаю, это было такое счастье!

Тогда мы жили в бараках, и вот, 9 мая нас всех, солдатских и офицерских детей,

родители оставили одних. Они праздновать Победу пошли. Ну и мы, конечно, тоже отпраздновали конец войны, по-своему. Ведь представляете – ни одного взрослого не осталось дома! А нас, детей, было много: мы кричали «Победа!», залезали на крыши бараков, творили все, что хотели! *(смеётся)* Думаю, мы тогда наелись за всю долгую войны – ведь ни хлеба не было, ничего...

В одной из своих исторических справок Галина Афанасьевна написала: «Я думаю, что вы ощутили те жертвы, которые были положены нами на Алтарь Победы, чтобы вы жили спокойно и счастливо. Время не щадит нас, ветеранов. Мы уходим, но мы передаём вам то, что мы отстояли. Вы приняли от нас эстафету памяти об этой войне. Расскажите об этом другим – а они понесут эту эстафету памяти уже своему поколению, а те – своему... Пусть память о героических поступках и жертвах останется в сердцах людей...»

А.Т. СЛИЗОВ: «ПОДО РЖЕВОМ НЕМЕЦ ПОСТРОИЛ ТАКУЮ ОБОРОНУ – НЕ ПОДЛЕЗЕШЬ»

Боевая жизнь Алексея Слизова больше напоминает сюжет фильма: столько в ней перипетий и ярких событий. Разведчик подо Ржевом, пехотинец под Зубцовым, наводчик орудия в Каунасе, этот человек несколько раз был ранен и добровольно отказался от отпуска, чтобы отправиться на фронт.

НАЧАЛО ПУТИ

Вскочил и побежал.
Тут же пули
засвистели мне
навстречу.

Падая, соображаю
– есть ли моя среди
них.

**– Алексей Тимофеевич,
как оказалось, что по
документам Вы Николай?**

– Я родился в семье простого крестьянина, помимо меня в семье еще три брата. Младшего как раз и звали Николаем. В 27-году многие в нашем селе погорели, и у некоторых так и не осталось документов. Уже позже паспорта восстановили. Да только меня по записям так

и не нашли, сказали: «Берите Николая, какая разница». Ну я и взял, думал, что потом переделаю, но всё не до того. С таким двойным именем я и в Москву отправился связистом. Проработал там недолго в Мытищинском районе, а тут уже и война. Прямо оттуда я на фронт и попал. Помню, хотели хоть что-то купить в столице с собой, ведь ни кружки, ни ложки, ни припасов. А очереди везде огромные. В одном магазине, правда, все же насыпали сушек полный пакет. Так и отправились. Уже в ноябре 41-го я стал разведчиком, прослужил им пять месяцев.

**– Что помешало служить
дальше?**

– Ранение. Тогда подо Ржевом немец построил такую оборону – не

подлезешь. Проволока натянута в три ряда, на ней банки, чуть заденешь – все звенит на километр. Еще и заминировано. Мы каждую ночь ходили и не получалось. 21 мая я ходил в разведку. Порядок такой: кто был в один день, на следующий может отдыхать. Ну я и сижу ночью, болтаю с сапожником. Увидел это комиссар разведки, сначала спросил, почему не на задании, а потом решил найти мне занятие поинтереснее. Дал пистолет, велел его почистить, прострелять, а самого комиссара через час разбудить. В четыре утра я, как и велено, его поднял.

И двинулись мы к линии обороны. Уже были собраны отдельная разведрота и две полковых, взяли еще артиллерию, саперов. Оно как обычно бывает: темнеет и фашисты ракеты пускают свои, мол, и не сунься. А тут тишина такая, что аж в ушах звенит. Мы проволоку порезали и вперед отправилась группа захвата. Начали взрывать мины, фашистские пулемёты застрочили перекрестным огнем. Все полегли на землю. Но по плану было еще наступление. Связь была тут же, и комиссар разведки позвонил командиру дивизии, доложил, что имеет большие потери. Тот в ответ: «Ничего, продолжай». Что делать, мы

и продолжили. Вытащили раненых, мне достался автомат с одного из убитых. Теперь уже пополз я, движусь и думаю: так я до цели и к обеду не доползу. Вскочил и побежал. Тут же пули засвистели мне навстречу. Падая, соображаю – есть ли мои среди них. Одна и попалась, но не смертельно, как видите, прошла навылет через правое бедро. А комиссару, который приподнялся посмотреть, одна попала в висок. Рядом лежал убитый телефонист. Так что я еще более-менее отделался, в госпитале около месяца пролежал. И снова на фронт.

– Куда же на этот раз?

– Я попал в пехоту ровно на девять дней. Это под Зубцовым, на Волге. Ох, и непросто там пришлось! Наступление идет, старшина сухарей всыпет, мы бумажки с именами-фамилиями в карманчик вложим и пошли. Поначалу практически никаких средств, кроме простой винтовки, против немцев у нас не было. Но мы боролись, как могли. Из батальона в живых осталось лишь двадцать человек. Вот командир и поставил задачу: ночью дойти до оврага и на другой его стороне окопаться. Меня же оставил. Может, пожалел парнишку: знает,

корне подсекла мне язык, и кровь хлынула в каску. Я то терял сознание, то снова приходил в себя. Думаю, не дай Бог, шевельнусь, а он добьёт. На лейтенанта глянул, а у него из ушей и рта уже кровь идет. Спас наш самолет. Пока он обстреливал, я выбрался из оврага. Дошел до автоматчика, перемотал он меня, помог. Вижу, сам с винтовкой и на мой автомат смотрит: «Дай мне, брат, свой автомат, тебе всё равно в госпиталь». Отчего ж не дать, дал. Кое-как до санпункта добрался, там мне рану еще обработали, но в госпиталь все же назначили. А до него ведь еще добраться надо. Дали мне одного сопровождающего до машины санитарной.

– И всё это время Вы на ногах с таким ранением?

– А то как же?! Идем мы вдоль Волги, а жара стоит, пить хочется. Смотрю, на берегу кружка немецкая валяется. Попросил я своего товарища водицы зачерпнуть, наклонился с кружкой этой к воде, а с другого берега пулеметная очередь прямо рядышком с нами проходит. Еще чуть-чуть бы и по нам. Вот и попили, бросили все, да за кустами скрылись.

Дошли. Направили меня в Калининский госпиталь. С недельку я там полежал,

но решили меня направить в специальное отделение, челюстное, а оно в Уфе. Туда я на поезде добирался. И вот ведь какой случай, еду я и вижу лицо знакомое перед собой, кто – никак не признаю. А мужик веселый такой, пошел вперед, ну и я за ним. Так это ведь тот самый старший лейтенант оказался! На фронте-то унылый был, а тут песни поёт. Заговорил я с ним, тоже раненым, но он промолчал в ответ, так ничего и не ответил. Ну да Бог с ним.

В Уфу доехал благополучно, там мне шину наложили на зубы. Пищу полагалось специальную есть около месяца, а сама челюсть еще три месяца заживать должна была. Спасибо врачам, сделали всё отменно. Одна из сестёр, Ася Ивановна, раз прибежала к нам с радостной вестью: отпуск мне дали на несколько месяцев. А я и не рад. К кому мне идти в родном селе? Мои родители умерли еще до войны, нас осталось три брата. Одного убили под Ленинградом, другой воюет. Сноху же обокрали и она к своей родне ушла жить. Отказался я, не поехал. А тогда прямо из госпиталя набирали в Астраханское военно-пехотное училище, эвакуировавшееся в город Бузулук Чкаловской области.

Набрали двадцать человек, но у одного из них поднялась температура и вместо него взяли меня. Я бы мог и не

выходить, но решил – пускай, куда кривая вывезет.

ОБ УЧЕБЕ И О ФРОНТЕ

В училище порядок строгий, везде бегом и нигде не успеваешь. Постоянно ночные занятия, тревоги. Да и челюсть моя не дает мне быстро есть. Ходил я голодный и раз не выдержал. После команды старшины всё же остался с тарелкой сидеть. Он мне тут же: «А тебя приказы не касаются?» Попытался я ему объяснить, что не могу я есть быстро, хоть и сам этого желаю, но он мою тарелку забрал и в раздаточную отнёс. И, конечно, два наряда вне очереди дал. Ну я не робкого десятка, говорю: «Ты не жалея, давай больше!» Он мне четыре назначил. Позже я подошел в особый отдел, знал: правда на моей стороне. Узнали об этом и мои товарищи, пригрозили тогда старшине, что, как получат оружие, первая пуля будет его. Обошлось, конечно. Учились мы уже четыре месяца, до общего войскового командира оставалось еще два. Но училище мы так и не завершили. В одно из воскресений нас построили и направили в ДК

для медкомиссии: кого на фронт, а кого оставить. Мое здоровье было полностью в порядке за исключением речи, по заверениям врачей она все же должна была восстановиться. В одном из кабинетов сидел генерал-лейтенант, необходимо было пройти и через него. Около кабинета стоял солдатик, всех науськивал, как заходить правильно. Спрашиваю у него, что же мне с голосом делать? А он мне руку свою показывает, которая не разгибается, и спрашивает: «Хочешь офицером быть?» «Естественно, – киваю, – да только вот речь...» «Будет», – заверил он. Прошла медкомиссия, всех почти распределили, а меня на карантине оставили, и не туда, и не сюда. Ждать теперь до пятницы новое решение. А там уже объявили, мол, не повезло вам: все воевать пойдете.

– Вы это так же восприняли?

– Да мы с удовольствием туда отправились. Ну и закричали хором: «Урра! На фронт!» Попали в

отдельный противотанковый истребительный дивизион, и тут пошла снова жизнь. Теперь уже в рядах 63-й стрелковой дивизии, в отдельном противотанковом истребительном дивизионе. Стал я наводчиком 76-миллиметрового орудия. Мы освобождали Польшу, Латвию, Литву, воевали в Витебске, Ельне, Каунасе, форсировали Неман, добрались до Кенигсберга. Не дошли до Берлина каких-то километров двадцать.

Мы были в головном отряде наступающих, он вперёд от всех идёт и с рациями для ориентировки. Как-то раз мы вышли на дорогу, а мимо наши же, ну и предупредили,

что впереди немецкий обоз идти собирается. Мы это дело смекнули, спрятались в кустарничке, дождались подкрепления и залегли. А по дороге уже бронетранспортер едет, задержали его, семерых человек, сидящих в нем конвоировали, но одного капитан оставил. «Залезай, – говорит, – внутрь, показывай, как стрелять надо». Залезли они, а следом еще один бронетранспортер катит. Капитан башню развернул и дал очередь как следует по моторной части. Дальше сам обоз показался, подвод в пятьдесят. Справились и с ними, повозки сцепили и погнали в свою часть.

О ВЕЗЕНИИ И О НАГРАДАХ

– А за что Вы получили свою «Красную Звезду»?

– Нам была дана задача захватить железную дорогу. Все получилось внезапно, мы ехали на машине и, доехав до путей, увидели множество немцев. Шофер-узбек резко разворачивается и назад. Как он только смог, на путях-то! Приезжаем, в спешке докладываем: «Товарищ комбат, там...» Пехота немцев настигала нас. Наше подкрепление шло очень медленно. Откуда Бог послал советские танки – не знаю.

Один танк дал залп прямо в центр фашистской пехоты. Выжившие немецкие солдаты попрятались в кюветы. Второй проехал прямо по этому кювету.

Одного человека было необходимо отправить к боевому орудью. Комбат Дергач оглянулся: «Слизов, вперед!», сам залез на сарай и занял наблюдательную позицию. Я побежал что есть мочи, к орудью кое-как подтащили снаряды, окапываюсь, а сверху крик слышу: «Слизов, чего не

бьёшь?!». «Сейчас, товарищ комбат!», а он в ответ: «Налево посмотри!». Глянул, а там немцы уже подбираются, девять танков, ну я тут не растерялся. Только клочья летели, и я не успевал снаряды закладывать.

Капитан Дергач тем временем уследил в бинокль, как немцы снуют около маленького белого домика в чаще леса. Я практически уже навел прицел, но через несколько секунд в паре метров от меня разорвался снаряд. Его осколки раздробили мне левую пятку. Комбат среагировал молниеносно, меня затащили в сарай, разрезали сапог. А я только бормочу: «Живой останусь, вспоминать вас буду». В машине жгут мне наложили неправильно, я потерял много крови. Прямо с сиденья меня отправили на операционный стол и под наркоз.

Проснулся только утром, все лежат рядами, около меня лейтенант какой-то тоже после операции, курит. И мне курить захотелось, рот открыл попросить, да чувствую, что язык во рту не помещается. «Лейтенант, чего со мной такое?» – спрашиваю. А он мне в ответ, что я счастливчик, еще бы чуток и поминай как звали. Дело в том, что во время операции мне

дали двойной наркоз, пока лежал, случился запад языка, его прокалывали булавкой, возвращали меня к жизни.

Слушаю все это и вижу, как мимо комбат вместе с командиром дивизиона идут. У самих лица все перевязаны, руки подвязаны, а идут, шутят. Увидели меня, обрадовались, предложили с ними на машине ехать до госпиталя. Да куда мне, лежачему! Они мне: «Слизов, за стойкость к ордену Отечественной войны I степени тебя представим». А получилось, видишь как, Звезда. У меня есть и медали «За отвагу». Говорят, простому рядовому орден такой не положен, а там кто его знает.

– На этом Ваш боевой путь можно считать оконченным?

– Пять раз после этого я ходил в контратаки. А за девять дней до конца войны вернулся в родное село. Там и праздновали День Победы. Сейчас его отмечают с размахом: салюты, парады... А тогда что, собрались с односельчанами, посидели, порадовались, повспоминали. И то хорошо!

И.Н. ЗАРЕЗОВ: «ВОДА В РЕКЕ ДОН БЫЛА КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТА ОТ КРОВИ УБИТЫХ И РАНЕННЫХ»

Иван Зарезов прошел войну с самого первого дня, когда чуть не погиб от осколка снаряда, до 14 мая 45-го, когда вражеской пулей его ранило в плечо. Всегда находясь на передовой, корректируя огонь артиллерийской разведки, он столько раз был на грани жизни и смерти, что разговор с ним спустя столько лет кажется чудом.

– Война – настоящая школа жизни. А чему Вы научились до нее?

– Меня призвали в Красную Армию уже в ноябре 1939-го, и я сразу был определен в 437-ой корпусной артиллерийский полк резерва Главного командования, находившийся тогда вблизи Минска. Я ведь к тому моменту уже имел аттестат о среднем образовании, причем с отличием, и учился в Московском автомеханическом институте, а потому меня сразу определили в полковую школу – армии нужны были грамотные люди. По окончании получил звание старший сержант и был направлен в первую батарею помощником командира взвода.

– Свое боевое крещение Вы могли пройти еще в финскую войну...

– Да, нас сначала готовили для войны с Финляндией, технику и личный состав уже погрузили на железнодорожные платформы, но в последний момент отозвали и направили в Закавказье, в Кутаиси.

В июне 1941-го нас внезапно отправили из Винницы в подвижные лагеря, и к ночи 22-го июня полк стоял прямо на границе с Польшей и Румынией. Вместо отдыха был устроен сбор личного состава, и комиссар объявил: «На нас напал враг, приказано дать отпор». Утром в спешке занимали огневые позиции, но в этот момент на нас налетели немецкие «Юнкерс-87». Наши понесли большие потери. У меня осколком сбросило с головы каску. Слава Богу, не задело голову...

ИЗ КОТЛА В КОТЕЛ

– А дальше было долгое отступление?

– Это так. Мы не раз попадали в окружения, поскольку Красная Армия ещё не стала той силой, которая в будущем освободит мир от фашизма. Не хватало организации, опыта. На нашем участке не было толком ни самолетов, ни танков, даже пехоты явно не доставало, а немцы всё это чувствовали, видели, прощупывая слабые места, заходя с флангов и окружая наши войска.

Мост через Днестр в районе г. Могилев-Подольский не был заминирован, и немцы решили с ходу проскочить, а позволить им такую роскошь мы не могли. Первым же залпом повредили несколько танков в хвосте колонны, сделав отступление для фашистов невозможным, а вторым уничтожили её головную часть! Потом началась настоящая мясорубка!

Благодаря нам, разведчикам-

корректировщикам огня, артиллерия смогла не просто уничтожить целую танковую колонну, но и разрушить стратегически важный объект. Да только пока мы занимались мостом, немцы обошли нас с обеих сторон. Чтобы выбраться из котла, пришлось всю ночь ползти по пшеничному полю, изодрав одежду, пока, наконец, не настигли свои подразделения. Хотя, можно сказать, легко отделались.

– Но ведь не всегда можно было незаметно проскользнуть?

– О да! Севернее Николаева несколько подразделений полка опять окружили немцы. Мы были сосредоточены на очень узком участке. В плен не хотел никто, а потому не оставалось иного выхода, кроме как с криками «Ура!!!» открыть ураганный огонь и броситься в атаку. Мы смогли нарушить вражеские порядки и прорваться к своим.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДОН

– Вы участвовали в первом освобождении Ростова-на-Дону в ноябре 1941 г.,

которое можно назвать первой победой Красной армии. Трудно было?

Иван Зарезов

**На нашем участке
не было толком
ни самолетов, ни
танков, даже пехоты
явно не доставало.
А немцы все это
видели, заходя с
флангов и окружая
наши войска.**

– Мне не повезло – я отморозил руки и ноги. Хорошо, что санинструктор вовремя растер меня спиртом, так что тяжелых последствий не было. Иначе война могла закончиться для меня намного раньше. После взятия города полк был поставлен на оборону Донбасса в районе Изюмо-Борвенкова. Мы очень обрадовались, когда за успешные боевые действия нашему полку было присвоено почетное звание 68-го гвардейского.

– Но весной 1942-го немцы возобновили наступление...

– Да, нам вновь пришлось отступить. Артиллерийская разведка всегда уходила последней, тесно соприкасаясь с врагом. Через Дон не успевали не только переправить технику (ее в таких случаях уничтожали), но и самим переплыть на

другой берег. Немецкие танки буквально наступали на пятки, в итоге сбросив нас в реку в районе Константиновки Ростовской области.

Я хорошо плавал, однако меня всё равно тянуло ко дну. Тогда вытащил из кармана брюк ножичек, разрезал сапоги и сбросил их. Затем избавился и от брюк. Вот в таком виде, всё более и более уставая, под пулеметным огнем немецких танков, я переплывал Дон.

Вода в реке была коричневого цвета от крови убитых и раненых. Всюду попадались трупы. Силы покинули меня в тридцати метрах от берега. В тот момент промелькнула вся моя короткая жизнь. Но оказалось, что я уже могу нащупать ногами дно. Выбравшись на берег, окончательно обессиленный, я упал без сознания. Очнувшись, почувствовал запах костра: недалеко несколько солдат в трусах грелись у огня. Я присоединился к ним. Такой группой мы добрались до Сальска, где я нашел своих ребят и несколько пушек, которые удалось спасти во время переправы. Одну из них из-за нехватки тракторов мне пришлось везти автомобилем ЯГ-5 до самого Орджоникидзе.

**– Как же Вы смогли
соединиться со своими**

боевыми товарищами после такой неразберихи?

– Тут была целая проблема, ведь никто не знал, что случилось с нашим полковым знаменем. лейтенант Овечкин, взяв знамя у убитого знаменосца, две недели через тылы немцев по ту сторону Дона добирался до нашей части. Если бы не этот подвиг, полк был бы расформирован, а вместо этого его пополнили техникой и живой силой и поставили на защиту Грозного.

Там я попал под одну из жутких бомбежек. В эти моменты тяжело даже разобраться, что происходит: стреляет артиллерия, летают самолеты, немецкие и наши, воздух наполняется гарью настолько, что дышать становится трудно, порой невозможно. Это продолжается минут двадцать. Понятное дело, что напряжение после такого не спадает ещё долго...

ЮМОР ПРОТИВ СТРЕССА

– Как же Вы справлялись?

– У нас был один солдат, который чудесно умел

перевоплощаться! Мы ведь прятались в специальных узких ровиках, защищавших

С боевыми товарищами

от всех разрывов, кроме прямого попадания снаряда. И вот мы сидим в них после бомбежки, напряжение уже на пределе, а он как начнет петь женским голосом! Стресса как не бывало!

– А фронтовые 100 гр не помогали?

– Да, нам выдавали по 100 гр водки, но я эту водку никогда не пил: знал, что тогда реакция будет хуже, а бомбежки могли начаться в любой момент. Конечно, многие выпивали, и выпивали больше положенного, но как раз они и были первой мишенью снаряда, бомбы или пули. Укрыться надо было ещё успеть!

– Но ведь не всегда

В НЕМЕЦКОМ ТЫЛУ

– А ведь скоро и коренной перелом в ходе войны.

– Да, успех Красной Армии в Сталинградской битве сильно повлиял на нас! Вера в победу крепла. Со своим полком мы освобождали Кавказ, Кубань, Харьков, который являлся конечной целью Орловско-Курской битвы, Крым. Наши войска теперь наступали.

В Белоруссии получил первую контузию: попал под обстрел тяжелой артиллерии немцев. От разорвавшегося

отсидживались?

– Как-то раз мне нужно было отвезти из Грозного три цистерны горючего. И в этот момент началась бомбежка. Представляете, сверху топливо горит, а снизу его откачивают! Конечно, это было очень опасно и, в итоге, меня обрызгало – загорелась одежда. Я нырнул в реку, но когда вышел, вещи опять воспламенились! Спасли меня два наших водителя – Гаркуша и Скрипник, сбив огонь с помощью телогрейки и палатки. В итоге сгорели волосы на голове, брови, обожглись губы, а в некоторых местах руки и ноги. Но в целом ожоги не были опасны, и в санчасти меня быстро подлечили.

вблизи снаряда меня засыпало песком, торчала лишь голова. Хорошо, что через три часа обнаружили и отправили в медсанбат. Я не мог ни слышать, ни видеть, ни говорить. Лишь к концу третьей недели, лежа в палатке, услышал гул немецких самолетов, увидел лес. Правда, ещё полгода заикался, но и это прошло. Из медсанбата отправился в 236-й гаубичный артполк 63-й артбригады 22-й артдивизии прорыва. В этой дивизии я

воевал до самого мая 45-го.

– И неужели так просто было добраться до своей части?

– Всякое бывало. Как-то раз, добираясь до своих, поймал попутку. А в это время немцы отстреливались тяжелой артиллерией. Я предложил подождать, пока разорвутся снаряды, перед тем, как продолжать путь, однако из-за спешки меня не послушали. Только мы тронулись, снаряд разорвался перед машиной.

Многие получили тяжелейшие ранения, погибли от осколков, меня самого задело, но несильно. Неподалеку стояла польская воинская часть, где всем раненым оказали медицинскую помощь, а мне даже выдали польскую форму – моя была полностью в крови.

Продолжив путь до своей части, я встретил товарища, техника другого дивизиона, который рассказал, что придется ходить пешком: машин не хватает. А один танкист предложил ему своего рода сделку: если мы найдем подлежащий восстановлению танк, то они подарят нам пять трофейных машин! Мы так увлеклись, идя вперед вместе с пехотой, что спереди нас уже разрывались снаряды «Катюши», а позади – снаряды «Ванюши». Деваться было некуда.

Увидели недалеко от окраин населенного пункта блиндаж. На всякий случай бросили туда гранаты. Зайдя внутрь, убедились, что никого нет, но обнаружили два ручных пулемета и патефон с одной единственной пластинкой! Тут мы и уснули под музыку, предварительно проверив пулеметы. Наутро слышим стрельбу, грохот! Оказывается, ночью немцы атаковали и отбросили наших назад, таким образом, мы остались в тылу врага. И как раз утром началось контрнаступление. Мы увидели отступающих немцев. Конечно, хотелось атаковать, но и опасность этой авантюры мы осознавали. Решили выждать немного, подпустить их метров на 70, а потом стрелять. Так и сделали. Часть немцев, попав под пулеметный огонь, погибли, остальные сдались.

Нас отправили в свою часть, где уже ждали начальник штаба и командир полка, который меня хорошо знал. «Ты что творишь? Война уже кончается, жить надоело?» – закричал он на меня. После этого нас накормили и дали отоспаться, а на следующий день вновь вызвали.

Командир полка говорит: «Ты нужный для части человек, извини, что я вчера тебя обидел, но наказать тебя всё равно надо. Что же делать?»

На что начальник штаба отвечает: «Наказать, конечно, надо... Но они ведь не в тыл бежали, а наоборот, немцев громили! Так что мы вот как сделаем: и за храбрость наградим, и по строгому выговору объявим!».

– А дальше освобождение Европы.

– Под предместьем Варшавы, меня второй раз контузило. Но в этот раз не так сильно. Я быстро оправился и вернулся в строй. Особенно мне запомнилась операция на Берлинском направлении: 200 прожекторов одновременно ослепили немцев! Эффект был потрясающий: они, покинув

окопы, в страхе бежали к себе в тыл.

Мне представилась возможность расписаться на стене Рейхстага! Но нам не дали долго расслабляться даже после капитуляции Германии. Артиллеристы оказались нужны для уничтожения группировки немцев юго-восточнее Берлина. И 14-го мая я получил последнее военное ранение. Вражеская пуля прострелила мне плечо.

А.И. АНИСИМОВ: «МАТЬ ИСКАЛА МЕНЯ ГЛАЗАМИ – ПОДОЙТИ К НЕЙ НЕ БЫЛО СИЛ»

Александр Анисимов ушёл на фронт, как и многие тогда, добровольцем. В июле 41-го ему исполнилось девятнадцать. И кто тогда мог знать, что этот парень-весельчак всего через пару месяцев пройдёт по брусчатке Красной площади, перед тем как начать свой героический путь в составе легендарного партизанского отряда «Боевой». А спустя несколько лет его грудь будут украшать орден Великой Отечественной войны, медали «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «Партизан Отечественной войны» I и II степени, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». А потом он скромно расскажет об этом нам.

– Александр Иванович, каким Вы встретили войну?

– Я в молодости чем только не занимался: боксом, футболом, бегом, городками, лыжами, стрельбой. Именно это и помогло мне в начале войны попасть в элитную войсковую часть, которая вела разведывательно-диверсионную деятельность в тылу врага – отдельную мотострелковую бригаду особого назначения войск (ОМСБОН) НКВД.

– Как я понимаю, отбор был серьёзным, и попасть туда было непросто?

– Формирование нашей бригады началось в первые месяцы войны из лучших спортсменов, наиболее подготовленных

добровольцев-москвичей. В неё принимали и политических эмигрантов, членов Коминтерна, находящихся в то время в нашей стране. И подразделения ОМСБОНа практически сразу начали напряжённые занятия: мы изучали минно-взрывное дело, тактику ведения боевых действий в особых условиях, и конечно, усиленно совершенствовали физическую подготовку. Тренировались постоянно. Например, каждый день проходили на лыжах через весь город в Сокольники, и там, на специальном отрезке железнодорожного полотна учились закладывать заряды и подрывать их.

– А когда Вы начали применять свои знания на практике, в условиях войны?

– До 16 октября мы пробыли в подмосковных лагерях, где минировали подступы к столице. В районе Химок на поставленных нами «сюрпризах» позже подорвалось семь или восемь фашистских танков. Немец тогда подобрался очень близко к Москве, гораздо ближе сорока километров, на которых сейчас упорно настаивают отдельные историки. И вот, когда фашистские войска приблизились вплотную к Москве, нам стали поручать важные задачи по обороне города.

– Могли бы Вы вспомнить об одном из таких заданий?

– Как-то утром мы получили задание заминировать мост, чтобы остановить продвижение немцев. А по нему как раз в это время прогоняли скот, чтобы обеспечить жителей столицы продовольствием. Мы еле успели установить мины, пока шло стадо. Вражеские танки были уже совсем рядом, я их хорошо разглядел. Некоторые из них были жёлтого цвета – их перебросили из Африки и

ещё не успели перекрасить. Свою задачу мы выполнили.

– Это Вы участвовали в обороне подступов к Москве. А как спецназовцы действовали в самом городе?

– В самой столице мы занимались патрулированием улиц, выявляли различные нарушения светомаскировки, дежурили в канализационных люках, обложившись бутылками с зажигательной смесью, отлавливали дезертиров и мародёров. У нас был жёсткий приказ – расстреливать всех грабителей без исключения на месте. Но мы, задержав, переправляли их в милицию. Во всяком случае, на мне крови нет. Готовились также к боям в условиях города. Каждому из нас назначили позицию, которую предстояло оборонять в одиночку, с винтовкой и гранатами. Как сейчас помню, мне дали точку в здании на Пушкинской площади, в одной из квартир на втором этаже. К счастью, фашисты так и не прорвались в город, и как только ситуация вокруг Москвы стабилизировалась, нас вновь собрали для дальнейших тренировок.

ПО ПАРТИЗАНСКИМ РЕЙДАМ

– Александр Иванович, у вас наверняка было много друзей-спортсменов. С кем-нибудь из них Вы потом пересекались?

– Я жил в одном доме, только на разных этажах, с боксёром-тяжеловесом Николаем Королёвым, впоследствии знаменитым партизаном. Вот как раз с ним в одном строю мы и прошагали 7 ноября по брусчатке Красной площади. Из известных спортсменов среди нас ещё был неоднократный чемпион страны по бегу Владимир Казанцев.

– Расскажите, пожалуйста, о параде 7 ноября.

– Подняли нас тогда рано, часа в четыре. Погода стояла паршивая. Мокрый снег, ветер в лицо. А мы в легких шинелишках, яловых сапогах, правда, в зимних шапках-ушанках. За плечами вещмешки с запасами продуктов на десять дней, гранат и патронов. Винтовки нам выдали новые, десятизарядные СВТ, но в мороз они себя, к слову, плохо проявили, система Мосина оказалась не в пример надежнее. После завтрака нас построили. И только тогда сказали, что идем на парад. Приказали подогнать амуницию. Так, в

полной боевой экипировке и двинули к месту сбора. По пути в Большом театре подобрали сослуживцев. Так и сформировался наш сводный полк.

– Что у Вас осталось в памяти от самого парада?

– Да немного, честно говоря. Что там разглядишь при темпе 120 шагов в минуту с равнением строго направо! Сплошная пелена кругом. Думаешь только об одном – как не потерять равнение и не сбиться с темпа. На Мавзолее вроде угадывалась фигура Сталина в шинели. Или мы теперь это додумываем. Позже мне приписали в одном издании такой афоризм: «Для меня парад был истинным вдохновением. Показалось, что час мужества пробил». Может, оно так и было.

Сейчас вот кое-где пишут, что нам опасались доверить боезапас, что мы шли с холостыми патронами, тренировочными гранатами и прочее. Чушь полная. Мне врать ни к чему. У нас было по двести патронов на брата. По четыре гранаты на поясе — две противотанковые и две РГД. Разумеется, запалы к ним хранились отдельно, как и положено по инструкции. Иначе до беды недалеко. А

танкисты, так те после парада сразу прямым ходом двинули на передовую.

Окоченели мы прилично. В принципе, было чем согреться: нам на пятерых выдали по фляжке спирта – пол-литра как-никак. Но я тогда не пил, не курил. Обошлись без спиртного. И никто всерьез не заболел, что удивительно. Потом вернулись в казармы и стали готовиться к боевым заданиям. День-два – и по партизанским рейдам.

– Как Вы оказались за линией фронта?

– После обучения всех нас разбили на небольшие отряды для выполнения боевых задач. Так сформировались «Неуловимые» и «Боевой» – первые легионеры ОМСБОНа. Я попал в отряд «Боевой» численностью 44 человека. Задача была сформулирована чётко: проход через линию фронта на территорию Белоруссии и проведение диверсионно-разведывательных и пропагандистских мероприятий. 23 февраля

1942 года нас на машинах вывезли из города. Помню, когда мы один за другим грузились на полуторки, с родными все прощались накоротке. Моя мать тогда стояла поодаль за решётчатым забором и искала меня глазами. Но подойти к ней у меня не было сил...

По дороге, в машинах, мы проверяли связь, продолжали готовиться. В общем, использовали с толком любую свободную минуту, ведь все понимали, что в тылу противника нас ждут суровые испытания. Приехали мы в Осташково, стали ждать «окно», чтобы пройти через линию фронта. И вот однажды ночью приказ – выдвигаться. В одну секунду собрались, надели лыжи, взяли заранее уложенные волокуши: в одной – продовольствие, в другой – боеприпасы. Впереди шли заслуженные мастера спорта Иванов и Андреев, а мы, молодежь, сзади. Я следы нашей лыжни заметал и прикрывал товарищей заодно. Наконец, в глухом лесу под Витебском мы разбили лагерь.

ТАК НЕМУДРЕНО И ЖИЗНИ ЛИШИТЬСЯ

– А сохранились ли у Вас какие-либо данные о действиях вашего

подразделения за годы войны?

– За время пребывания

На допросе «кормильцы» юлить не стали. Сказали, что гитлеровцы отобрали у них скотину, пообещав вернуть в обмен на живого партизана.

партизан «Боевого» в тылу врага мы успели пустить под откос больше ста вражеских эшелонов, уничтожить около тысячи вагонов, захватить в плен свыше двух тысяч фашистов.

– Вы помните свой первый бой?

– Первый бой наш отряд принял после лыжного перехода линии фронта в феврале 42-го в небольшом, из двух хат, хуторке. Только отогрелись и расположились ко сну, и вдруг стрельба. Заявилась группа немцев и полицаев за хуторской горилкой, видимо, погулять надумали, да нарвались на охранение. В перестрелке с ними ранило Хартулари – начальника разведки отряда. Это была первая наша потеря. Его положили на волокушу и – быстро в лес. Меня командир оставил для прикрытия. Я выбрал хорошую позицию,

замаскировался в снегу, обложился боеприпасами и приготовился к длительному бою. Однако немцы до рассвета в хутор так и не сунулись. Приладил я тогда лыжи, чтобы своих догнать, да не тут-то было. К утру мороз поддал, ноги одеревенели, ступни примёрзли к сапогам. Всё, думаю, кранты. Наступаю – от боли в глазах меркнет. Но идти надо. Приторочил к ремню сосновую лапу следы заметать и – вперёд, не останавливаясь. Вскоре пошёл привычным махом, догнал своих.

– А где бойцы потом брали продовольствие, ведь волокуша с запасами, наверняка, быстро закончилась?

– Отряд питался в основном продуктами, пожертвованными населением, и в подавляющем большинстве случаев к партизанам относились как к родным, особенно белорусы. Им самим есть нечего было. Они спасались от голода лепёшками, замешанными на лебеде, горохе, картошке, на «деревянном» масле, и делились с нами. А мы с ними – табачком, присланным с «большой земли».

Но вот однажды, прибыв за продовольствием в одну

из станиц, я зашёл в хатку поест, а, поев, почувствовал сильную слабость. А тут ещё фашисты объявились. Еле дотащился до телеги. Хорошо рядом лес, туда фрицы боятся захаживать. В лагере врач определил у меня отравление мышьяком.

На допросе «кормильцы» юлить не стали, сказали, что гитлеровцы отобрали у них скотину, пообещав вернуть взамен на живого партизана. «Что же ты, разведчик, врагов прошляпил, – укорил меня командир. – Так немудрено и жизни лишиться». «Так свои же», – ответил я.

И я точно знаю, что если бы не смог добраться тогда до телеги, подорвал бы себя гранатой.

– Как долго продолжалась Ваша партизанская деятельность?

– В 43-м году я получил новый неожиданный приказ: срочное отправление с Казанского вокзала для дальнейшего прохождения службы. И через несколько суток – Ташкент, Душанбе и конечный пункт – Пянджский пограничный отряд. Здесь необходимо было усилить государственные рубежи на границе с Афганистаном. Так 3 июля 1943 года я надел зелёную фуражку. Помню, думал тогда: куда я попал?!

Не край – диковина. Жара нестерпимая, комары по-особому жгучие. Название местности: Файзабад Кала, Кумсай – кишлак, что рядом с нашей 6-й заставой, с налёта и не запомнишь. Верблюды, ишаки, минареты, женщины, паранджа... Да что там – вода, воздух, небо были другими и поначалу никак не глянулись. Жутко тянуло обратно в свою бригаду. Ребята, приехавшие со мной, человек 25, тосковали не меньше моего.

– И как началась Ваша жизнь вдали от Родины, от линии фронта?

– Когда мы приехали на место, выяснилось, что жить нам негде, надо строить казарму. И вот мы с ребятами днём то работали топорами, то вели наблюдение с вышки, а ночью патрулировали вдоль границы. Мы, можно сказать, полностью построили городок на заставе. Начальник заставы капитан Лабинов (как же он в душу влезал своими матюками) приводил нас в чувство на строительстве городка. Глины, соломы, камыша было предостаточно, благо, река рядом. Глину заливали в самодельную форму, и под палящим солнцем вскоре получались готовые кирпичи. Стены – крепкие, крыша – надёжная. Потом привезли железные

кровати, сено для тюфяков, накомарники. Надо было ещё и быстро оборудовать линию границы: выставили секреты, сигнализацию сделали по-фронтному, из консервных банок. Просто, зато весьма эффективно. Не то что враг, дикобраз не проползёт!

– Александр Иванович, чему Вас там обучали?

– За время службы на границе я прошёл специальные курсы парашютной подготовки.

Местность, которую контролировал погранотряд, была гористая, и руководство понимало, что пограничным нарядам тяжело догнать нарушителей, которые прекрасно знают все тропы, привычны к горам. Вот и готовили пограничников высаживаться с самолётов им наперерез.

Бывали, конечно, и несчастные случаи: у кого парашют не раскроется, у кого стропы запутаются. Я тоже один раз приземлился неудачно, ноги повредил. Совершил всего восемь прыжков, но научился. Причём прыгали мы с малой высоты, с крыла самолёта, так что вначале было очень нелегко...

– Не всегда же приходилось прыгать с парашютом, чтобы догнать врага?

– Да, не всегда. Участок

заставы, на котором я служил, проходил вдоль пограничной реки. Течение было очень сильное. И вот как-то раз мы ловили нарушителя, но он добрался до берега и попытался уплыть. Наш снайпер его достал, но тело вытащить не смогли – его мгновенно унесло течением.

А однажды мы вместе с младшим нарядом издали заметили человека, который горной тропой спускался к реке с «чужой» стороны. Он постоянно оглядывался по сторонам, да и одет был подозрительно. Мы спрятались недалеко и решили подпустить его поближе. Вдруг смотрим, он прямо на нас идёт! Я товарищу шепнул, чтобы он обходил сзади, а сам спрятался за угол, чтобы выйти наперерез. Когда нарушитель оказался совсем близко, мы с напарником почти одновременно вышли из засады и приказали неизвестному стоять. Тот, недолго думая, бросился на меня с ножом. Я успел увернуться и ударить его прикладом, но нарушитель оказался тренированным, после такого удара не упал! Пришлось мне вспомнить боксёрские приёмы: левой рукой я ударил его в грудь, а правой со всей силы в челюсть. Только после этого

он прекратил сопротивление и рухнул на землю. Я связал ему руки и пустил сигнальную ракету. Наши быстро приехали на лошадях

и увезли его. Позже начальник заставы поощрил меня десятидневным отпуском с поездкой на Родину.

О ВИТЕБСКИХ ЛЕСАХ ДА О РЕБЯТАХ

– Какие они, будни советского солдата на Пянджской заставе?

– Там, в приграничье, трудно было всем: и нам, и местным жителям. Ведь все мужики на фронт ушли, вот и помогали мы оставшимся женщинам выполнять тяжёлую работу, частенько таскали в тюках хлопок. Взвалишь тюк и идёшь – пыхтишь паровозом, девчат смешишь. Местные благодарят, приветствуют. «Ташакур», – говорят, щурятся. Да это нам даже в радость: и помощь, и тренировка хорошая. А так, всё было: и нарушителей ловили, и с парашютами прыгали, и от тигров спасались, я даже малярией переболел, но всё-таки служба мне нравилась, интересно там было!

- А что ещё радовало Ваше сердце вдали от Родины?

– Вокруг красота была, будто из учебника. Оазис, и только: арыки, пирамидальные тополя, заросли фисташки, винограда, бахчи. Дичи

– шагни – фазан вылетит. А вечерком соберёмся в курилке – и всё больше о витебских лесах да о ребятах. Зайдётся сердце, скрипнешь зубами. Какая там красота, даже когда война!

– Долго продолжалась Ваша служба на границе?

– Ещё несколько лет после Победы. Помню, 9 мая 1945-го граница взорвалась сполохами салюта – стреляли из ракетниц всех цветов. Так в отряд пришла весть о Победе. А я лишь в 1949 году вернулся в Москву и сразу пополнил милицейские ряды – стал участковым своего района. И как бы странно это ни было, своё самое тяжёлое ранение я получил не в тылу врага на спецзадании, не на границе, а именно здесь, в мирном, на первый взгляд, городе. Несколько пьяных мужчин напали на женщину. Я тогда проходил мимо и вступился за неё. В драке получил многочисленные ножевые ранения груди,

было проколото лёгкое. Тренированный организм, конечно, справился, восстановился, но я уже не мог оставаться в милиции по состоянию здоровья и ушёл работать на завод «Компрессор».

– Александр Иванович, снится ли Вам война?

– Знаете, что мне иногда снится? То, как на границе нас заставляли учиться ездить на лошадях. А куда денешься, надо! Был у меня конь Везучий. Меня как шифровальщика заставы частенько отправляли в отряд с донесениями. За

22 километра. «Анисимов! Пакет! Коня!» – взлетаю на Везучего, и он везёт меня до первой низинки. Спешиваюсь, даю хлеба коню, и он за мной следом, хвостиком готов идти на край света. Я хоть и футболистом был, и лыжником, ноги, что колонны Бранденбургских ворот. Но после коня так не хотелось появляться в отряде враскорячку! Вечером в клубе кино, танцы, девчата подбегут, а я...

Р.М. СЕНИНА: «ВОТ СТОИШЬ НА ВЫШКЕ, А НЕМЦЫ НАД ГОЛОВОЙ ЛЕТАЮТ»

Мы бежим по улицам своего города, постоянно спешим и хотим успеть куда-то. Это суета, от которой никуда не деться. И часто мы даже не замечаем лица, которые нас окружают. А ведь они хранят в себе нашу историю.

Вот маленькая, худенькая женщина смотрит на тебя спокойно и ласково, и в её глазах ты читаешь тяготы нелёгкой судьбы. А ведь ты можешь так никогда и не узнать, что перед тобой почётный ветеран Великой Отечественной войны, награждённая медалями «За оборону Советского Заполярья», «За оборону Карелии» и очень редкой наградой – «Радист-партизан». Ты можешь и не узнать, но, посмотрев ей в глаза и поговорив хотя бы несколько минут, ты обязательно всё поймёшь. Ведь после разговора с такими людьми ты ощущаешь, что рождаешься заново.

– Раиса Михайловна, если Вы не против, давайте вспомним о Вашем детстве... Где родились, учились?

– Родилась я в Орловской области, в деревне, а в 30-х годах переехала с родителями в Москву. Как приехали, меня сразу в больницу положили с воспалением почек. Мы же детьми в деревне коров пасли – я в поле на холодной земле и застудилась. Так своё первое московское лето провела в больнице. А после окончила 8 классов, пошла с подружкой на курсы чертёжника-конструктора. Но так и не

доучились. Война началась.

– 22-е июня. Каким был этот день?

– Мы с подругой в парке Горького были, гуляли, лето же. Помню, люди тогда кричать начали: «Война! Война!». Все и побежали, кто куда; трамваи облепили – домой бы скорее. Мы решили тогда, что нам тоже надо на фронт, и пошли в военкомат. Говорим, что добровольцами хотим. А нас спрашивают: «Что умеете? Что вы на фронто рвётесь?» А нам ведь по 17 лет, говорим, медсёстрами можем. Нас отправили в

Яузскую больницу, в которую уже раненых привозили: «Там курсы санитарок ведут, может, успеете». Пришли, а курсы закончились, ребят уже на фронт отправляют. Вот мы и остались.

А время трудное, карточки появились, и устроилась я на завод, манометры делать. Сначала у конвейера стояла, потом меня перевели в живописный цех, тогда на манометрах вручную писали. А потом, через месяц, в Москве бомбёжки начались, 20 июля. С подружкой мы к тому времени уже потерялись, и отец устроил меня на завод «Серп и Молот», в охрану. Вот ты стоишь на вышке, а немцы над головой летают. Постояла я так с месяц, потом думаю: что это, люди воюют на фронте, а я тут стою, ворон считаю.

– Но с завода Вас же не должны были отправлять на фронт?

– Да. Надо было, чтоб меня уволили. Я решила тогда прогулять один день или опоздать на работу. И не вышла на смену. Думала, что дадут мне расчёт и я опять

в военкомат, проситься на фронт. Прихожу на завод, а мне – повестка в суд. Осудили на 4 месяца тюрьмы и прямо из суда увезли под стражей в Щербинку, под Подольском. А там, в основном, молодёжь, комсомольцы. И ходили мы каждый день по 3 км на строительство аэродрома. Гравий утрамбовывали, бетонировали, в общем, всё делали. Я тогда и лошадь научилась запрягать.

Кто норму работы выполнял, тому на трассу привозили обед: немного перловки и 800 гр чёрного хлеба. Наша бригада всё время выполняла норму, даже больше, и мы этот паёк получали. Это нас и спасло.

За неделю до освобождения у меня опять воспаление почек было, положили в изолятор с температурой. Как вышла я оттуда, села на пригорке, долго сидела и никак не могла осознать, что уже не за колючкой, а свободный человек. Когда в поезде ехала, мне казалось, что на меня все смотрят, что все знают, где я была.

НЕОЖИДАННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

– А как Вы всё-таки оказались на фронте?

– Когда домой приехала,

попалась мне на глаза газета. А там объявление, что радиоклуб производит

Раиса Сенина

набор добровольцев на курсы радистов для Красной Армии. Вот, думаю, наконец-то! И помчалась туда. Спустя три месяца обучения к нам пришли из центрального штаба партизанского движения и спрашивают: «Кто хочет радистами в партизанские

Посадил он меня тогда под большую сосну и говорит: «Сиди здесь, не шевелись, чтобы рация цела была».

отряды?» Так мы все и пошли. Закончили ещё курс обучения в спецшколе №3. Изучали строевую, стрельбу, радиотехнику и всё, что может пригодиться нам во вражеском тылу. А потом приехал к нам полковник с Карельского фронта и отобрал 5 радистов в партизанские отряды. Так я поехала в Карелию.

– Расскажите, пожалуйста, как началась Ваша работа во вражеском тылу?

– Штаб моего отряда находился в 50-ти км от Беломорска, в деревне Вехта. Мы уничтожали связь

противника, продовольствие, ходили в разведку, и, конечно, участвовали в боях. А однажды случилось нам со своими же сойтись!

– Ничего себе! Как же это произошло?

– Мы своим отрядом в гарнизон шли. И надо было нам незаметно через реку перебраться. А территория неизведанная, и пошёл разведчик всё проверить. Трава высокая была, он и напоролся на мину. Как ухнет по всему лесу! Наши партизаны бросились искать его, не оставляя же. Паренёк остался жив, ухо ему оторвало. Нам бы идти дальше, но внезапность-то пропала. Финны на том берегу нас заметили, переправились в лодках и за нами. Мы отступать. Уже темнело, но разведка доносила, что финны следом идут. Долго уходили мы от них. Когда оторвались, то расположились на ночь, а из штаба нам по рации тогда сообщили, что своих в нашем квадрате нет. Только стали засыпать, как вдруг разведчики докладывают, что внизу, в сопке, в полутора километрах от нас, расположились люди и разговаривают они вроде бы не по-русски. Значит, финны? Утром, чуть стало рассветать, наши три взвода обходят их с тыла, а мы

с флангов. И началось! У «противника» убили одного человека, который во время перестрелки полез за котелком с кашей! 40 минут бой шёл, больше результатов никаких. Наша сопка оказалась редколесная и всё видно, как на ладошке, а у них кругом валуны. Тогда наш командир нескольких партизан в обход посылает, а сам с остальными ребятами решил в лоб идти. Посадил он меня тогда под большущую

сосну и говорит: «Сиди здесь, не шевелись, чтобы рация цела была».

Опять начался бой и вдруг оттуда снизу «финны» кричат: «Твою мать! Медведков, ты куда прёшься?». Оказалось, это был отряд наших пограничников. Они, как и мы, на базу шли. Сообщили мы потом об этой ошибке в штаб, там нас, конечно, обматерили, как следует.

ВЕТОЧЕК НАСТЕЛЕСЬ

– ВОТ И ПОСТЕЛЬ

– Раиса Михайловна, партизанские будни... Какие они?

– В ту войну мы по Карельским болотам хорошо побегали. Сначала у нас проводник был: довёл нас до границы, а дальше сами. Уничтожали вражеские радиостанции, пункты связи, обозы с продовольствием громили. Иногда делали небольшие передышки. Когда была очень слякотная погода, дожди, то недельку-полторы на отдыхе стояли. А потом опять бегом по валунам, рвам, с рюкзаками за плечами. А ведь весил каждый рюкзак по 40 кг! Мы ж в тылу, провизией надо было запастись надолго,

одних сухарей каждый нёс по 15 кг. А ещё топоры, пилы, котелки, оружие, много всего. У нас ребята умели специальные костры разводить, бездымные, чтобы с воздуха незаметно было. На привале ягод сварим, поедим и спать. Веточек настелешь – вот и постель. Ребята всё смеялись: «Почему вшей у нас нет? А потому, что мы спим на земле, а они на земле не водятся».

– Наверное, помимо тягот войны, карельские просторы таили в себе и другие опасности?

– Да, был такой случай, что один из наших во время боя неправильно

сориентировался и потерялся. 21 день пограничники вели поиски. Потом его один из отрядов нашёл. Он, первые дни как потерялся, выходил на связь по рации, пытался дать свои координаты, но заряд у рации садился, да к тому же сигнал могли враги перехватить, и ему приказали рацию больше не включать. Вот он и бродил по тайге почти месяц. Благо, лето было, там ягод, грибов много. Вот он наберёт брусники, черники – тем и сыт. Когда пришёл, не узнали

его. Худенький, бледный! С ложечки потом кормили, выхаживали. Фельдшер у нас была в отряде, они дружили, а после войны поженились и уехали в Ригу.

– Наверняка, это не единственный пример того, что любовь не покидала человека не смотря ни на что?

– А у нас там семь семей сложилось. Вот как дружили ребята с девушками, так потом и поженились.

А ПОТОК ЭШЕЛОНОВ ВСЁ ШЁЛ

– Насколько я помню, осенью 1944 года мы заключили перемирие с финнами. Как в дальнейшем сложилась Ваша судьба на войне?

– После этого командующий нам, девушкам, говорит: «Отходили своё, хватит с вас, я вам даю дембель, и идите по своим военкоматам, откуда вас отправляли». Я пришла в военкомат, мне выписали красноармейскую книжку, но сказали, что радистов и так кругом не хватает, и не отпустили меня.

Послали нас тогда в 133-й зенитно-артиллерийский полк на станцию Костерёво под Москвой. Но мы же не зенитчики, и для нас там

работы было мало. Постоянно ходили к командующему, просились в действующую армию, у нас же опыт уже был.

Ходили, ходили, он нас с подругой и отправил 226-м бронепоездом на станцию Дно, недалеко от Ленинграда. В то время как раз Ленинградскую блокаду прорвали. Немцы с самолётов бомбили станцию, не переставая, а поток эшелонов с продовольствием всё шёл. Мы отстреливались, старались сбить их.

– А в самом Ленинграде Вы не были?

– Нет, не довелось. Но я и на станции всего насмотрелась.

Целые эшелоны под откосами валялись искорёженные, и убитые были, и раненые. Бои шли страшные.

– А как у Вас, молоденькой семнадцатилетней девушки, получалось ни в чём не уступать мужчинам?

– Нет, не всё так просто было. Набегалась я тогда по лесам, получила растяжение суставных связок на обеих ногах. Потом мучилась месяцев восемь. Сеточку мне йодом сделают, перевяжут ноги, в сапоги – и пошла. Отряду останавливаться нельзя: дальше в лес уходит. А я посижу несколько минут на привале, боль немножко поутихнет, потом своих догоняю. Ребята мне помогали: заряд для рации носили. Батареи тяжеленные – 50 кг весили. А саму рацию всегда при себе держала: я ж за неё жизнью отвечала!

– Раиса Михайловна, какие ещё примеры мужества наших людей Вы можете вспомнить?

– С одной десантной группой у нас история неприятная произошла. Были в этой группе два радиста, начальник штаба и десятка два партизан. Когда их забросили в разведку, их всех раскидало так, что потом не нашли они друг друга.

В живых тогда остались

начальник штаба и радистка Лида, подруга моя. Их вместе выбросило. При них рация была: по очереди дежурили, спали, сменяя друг друга. Начальник штаба заболел, совсем слёг с температурой. У Лиды тогда возникли сомнения: хватит ли у него мужества, готов ли он идти дальше. И пока он спал, она радиостанцию и шифр в лесу спрятала. Когда вернулась, командир у неё оружие отобрал и сказал, что они будут сдаваться, требовал шифр. Но она ответила, что потеряла. Он всё-таки отвёл Лиду к финнам. Её там и били, и голодом морили, чтобы коды выведать, но так ничего и не узнали. Тогда финны заставили ее работать на их штаб – радисты всем нужны были. А у нас, у радистов, сигнал определённый есть, который обозначает, что ты работаешь под принуждением врага. И его в радиотелеграмме могли определить только наши радисты. Вот Лида этот знак в виде точки после определённого слова постоянно и передавала.

А после войны, когда заключили перемирие, и стали русские с финнами военнопленными обмениваться, начальника штаба расстреляли сразу же, прямо на месте, а

Лиду очень долго таскали в СМЕРШ. И, в конечном итоге, дали ей восемь лет! До того, как ее посадили, это была энергичная, красивая женщина, а вернулась оттуда вся больная... Но она, когда вышла, подала на реабилитацию, и специальная комиссия занялась расследованием её дела. Нашли все засекреченные сигналы, которые она посылала, работая под принуждением. И Лиду реабилитировали.

– Кого ещё из своих подруг Вы вспоминаете спустя годы?

– Когда мы в спецшколе радистов были, с нами дочь Рокоссовского, Ада, училась. Её отец тогда с фронта приезжал, уговаривал, хотел забрать, но она ни в какую, так и осталась. Потом при штабе работала радистом. И уже после войны к нам на встречи радистов приходила. Хорошая она была, да и отец её был человеком очень приятным.

М.П. РАДЧЕНКО: «АДЖИМУШКАЙ ДАЛЕКИЙ НА ПРОВОДЕ!»

Аджимушкой. История этого подвига во время Великой Отечественной войны не так известна, как оборона Брестской крепости или блокада Ленинграда. О защитниках Аджимушкойских каменоломен под Керчью, проводших 170 дней в подземном плену, начали говорить только в 60-х годах.

Прикрыв отступление Крымского фронта в 1942-м, в керченском поселке Аджимушкой гарнизон полгода держал оборону под землей, сражаясь с фашистами, атаковавшими подземных жителей газом и взрывами.

Пятнадцатилетний мальчишка Миша Радченко последним из гражданских покинул осажденные каменоломни за месяц до того, как оборону стало держать некому. Герой Аджимушка рассказывал нам, каково это было: полгода отчаянно сражаться с фашистами, находясь в холодном сыром подzemелье без воды и еды.

«Аджимушкой далекий на проводе!» – первое, что мы услышали, когда договаривались с Михаилом Петровичем по телефону о встрече. Это фирменное «здрасьте» Михаила Петровича Радченко знают в Керчи все.

Дом ветерана расположен неподалеку от каменоломен. Он частенько наведывается туда, непременно надевая китель, весь в орденах и медалях.

Неподалеку от мемориала до сих пор видны следы боев. Заваленные щели, уходящие под землю, напоминают,

как беспощадно фашисты отрезали пути защитникам Аджимушка, взрывая входы и выходы.

Не одну сотню лет в Аджимушкае добывали известняк-ракушечник. Из него строилась Керчь. В результате образовались огромные лабиринты, которые потом стали называться каменоломнями. Общая протяженность штолен – около 9 километров. Длина коридоров музея – всего 400 метров. Здесь на глубине 15 метров с мая по октябрь 1942 года держали оборону участники подземного

гарнизона.

В 1945-м Михаил Петрович закончил войну под Берлином. А начал ее в родном Аджимушкае, и тогда он был нашим ровесником.

Немцы начали наступление 8 мая 1942 года и уже в середине месяца второй раз взяли Керчь. Войска Крымского фронта, оборонявшие город, вынуждены были эвакуироваться на Таманский полуостров. А часть войск, прикрывавшая отход и переправу главных сил, оказалась отрезанной. Бойцы ушли в оборону в каменоломни, а вместе с ними под землю спустились и многие жители поселка.

«До этого в Аджимушкайских каменоломнях у нас был резерв Крымского фронта, здесь находились склады продовольствия, оружия. Тут формировались части и отправлялись на Крымский фронт. Когда собрался совет подземного гарнизона, решили остаться там, потому что в Крыму еще сражался Севастополь, а недалеко от Керчи находилась Большая земля – Краснодарский край. Была надежда продержаться, – рассказывает Михаил Петрович. – Командовал обороной полковник Павел Ягунов. Вместе, военных

и гражданских, нас было около 13 тысяч. Весь скарб и скотину люди, спускаясь в каменоломни, забирали с собой.

23 мая фашисты в первый раз вкачали в каменоломни отравляющие газы и стали кричать нам в рупоры: «Выходите, иначе мы вас всех там потравим». И задыхающийся народ кинулся к выходу. Штаб подземного гарнизона не возражал, чтобы они вышли наверх. Может, у них появился бы шанс остаться в живых. Да и никто не заготавливал продовольствия и воды на такое количество людей. Ушли около 10 тысяч человек.

28 мая немцы снова провели газовую атаку. И теперь почти все гражданские, остававшиеся под землей, покинули каменоломни. В том числе мой дед, младший брат, дядя с семьей. А я не пошел, потому что немцы обещали меня «шлепнуть». Мы с ребятами еще в конце 41-го, при первой оккупации города, пытались всячески помогать нашим бойцам и строили козни фашистам. Из мирного населения после второй атаки газом под землей оставалось не больше 15 человек. А военных – около трех тысяч.

Когда стало плохо с

продуктами, меня отправили в штаб. И я начал при штабе выполнять задания гарнизона как солдат: дежурил на посту, выходил в разведку. В разведку мы ходили постоянно, таскали провизию, воду, пока в июне немцы не огородили наше укрытие колючей проволокой в два ряда, устроив у входов пулеметные гнезда.

В каменоломнях нашли трактор, который давал хоть какую-то электроэнергию. Но после блокирования штолен топлива для трактора взять было негде, и тогда все погасло.

Мы жгли резину, камеры, покрышки. Особенно выручал телефонный кабель, он хорошо горел. Так мы создавали освещение. Но с этим можно было свикнуться, самое трудное было отсутствие воды. Появились так называемые бригады «сосунов», которые подходили к камню, высасывали воду губами и потом выплевывали ее в кружечку. За два часа упорного высасывания можно было набрать флягу. Губы разъедало страшно, рот все время болел, но пить хотелось невыносимо. С опытом пришла и новая техника добывания воды: мы проделывали в камне дырочки, вставляли шланг,

ртом его тянули и так сцеживали воду. А потом пробили в монолитном камне 15-метровый колодец. Но когда вода появилась, не стало пищи.

Надежда на скорое освобождение у нас, жителей подземелья, оставалась до 3 июля, пока мы не приняли по рации сообщение, что сдан Севастополь и немцы прорываются к Ростову и Сталинграду. Мы уже были крайне истощены, и гарнизон находился на грани гибели. Продуктов почти не было. Пока немцы не огородили каменоломни колючей проволокой, мы рвали траву. А потом фрицы все вокруг сожгли. Но все равно до сентября подземный гарнизон выходил в разведку боем, отбивали иногда немецкую кухню. Разрывали проволоку, находили пути. А потом фашисты перестали делать кухню неподалеку от каменоломен, чтобы у нас уже никаких шансов выжить не было.

Еще в дни первых газовых атак, когда погибло много бойцов и командиров, гитлеровцы попытались сунуться в катакомбы, посчитав, что гарнизон сломлен. Но их снова встретили огнем. А на Большую землю понеслись слова радиogramмы,

подписанной полковником Павлом Ягуновым: «Всем! Всем!Всем! Всем народам Советского Союза! Мы, защитники обороны Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся!»

После сдачи Севастополя Аджимушкой остался последним непокоренным фашистами клочком крымской земли. Об этом знали находившиеся под землей ополченцы. Понимали это и немцы, потому изо всех сил и старались разгромить каменоломни. Но аджимушкайцы не сдавались. В ночь с 8-го на 9 июля вышли в бой все, кто мог держать в руках оружие, у кого были силы бросить гранату. Враг в том сражении понес немалые потери. А подземный отряд именно тогда простился со своим командиром полковником Ягуновым. Тот погиб при взрыве гранаты. Истощенные, с трудом стоявшие на ногах люди все равно шли в бой, даже когда уже нечем было стрелять, и почти полгода держали оборону.

За несколько месяцев люди привыкли к этому аду: к отсутствию воды, еды, света. Немцы травили газом подземных жителей каждый день, без перерыва, – с десяти утра до двух дня. От этих атак защищались брезентом.

Уходить в газоубежище не было смысла: из маленького помещения ядовитое вещество уходило очень медленно. А в коридорах каменоломен под действием сквозняков к следующему утру газ уходил, оставляя после себя желтую пелену. Когда немцы начинали стучать наверху, участники гарнизона уже знали: скоро будет взрыв. Взрывы были страшные, потолки каменоломен ходили ходуном.

Круглогодичная температура в каменоломнях +7 градусов. Через несколько месяцев подземные жители перестали чувствовать озноб. Хотя от сырости на теле расползалась одежда. Спали под землей прямо на камнях. Многие, уснув, уже не просыпались – умирали во сне от истощения. Едой становилось все. Конские копыта, которые в начале подземной жизни закапывали и брезговали есть, теперь выкапывали обратно и варили. Отваривали по второму разу и закопанные после первого употребления кости. Чтобы утолить голод, грызли даже резину. Люди умирали десятками, сотнями, тысячами.

Трупы оставались рядом с живыми, умерших складывали в две братские могилы. Одна была в бассейне для хранения воды,

«За время, что
пробыл под землей,
я изучил все
бреши в колючей
проволоке, все
посты немцев и
смог уйти.
Но к партизанам
не попал. Мамина
подруга сдала меня
за 10 тысяч рублей.»

который сделали еще в 1919 году. Сейчас он покрыт мрамором как мемориал. Людей хоронили в чем были. В гробу за все время обороны похоронили только одного человека – командира Ягунова. Уже после войны его тело нашли и перезахоронили в Аджимушкае. Когда гроб открыли, увидели, что тело мумифицировалось. Ведь в каменоломнях ничего не гниет, там нет микробов, очень холодно и сыро. Камень высасывает всю влагу из человека и превращает его в мумию.

К 26 сентября 1942 года военных в гарнизоне оставалось чуть больше двадцати человек. В тот день я как раз стоял на посту недалеко от штаба, когда ко мне подошел старший батальонный комиссар Иван Парахин и сказал:

«Миша, ты должен сегодня покинуть каменоломни». У меня уже тогда была высшая стадия истощения, я на него глянул снизу, а взгляд мой выражал одно: «Куда же ты меня посылаешь, я же еле передвигаюсь?» А он еще раз сказал: «Миша, это мой последний приказ. Ты должен добраться в лес к нашим партизанам. Может, будет один шанс из тысячи, что ты останешься жив». Уже потом я вспоминал Ивана Парахина, который понимал, что мы все обречены, и спас меня, самого маленького. И всю жизнь я считал его своим вторым отцом. А тогда мне дали с собой сахару, денег и выпроводили. За время, что я пробыл под землей, я изучил все бреши в колючей проволоке, все посты немцев и смог уйти. Но к партизанам не попал. Мамина подруга сдала меня за 10 тысяч рублей.

Буквально через два дня меня поймали и отправили в Керчь – в гестапо, а оттуда в тюрьму. Тщательно искупали и приготовили к расстрелу. Но за меня поручились 35 человек – если бы я сбежал, их всех расстреляли бы. Но они не побоялись. И вместо расстрела меня отправили сначала в один концлагерь, а потом, под Новый год, в другой – резать камни. Норму в день не выпилил – не

дают есть ни крошки. И так мы пилили камни, пока наши войска не освободили нас в 1944 году. После освобождения из концлагеря с ротой воздушного наблюдения, оповещения и связи я пошел дальше воевать и так дошел до Берлина.

Защитники Аджимушкая – это были поистине героические люди. Иной раз выходят на разведку боем, а возвращаются раненые, кто-то еле ползет. Ну чего ты, спрашивается, ползешь сюда? Знаешь ведь, что кушать ничего тут нет, сыро, холодно, помрешь сразу. А он нет, полз в каменоломни, он знал, что в каменоломнях еще советская земля, что мы не сдались врагу. Если бы мы сдались в Брестской крепости, в Ленинграде, под Москвой, под Сталинградом, в Севастополе, сегодня мы бы с вами не встретились. Война

требует жертв».

За годы, что существует музей обороны Аджимушкайских каменоломен, здесь побывали миллионы людей. Экскурсоводы, показывая туристам мемориал, обращают внимание на каменную фигуру мальчишки и рассказывают: «Это Михаил Петрович Радченко, житель Аджимушкая, самый юный участник подземного гарнизона». Но он не просто часть скульптуры, которая всякий раз напоминает приходящим сюда о героическом подвиге людей. Михаил Петрович – живая легенда самой страшной и кровавой войны XX века.

Ю.К. РЫБИКОВ: «НА ВОЙНЕ КТО КОГО ПЕРЕСИЛИТ: ЛИБО ЧЕЛОВЕК – СТРАХ, ЛИБО СТРАХ – ЧЕЛОВЕКА»

Пиджак Юрия Рыбикова с непривычки кажется неподъемным. Так много на нем наград! Среди них медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», ордена Отечественной войны I и II степени, орден Славы III степени, орден Красной Звезды. После всех тягот войны вес пиджака для ветерана совсем не важен. Главное – поступки, которые стоят за наградами.

У немцев складывалось ощущение проигравших войну. Хотя реагировали они понятно как. Я в рупор метров за пятьдесят вещаю, а они по этому месту из минометов садят!

– Юрий Константинович, как Вы получили медаль «За отвагу»?

– Это первая моя награда. Я начал воевать в 43-м году, командиром отделения разведки 26-го артиллерийского полка 63-й стрелковой дивизии. Дело было в Белоруссии, у

деревни Орвяница, за рекой Лучеса. Немцы находились на очень удобной позиции – на возвышенности, мы – в низине. Они занимали деревенскую школу и каждое утро, часов в 9, выходили на плац тренироваться. За плацем стояли три мощных сосны. Однажды на рассвете я с небольшой группой людей пробрался туда, чтобы пристрелять местность: произвели прицельные выстрелы, засекли, какую поправку сделать, чтоб не по соснам бить, а по плацу. Я вылез вперед, нашел место, где все отлично просматривалось, и нанес на карту. Потом взял чуть левее, поближе к Лучесе, и пристрелялся там. Ох, уж непросто было выпросить у командира батальона для этого снаряды!

Юрий Рыбиков

Так, в один прекрасный день, когда немцы вышли опять на плац, мы их подстерегали. Маршируют себе спокойно в одну сторону, делают разворот, назад идут. Они-то думали, что нам их не видно – возвышенность все-таки. Но я выполз на такое место, где были фрицы у меня как на ладошке! Один раз их пропустил, а когда второй раз проходили мимо нашей притаившейся группы, дал команду: «Огонь!» Целую роту мы уничтожили почти полностью.

– А после медали были ордена. Они за что?

– Орден Отечественной войны II степени – за пленных. Мы с отделением разведки моим вычислили, что взвод немецкий в определенный час каждую субботу в баньку ходит. Была осень, прохладно. Мы залегли в кустарнике и ждали. Пропустили весь взвод, а сзади шли фельдшер с ассистентом – их и взяли. Один из пленных кричать начал – пришлось уgomонить финским ножом. Но мы его на себе дотащили, тут же сдали в медсанбат, там вылечили. Ценные «экспонаты» оказались: все данные о своей части выложили.

– Как же допрашивали?

– Я знал немецкий. Еще в военном училище в Сарапуле

изучал: надо же понимать язык врага! Я и в Прибалтике по-немецки выступал, агитацию вел: «Долой Гитлера любыми путями! И Германия будет спасена!»

– Неужели это имело смысл?

– Знаете, бывали даже перебежчики. А вообще это оказывало психологическое давление: у немцев складывалось ощущение проигравших войну. Хотя реагировали они понятно как. Я в рупор метров за 50 вещаю, а они по этому месту из минометов садят!

– Юрий Константинович, а орден Славы при каких обстоятельствах получили?

– Прорвался танк немецкий и шел за кустарниками вдоль нашей полосы. Мне удалось незаметно проползти рядом с кустарниками и внезапно выползти к нему со связкой гранат. Когда я появился, танк уже не мог меня расстрелять, потому что орудие попадало в его переднюю часть — я подобрался слишком близко. Он дал задний ход, и в этот момент я швырнул гранату...

Танк загорелся, из него высыпал экипаж. Одного немца мне удалось ранить. Вот такой вот маленьких эпизод...

– Зато большого значения. Ничего себе – в одиночку вывести из строя танк!

– Ну, ребята мои меня поддерживали огнем.

– У Вас такой солидный фронтовой путь: участие в Смоленской наступательной операции, в битве за Днепр, в освобождении Белоруссии, Прибалтики, Восточной Пруссии. Расскажите про форсирование Днепра.

– Рассказывать здесь особо нечего. Мы переправлялись в том месте, где Днепр неширокий, за Калугой. Гнали немцев, те отступали. На берегу реки бревна были: кто из фрицев схватил, тот поплыл. Мы за ними! Они, мокрые все, в лес. Немцев взвод был (40 человек), а нас рота (120). Постепенно настигали их и уничтожали.

– Скажите, а в Прибалтике как народ вас воспринимал – как освободителей или враждебно?

– Враждебности я не видел. Все недовольные ушли в леса, а те, кто остались, нас приветствовали.

– И много было пустых домов?

– Не скажу, чтоб совсем мало. Но, понимаете, с жителями мы особо не контактировали...

– Самые тяжелые бои для Вас где были?

– Под Кенигсбергом. Там меня

и «грохнуло». Артиллерия там была мощнейшая, крупнокалиберная – стреляли не жалеючи. Ведь до Берлина недалеко, война к концу идет! Нам важно было не упустить пыла. У немцев был мандраж отступающих, у нас – пыл наступающих.

– А можно это азартом назвать?

– Азарт это и есть.

– Юрий Константинович, на войне столько ужаса. Как же можно было обойтись без психологических травм?

– Страх, конечно, давил. Но нужно было его перебороть. Здесь кто кого пересилит: либо человек – страх, либо страх – человека. Нам давали по 50 гр водки перед боем, в неделю раз, – прихлебывали... И немцы тоже. Шнапс пили. Так все полегче было.

Плюс самонастрой. Я себе говорил: «Если и погибну, все равно хоть что-то сделаю для страны!» И из стороны в сторону не бросался: на войне так... куда бросишься, там и накроет!

Л.Б. ЛИПОВИЧ: «ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ ДВУХ ВОЗДУШНЫХ АРМАД В НЕБЕ ТВОРИЛОСЬ НЕЧТО НЕВООБРАЗИМОЕ»

Биография хабаровчанина Льва Липовича – готовый сценарий для захватывающего блокбастера. Рядом с ним голливудский «Авиатор» смотрелся бы как не заслуживающая интереса поделка. Мало кто из ныне живущих отлетал подобно ему три войны подряд (с Финляндией, с Германией и с Японией, а потом и с Кореей), освоил все типы боевых самолетов, а затем еще 30 лет отдал гражданскому воздушному флоту! Если сложить все вместе, выходит без малого полвека летного стажа и почти сорок тысяч часов за штурвалом в небе.

– Лев Борисович, Вас можно смело заносить в Книгу рекордов Гиннесса. Откуда такая ненасытная любовь к авиации?

– После того, как я окончил семь классов, отец отвез меня в интернат г. Керчь. И уже в 15 лет я начал летать при керченском ДОСААФе на беспилотном планере, а в 16 – на одномоторном тренировочном истребителе УТИ-2. Самолеты осваивали над Коктебелем, с его уникальными восходящими и нисходящими потоками воздуха, там, где начинал свой путь первопроходец космоса Сергей Королев.

В 20 лет я успел окончить горно-металлургический техникум и заочно – институт в Днепропетровске. Затем летное училище военно-морской авиации. Сделал более ста прыжков с парашютом.

– Как Вы выдерживали такой темп?

– Сколько себя помню, всегда тянулся к технике и учебе. Молодых сил было столько, что хватало на все! После летного училища, в декабре 1939-го, меня отправили на финский фронт. У армии Маннергейма своей авиации не было. Финнов на своих боевых машинах прикрывали

Лев Липович

«**После взлета мы разошлись в разные стороны фронтовой полосы Курской дуги, чтобы ввести в заблуждение немцев. А потом пошли навстречу друг другу на разных высотах.**

асы со всей Европы. За три недели боев на истребителе И-16 я сбил два самолета – один итальянский и один французский. Сбитый француз спасся на парашюте. Им оказался опытный воздушный боец. Он был изумлен моей молодостью. А я убедился, что мощней и маневренней наших самолетов ни у кого нет. После финской войны продолжил осваивать новую технику. До нападения немцев успел переучиться на скоростной и на дальний бомбардировщики.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

– Когда было покончено с немецким господством в воздухе?

– В 1943-м советская авиация была полностью

– Чем врезалось в память 22 июня 1941 года?

– С рассвета этого дня немцы двумя заходами бомбардировщиков уничтожили в капонирах все самолеты на крымской авиабазе в Саки, под Евпаторией, где я проходил службу. Если б мы ожидали нападения, то рассредоточили бы авиацию по запасным аэродромам и катастрофы удалось бы избежать. Гитлер напал подло, исподтишка, без объявления войны. Несмотря на то что мы остались без боевой техники, по указанию И.В. Сталина нас распределили по авиационным частям. Вскоре я начал летать на разведывательном Р-5 в составе ВВС Черноморского флота. Разведку вели только ночью или в густую облачность, поэтому для немцев были неуязвимы. Летчики люфтваффе, в отличие от нас, всю войну летали исключительно днем.

переоснащена новыми типами боевых самолетов. По своим летным качествам, вооружению и количеству они превосходили немецкие

образцы.

Решающее сражение в небе развернулось на Курской дуге – одновременно с битвой танковых группировок. Встречными курсами сошлось примерно по четыре сотни крылатых машин с обеих сторон. К этому времени я пересел на новый пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 – с тремя пушками и восемью пулеметами. По боевой мощи он не имел себе равных. При столкновении двух воздушных армад в небе творилось нечто невообразимое. Советские пилоты и самолеты оказались сильнее. Авиации Геринга был нанесен такой тяжелый урон, что она прекратила лобовые массированные атаки против наших новых машин. Инициативу полностью перехватили советские ВВС. В те решающие дни я со своим экипажем сбил три мессершмитта.

– Расскажите о Вашей встрече с маршалом Жуковым.

– Перед событиями на Курской дуге Жуков прилетел в нашу 16-ю смешанную авиадивизию, чтобы выяснить, сможем ли мы сфотографировать вражеские позиции между Брянском, Орлом, Белгородом и Харьковом. Цель разведки – по концентрации гитлеровских войск выявить

места намечаемых ими ударов. Армейских летчиков во время дневных разведок немцы сбивали, поэтому потребовались ночные разведчики ВМФ. В число четырех отобранных экипажей включили тот, в котором я летал флагштурманом полка. После взлета мы разлетелись в разные стороны фронтовой полосы Курской дуги, чтобы ввести в заблуждение немцев, а потом пошли навстречу друг другу. Осветив при этом мощными светящими бомбами всю прифронтовую полосу, мы провели ее успешное фотографирование. Полученные сведения помогли командованию своевременно укрепить оборону в наиболее опасных местах. Когда гитлеровцев погнало к Днепру, Жуков еще раз прилетел в нашу дивизию. Он поставил задачу вывести из строя железнодорожный мост через Днепр по направлению к Днепропетровску, и тем самым вынудить к сдаче отступающую группировку противника примерной численностью в 65 тысяч солдат. Меня представили маршалу в числе тех, кто проводил по его приказу воздушную ночную разведку. Получив задание, два экипажа, включая мой, не стали разрушать весь мост,

а с ювелирной точностью разбили только одну его секцию. Отступавшие немцы оказались в ловушке и стали сдавать оружие. За эту операцию я получил из рук Георгия Константиновича орден Красной Звезды.

– Приходилось ли Вам действовать не по приказу, а на свой страх и риск?

– На Курской дуге (точного названия места не вспомню) партизаны условным сигналом из зажженных костров запросили срочную помощь. Мы сели, не оповестив командование, чтобы не стать мишенью немецких зениток.

Партизаны привели 12 отбитых у оккупантов мальчишек. Смотреть на

них без содрогания было невозможно: кожа да кости в лаптях и лохмотьях. Делать нечего – закрепили десятерых стропами в пустых бомболюках, еще двоих положили на пол в кабинах, и вперед, через линию фронта! Перед посадкой нас чуть не сбили свои зенитки. Рисковал не зря: все хлопчики вышли потом в люди, выучились, завели семьи, родили детей. Некоторые, по моему примеру, стали летчиками, и постоянно вели со мной переписку. К сожалению, многие умерли. И товарищей по фронту давно уже нет. Вот что значит быть долгожителем.

ЯПОНСКОЕ «ПРОТИВОСТОЯНИЕ»

– Куда еще бросала судьба?

– Затем перегонял американские морские бомбардировщики «Каталина» из Канады на наш Дальний Восток. Для предстоявшего разгрома Японии. Сделал три рейса над водами Тихого океана. В 1945-м участвовал в воздушном сопровождении английских транспортных судов «Либерти» в Мурманск. Защищали их от немецких подводных лодок. В одном

из рейсов мой самолет без всякого повода сбили свои зенитки. Командир и радист погибли. Я провел в холодной воде шесть часов. Подобрала наша подлодка. Ее врач несколько часов растирал меня спиртом, пока я не почувствовал рук и ног.

– Где встречали Победу?

– В Севастополе. Затем на Пе-2 через всю страну в Советскую Гавань. Планировали нанести удар по Хоккайдо.

Но операцию отменили и нас перебросили под Владивосток. С приморского аэродрома мы вылетали на ночную поддержку морского десанта Героя Советского Союза Леонова в корейские порты Юки, Расин, Сайсин, Гинзан. Небольшими световыми бомбами ослепляли противника, подавляли огнем его огневые точки и указывали путь нашей морской пехоте. Корейские порты были освобождены за одну ночь. В Гинзане была школа японских морских летчиков-смертников, но когда мы там появились, ни одного японца и японского самолета там уже не было. Все бежали на юг Кореи. Остался один повар. После Гинзана мы отправились в маньчжурские порты Дальний и Порт-Артур на несколько дней раньше сухопутных советских войск. За участие в освобождении корейского

побережья мне вручили второй орден Красной Звезды.

– Так наступил долгожданный мир?

– Не совсем. Уже после официальной японской капитуляции от берегов Японии в сторону Владивостока отправилась боевая эскадра в составе четырех миноносцев и одного крейсера с десантом из 1200 человек на борту. Эти смертники могли принести нам немало бед. По тревоге были подняты бомбардировщики и ПЕ-2 (в их числе мой самолет), которые двумя волнами атаковали эту эскадру в 300 км от Владивостока. Наши самолеты повредили крейсер, уничтожили десант, потопили один миноносец. Уцелевшие японские корабли свернули к корейскому берегу. Это был последний аккорд Второй мировой войны.

«ЗЕМЛЯ ДАВАЛА НАМ ВСЕ, ЧТО НУЖНО»

– Как Вы оцениваете тыловое обеспечение вашей дивизии в течение всей войны?

– Земля давала нам все, что нужно: первоклассные самолеты, боеприпасы, горючее, запасные части, техническое обслуживание.

Одевали нас тоже отлично – в зимнюю и летнюю форму, хорошо кормили и обеспечивали бортовым пайком. Были и наркомовские 100 гр, но перед вылетом никто не употреблял. Все понимали, что к добру это

не приведет. Боевой дух у морских летчиков и без того был высоким. Даже в 41-м мы не сомневались, что победим. И доказали это на деле в смертельном противоборстве с врагом. С 41-го по 45-й четвертая часть летного состава моей дивизии выбыла из строя в связи с гибелью или тяжелыми ранениями. При этом, не было ни одного сдавшегося в плен. Мы знали, что в гитлеровском плену нас ожидают пытки и казнь. Слишком большой урон наносили фашистам, чтобы рассчитывать на их снисхождение.

– В свои 93 года Вы выглядите по-боевому и почти не сидите дома. Кстати, Вам очень идут чапаевские усы. Говорят, регулярно встречаетесь со школьниками и студентами. Где черпаете столько энергии?

– Каждое утро по полчаса занимаюсь усиленной физзарядкой, с отжиманиями, гантелями и холодным душем. Это для тела. А главное правило для души: жить для народа и общаться с народом. Общение с людьми – это и есть жизнь. Чем больше отдаешь людям, тем больше получаешь от них хорошего.

*Лев Липович в группе морских летчиков
на Дальнем Востоке*

А.И. ЖОГИН: «И Я ОСТАВИЛ ПОДПИСЬ НА СТЕНЕ РЕЙХСТАГА...»

Александр Жогин воевал под Москвой и брал Берлин. Он знает войну со всех сторон: видел её изнутри, помнит массу исторических сведений о Великой Отечественной. А еще прекрасно рассказывает о тех временах. Поэтому я обойдусь без долгого предисловия.

НЕ ВЕРИТСЯ, ЧТО ЭТО ВОЙНА

У меня было два брата. Старшего, Ивана, призвали в армию на второй день войны. Он воевал под Смоленском и под Москвой. Получил два тяжелых ранения. Инвалидом войны второй группы был комиссован из армии, награждён орденами и медалями. Младшего брата, Константина, призвали в армию в конце войны. Он служил в танковом полку, в Рязани, был командиром танка Т-34. А три моих сестры, старшие, Анна и Ольга, и младшая, Тамара, трудились на трудовом фронте. Так что вся моя семья помогала ковать победу над общим врагом.

– Александр Иванович, скажите, 22 июня Вы сразу поняли, что война и Вас затронет, что продлится она не год и не два?

– 22 июня 1941 года в Киеве был назначен футбольный

матч между киевским и московским «Динамо». Мы с ребятами собрались на него сходить. Но рано утром, в 4 часа, мы услышали шум в коридоре. Там сновали люди с носилками и в противогазах. На рукавах красные кресты. Спрашиваем: «Что случилось, что за беготня?» Говорят, что объявлена воздушная тревога.

В тот момент мы так и не поняли, что за тревога – боевая или учебная. Когда вышли на улицу, увидели, как в небе летят самолёты, разрываются снаряды наших орудий, стрелявших по ним. Потом нам сказали, что это румынские самолёты прорвались на нашу территорию, поэтому орудия ПВО вели по ним огонь. Но тогда мы, ничего толком не узнав, пошли на станцию, чтобы поехать на футбол. На станции долго ждали электричку. Расписание

поездов-то, конечно, к тому времени уже было нарушено. Электрички не шли, и пришлось ехать на первом попутном поезде.

В Киеве по Крещатику мы добрались до стадиона имени Сталина. У кассы увидели объявление: «Футбольная встреча отменяется до неопределённого времени. Желающие могут сдать билеты в кассу или оставить их у себя, так как они будут действительны до времени, когда состоится футбольный матч на этом стадионе». В это время было объявлено, что в 12 часов будет важное правительственное сообщение с речью Председателя Правительства Молотова.

– После этого, думаю, о футбольном матче уже никто не вспоминал...

– Да. Люди стали собираться толпами вокруг включенных репродукторов. Ждали правительственного сообщения. Ровно в 12 часов мы услышали голос Молотова. Чуть позже в связи с началом войны, нам, студентам, проходящим практику в Киеве, было велено срочно возвратиться в Москву. Собрались быстро, но прямого сообщения пассажирских поездов с Москвой уже не было. Пришлось ехать от

станции Дорница на крыше товарного вагона-ледника до станции Пахмач, где мы пересели на другой товарный поезд в сторону Москвы.

– Расскажите, какой Вы увидели Москву, когда всё-таки удалось до нее добраться?

– 22 июля 1941-го фашистские самолёты совершили первый налёт на город. Столица регулярно подвергалась бомбовым ударам. С этого времени все студенты, ходившие на занятия, были переведены на казарменное положение: ночевали прямо в здании техникума. Днём были занятия, а вечером и ночью мы дежурили на чердаках и крышах зданий, чтобы во время воздушных налётов сбрасывать с них зажигательные бомбы. И каждый день в ночное время по несколько раз объявлялась военная тревога...

После ночного дежурства, не выспавшись, мы шли на занятия. Засыпали за партой. А потом снова на дежурства по чердакам... Так продолжалось до 14 октября 1941 года, пока немцы не перешли в наступление и техникум не эвакуировали в Самарканд.

К октябрю мы, учась на 4 курсе, ускоренно закончили учебную

программу и приступили к сдаче госэкзаменов, но из-за эвакуации они были прерваны.

Я тогда не поехал в Самарканд вместе со всеми, а пошёл домой, где меня уже ждали две повестки из Сокольнического райвоенкомата. 18 октября 1941-го я явился туда и подал первую повестку – в лётную школу. Мне говорят: «Опоздали, эта команда уже

отправлена вчера из Москвы». Подал вторую повестку – в сапёрную часть. Эта группа как раз собиралась в одной из школ. Туда меня и отправили. Там я получил армейскую шапку с зелёной звёздочкой и уже на следующий день покинул Москву. В городе Йошкар-Ола Марийской АССР формировался мой сапёрный полк.

МОСКВА – БЕРЛИН

– Александр Иванович, расскажите о контрнаступлении под Москвой.

– 2 декабря 1941 года меня вместе с полком направили в Москву. Ехали мы в товарных вагонах. По окружной дороге нас отвезли на западное направление, на станцию Кунцево, и далее – до станции Одинцово, где и выгрузили. До ближайшей школы добирались бегом: по 30-градусному морозу, да ещё в летнем обмундировании! И в школе, конечно, тоже было холодно. Пришлось затопить печь. На дрова использовали стулья и скамейки. Дым заполнил помещение, резал глаза.

5 декабря, рано утром, наши войска перешли

в контрнаступление на западном направлении в районе Одинцово. Впереди была слышна боевая канонада и бомбёжка. После артиллерийской подготовки в наступление пошли танки и пехота...

Наш второй батальон получил приказ стремительно продвигаться вперёд. Шли мы, в основном, в тёмное время суток, и должны были перекрывать пути отступления противнику. Сначала двигались пешим ходом, затем на лыжах. На пути мы встречали выжженные деревни. От домов остались только печи да трубы. Попадались тела немецких солдат, трупы убитых лошадей, немецкая брошенная техника. В одном

В одном населённом пункте, в доме на холме, немцы оставили для прикрытия смертника, прикованного цепью к станковому пулемету.

населённом пункте, в доме на холме, немцы оставили для прикрытия смертника, прикованного цепью к станковому пулемёту.

Продвигаясь безостановочно вперёд, мы оторвались ото всех своих обозов, артиллерии. Питались сухим пайком, который был уже на исходе. Пришлось перейти на подножный корм. Брали, что находилось в оставленных домах. Ели жмых, ели убитых лошадей. От такой еды болел желудок. Где-то просили еду у местных жителей. Хлеба у них самих не было, но все старались что-то дать нам: картошку, тарелку щей. Это продолжалось весь декабрь. В начале января наша рота с боями продвинулась на 250 км от Москвы и вышла к городу Великие Луки. Завязались уличные бои с немцами.

– А что было после? В том же безумном темпе наступления прошли и следующие годы войны?

– В августе 42-го меня командировали в Брянское военно-политическое училище. До этого я ведь служил на должности заместителя политрука роты.

До середины октября училище обустроивалось на новом месте. Готовились помещения. Заготавливали дрова на зиму. На дрова мы вылавливали брёвна из реки. Учёба проводилась по сокращённой программе шесть месяцев. В конце апреля 43-го мы сдали экзамены и получили звания лейтенантов или младших политруков. Я был откомандирован в резерв главного политического управления Советской Армии в город Горький. После двухмесячного пребывания в резерве мне предложили переучиться на строевого командира любой специальности. Я решил – на артиллериста. В учебном офицерском полку занятия проводились по программе артиллерийского училища, рассчитанной на год. Но в связи с начавшейся операцией «Багратион» и освобождением Белоруссии, мы закончили обучение за десять месяцев. Затем отбыли на фронт. В начале

июля 44-го 1-й Белорусский фронт получил приказ усилить наступление в Белоруссии. 18 июля 44-го войска 1-го Белорусского фронта начали Люблинско-Брестскую операцию. А на левом крыле фронта оборона противника была прорвана западнее Ковеля. Город был освобожден, и форсирование Западного Буга наши войска осуществили совместно с польскими соединениями. 24 июля освободили Люблин. 28-го – Брест.

Я участвовал в операции по штурму Варшавы. 22-25 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта подошли к Познани и, преодолев оборону Померанского вала, 29 января вступили на территорию Германии. Однако противник ещё не был разгромлен окончательно, ситуация в конце января на фронте резко ухудшилась. Высокие темпы наступления привели к растяжке и значительному отставанию тыловых частей.

– Я знаю, что Вы участвовали в Берлинской операции...

– Это так. 16 апреля 1945 года, за два часа до рассвета, грохот артиллерийской канонады из более чем 40 тысяч орудий и миномётов залпом «Катюш» оповестил о начале завершающей

операции войны. Это была самая мощная и короткая артподготовка: длилась она всего 20 минут. А перед этим, ночью, 743 дальних бомбардировщика нанесли удар по оборонительным пунктам немцев. В артподготовке мне во главе батареи 120-миллиметровых миномётов довелось принять участие в подавлении огневых точек противника. На огневых позициях батареи от канонады был такой рёв и грохот, что команды передавались не голосом, а разноцветными огнями ручного фонарика.

К исходу 19 апреля наши войска прорвали одерский и нейсенский рубежи обороны и продвинулись на 30 километров. Я воевал и на подступах к Берлину, и в самом городе... Бои шли трудные – немцы отчаянно сопротивлялись.

Кстати, за эту операцию 1141 воин награждены орденами и медалями. В том числе я и мои друзья. А тысячи воинов-победителей оставили свои подписи на стенах Рейхстага. Среди них была и моя подпись.

И.Е. РЫЖКОВ: «ПРИХОДИЛОСЬ ВОЕВАТЬ ЗА КАЖДЫЙ ДОМ, ЗА КАЖДЫЙ ЭТАЖ!»

Бывалые солдаты говорят, что страшнее минометного обстрела только рукопашная. Ветеран Великой Отечественной Иван Рыжков знает это лучше всех. Победной весной 45-го полк Рыжкова первым из минометных частей открыл огонь по столице Третьего рейха. Полк за Берлинскую операцию был награжден орденом Александра Невского, Рыжков – звездой Героя Советского Союза.

– Иван Ермолаевич, Вы прошли боевое крещение под Киевом молодым курсантом, враг в тот момент имел уже боевой опыт в Европе. Боялись?

– Нет, этот бой нетрудный был, потому что мы грамотный народ, почти год служили в училище, где военная подготовка была не хуже, чем у немецких солдат. Поэтому встретили мы их очень активно и небезболезненно для них. Да и мы же все пацаны, по сути дела, были, смелости не занимать.

– А страх?

– Страх... Его в то время не чувствовали. Вот к концу Киевской операции было боязно, потому что немцы прилагали огромные усилия, чтобы захватить город, использовали всю технику,

любую, какую можно было. Это, конечно, давило на нас, особенно морально.

– В апреле 42-го Вы попали на Брянский фронт, на реке Кшень произошёл бой, за который Вы получили первую награду. Первая награда самая дорогая?

– Да, действительно. Я, правду сказать, не думал, что буду награждён. Получилось так: немцы прорвали оборону на реке Тим, и мы примерно за трое суток отошли почти на 30 километров, на реку Кшень. Здесь наши войска задержались, почти сутки были бои, потом перебрались на восточный берег, где немцы ощутили нашу мощь. Трое суток продержались, потом линия фронта стабилизировалась. И с осени до января-месяца мы удерживали эти позиции.

– Наверно, обороняться и удерживать позиции – это самое тяжелое?

– Враг хоть и имел превосходство, особенно количественное, но мы заранее приготовились – привели огневые системы в порядок. Например, первый день боя: мы заняли огневые позиции, я выхожу на наблюдательный пункт. Со стороны, где ожидается противник, идёт колонна. Разметали её буквально за полчаса, потери колоссальные: 20–30 % личного состава. Это и не дало возможности немцам в тот же день форсировать реку. За ночь мы привели в порядок свои силы, и немцы больше не смогли прорваться к берегу. Наши войска держались крепко, прочно. Враг пытался несколько раз наступать, но безрезультатно.

– В марте 43-го Вас назначили командиром дивизиона...

– Да, это очень ответственно. У нас тогда было шесть миномётов 120-мм. Очень мощное оружие. В одном месте такой урон нанесли врагам, что они на три дня приостановили наступление, а ведь на участке были только мои ребята. Мы потом с соседской батареей даже соревновались: командир с моих наблюдательных пунктов следил за стрельбой,

потом со своей сравнивал. В общем, хорошо воевали мы.

– А на Курской дуге...

– Вот здесь уже серьёзные бои были, тяжелые. Но немцы сразу же споткнулись о нашу систему заграждений: траншеи, блиндажи... Два раза врывались, и оба раза их отбрасывали. Понесли колоссальные потери. Когда же мы вернулись на место прорыва, поле около деревни Масловка было усеяно берёзовыми крестами. Сколько тел в каждой могиле – не знаю, но поле было 1,5 км на 2 км. И это только на данном участке!

– Что играло большую роль: отвага солдат или грамотное руководство?

– И то, и другое. Воевали все хорошо, у меня нет претензий ни к кому: и евреи, и узбеки, и казахи – все как один.

– Бывали моменты, когда опускались руки?

– Не было такого. Ни у меня, ни у солдат моих. Единственное, в начале самом думал, что не выживу.

– А дезертиры были?

– Нет, когда нас на фронт прислали, разместили во 2-м эшелоне, где около 30 суток обучали, знакомили с миномётом. Только после оказались на огневых позициях. Всё пошло как по

Мы почти подошли к Рейхстагу. Немцы оказывали в одном квартале усиленное сопротивление, особенно на чердаках, на крышах.

маслу, потому что было время научить людей и морально немного подготовить, коллектив узнать. Правда, был один случай, солдат отрубил себе пальцы на правой руке, чтобы не стрелять. В тыл хотел. Он вырубал лес для огневой позиции, говорит, что случайно получилось. Кто его знает. Судить не стали, просто оставили в батарее.

– На подступах к Берлину было чувство победы?

– О, конечно! У нас не было сомнений и в 41-м году, что победа будет за нами. Курсантом был, солдатом, командиром – никаких сомнений. Даже когда отступали, когда почти у Харькова оказались, ни одной мысли.

– А в самом Берлине что происходило?

– В самом начале наши войска быстро подошли, прорвали оборону на реке, углубились

километров на восемь. Перед прорывом мы провели артподготовку, благодаря чему нанесли значительный урон противникам. Трупы прямо в окопах видели... много...

В городе за каждый дом приходилось воевать, да что там! За каждый этаж! Ближе к Рейхстагу труднее стало, потому что немцы располагали огневые установки на плоских крышах домов. Если раньше мы воевали за три первых этажа, то тут приходилось сражаться за здание целиком. На одной крыше аж 4 орудия находилось!

Потери были, но меньше, чем немцы рассчитывали. У нас в полку во время боёв в Берлине человек восемь полегло, за 4–5 дней боёв – мизерные потери. А вот пехота немного больше потеряла.

– Были случаи, чтобы немецкие жители к Вам на помощь приходили?

– Нет, только когда мы прятались, помогали. Я одну ночь провёл в подвале, мне уступили уголок с кроватью, хоть за 4 дня боёв поспал как следует. Солдаты со мной были: разведчик и телефонист, разведчики спали, а телефонисты – нет, им нельзя. Они начеку всегда.

– Когда пришло осознание конца войны? Что совсем всё, можно выдохнуть?

– Это в Берлине. Мы почти подошли к Рейхстагу, немцы оказывали в одном квартале усиленное сопротивление, особенно на чердаках, на крышах. Трудно нам дался этот квартал, но когда овладели им, я построил весь полк, поздравил с окончанием войны, хотя ещё и город не капитулировал, но я знал – пока нас перебросят на восток – километров за триста, немцев уже перебьют. По сути дела, для нас так и закончилась война.

– Военные будни, когда нет боевых действий, какие они?

– Бой, на самом деле, никогда не кончался, даже если мы оборонялись, огонь постоянно вели и мы, и немцы.

– С пленными немцами как полагалось обходиться?

– В тыл надо было отправлять. Но было по-разному. Однажды привели человек шесть, а командир полка еврей был, всю его семью – отца, мать, жену, детей – фашисты побили. Он глянул сурово и тут же приказал: «Расстрелять!» Мы с комиссаром стали отговаривать, мол, не стоит, отправим в тыл, там разберутся, он слушать нас не стал. Солдаты отвели пленных

подальше, постреляли для шума, а немцев из полка выслали.

Не знаю, как в других местах, но у нас сдавались ещё до Берлина, довольно много. Однажды человек пятнадцать пришли. В 42-м и 43-м такой массовой сдачи не было. А потом и в бою чувствовалось, что понимают немцы – проиграна война.

– Случались чудеса на фронте?

– Было, конечно. В Белоруссии, в одном селе, чуть ли не рота осталась в деревне, которую захватили немцы. Наши ребята не сдались. Человек 25–30 больше суток сопротивлялись, пока им не помогли.

– А самый страшный бой?

– Бой любой страшный. Я не знаю, что можно сказать о 41-м годе. Там часто чудом выбирались, особенно при обороне Киева. Оставался буквально десяток человек в роте против двухсот–трёхсот немцев. Мы сражались до ночи, а ночью отходили.

В 42-м и 43-м годах на плацдармах были тяжёлые бои. Ведь маленький плацдарм обстреливается пулемётным, винтовочным огнём. Про артиллерийский вообще говорить нечего.

– А боевые товарищи, друзья?

– Конечно, были, да ещё какие! В полку у нас было два начальника взвода – замечательные люди. Один из них стал вместо меня командиром батареи, а я перешёл в командиры дивизиона. Опанасенко, украинец. Воевали до конца. Лавреньев был хороший командир, но выбыл по серьёзному ранению перед Курской битвой. Наверно, месяца четыре отсутствовал, потом добился возвращения. Мы его сразу командиром батареи назначили. Семья его была в Сибири, три сына. Когда он в госпитале оказался, мы собрали вещи кое-какие: тех, кто погиб, у старшины что-то нашлось – хорошая посылка получилась.

– **Вы тоже были ранены в Берлине?**

– Да, мне шею пуля просверлила.

– **И остались в бою?**

– Рану перевязали, суток пятнадцать походил с повязкой, и всё прошло.

До этого в голове осколок был, снаряд разорвался на Курской дуге, прочесал меня.

– **В госпиталь не отправили?**

– Нет, я вообще в госпитале не был. Два ранения всего, а так.. ушибы были.. позвоночник.. больше полумесяца не мог разогнуться. Потом прошло. Да и не до ранений нам было, не чувствовали.

– **На войне Вы были молодыми совсем, и романы случались, наверно?**

– А как же! Как же без этого! Много! Дело-то молодое. Я и женился на войне. Она была младшим врачом полка, младшим лейтенантом, по-моему. На фронте и расписались, в перерыве между боями. В полку у нас была врач, супруга моя, и ещё три фельдшера по дивизионам – четыре женщины всего.

– **Немного на весь полк...**

– Ну а что ж сделаешь? Зато как мы их оберегали!

А.В. КУЗНЕЦОВ: «НУ, ВОЕВАЛ, УЧИЛСЯ, В ТАНКЕ ГОРЕЛ...»

Орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и на всю жизнь закаленный характер – итог фронтовых лет Александра Кузнецова. Сразу после войны, в 45-м году, он соединил свою судьбу с девушкой, защищавшей блокадный Ленинград, и их семья, в которой каждый знал цену жизни, была крепкой на зависть.

Люди уходят, но воспоминания о них остаются. Историю своих родителей нам рассказала Лариса Короткова.

– Лариса Александровна, почему Ваш отец не любил рассказывать о войне?

– Знаете, когда внуки подходили к нему с просьбой: «Дедушка, расскажи что-нибудь о войне, нам сочинение писать задали», – он обычно отвечал так: «Ну, воевал, учился, в танке горел...» Очень отец был сдержанным человеком. Я думаю, эта выдержка по жизни появилась не просто так: тяжело было вспоминать о пережитом, вот и приходилось себя настраивать, «загонять в рамки».

Он однажды пошел на встречу фронтовиков, однополчан своих там не нашел и вернулся с каким-то осадком, очень расстроенный. Больше на такие мероприятия не ходил. А 9 мая 2010 года, в

День 65-летия Победы, у него случился инсульт, думаю, тоже неспроста. Те эмоционально тяжелые вещи, которые показывают в этот день по телевизору, фронтовикам смотреть очень сложно: они ведь воспринимают это не так, как мы, а через личный горький опыт... С воспоминаниями иногда сложно справиться.

– Как Александр Васильевич попал на фронт?

– В 30-е годы его семью причислили к кулакам (дом был покрыт железной крышей), и отцу, молодому начальнику почты, который имел дело с секретными документами, настоятельно посоветовали оставить эту работу. Он уехал из своей деревни во Ржев. И там устроился в дорожно-фуражную службу. От армии

Моего отца, 1 м 92 см ростом, она метров четыреста тащила на себе до повозки. Он кричал: «Брось меня. Убьют же!» А девушка ни в какую.

она давала бронь. Но, когда началась война, отец сразу пошел в военкомат добровольцем. В его трудовой книжке так и написано: «28.06.1941. Мобилизован в РККА» Потом уже он говорил: «А как я, взрослый мужчина, мог остаться в стороне, когда другие воюют?!» Ему было 23.

Рядового красноармейца Кузнецова отправили в рабочий батальон 33-й учебной бригады, потом в учбат связи при этой бригаде, а в 42-м году он, уже старшина, стал морпехом.

Он участвовал в жутких боях на Кавказе. Немцы там стояли стеной – за нефть. Отец рассказывал, что высоко в горах было холодно и немцы сильно мерзли, поэтому советские войска старались планировать наступление на ранние часы, когда враг еще спит, а холод ощущается особенно остро.

– На своих поздних фронтовых фотографиях он все время заснят в одном ракурсе. Это неслучайно?

– Я долго не обращала на это внимания. Потом поняла: отец прикрывал обгоревшую часть лица. В 43-м его послали учиться в Харьковское военно-политическое училище, эвакуированное на Кавказ. Но неожиданно это училище перепрофилировали в танковое, и он стал танкистом. После окончания его назначили командиром танка Т-34. В Венгрии, близ озера Балатон, отец и получил тяжелейшее ранение. По приказу, ночью они заняли огневую позицию. Сверху, с холмов, должно было пойти наступление наших, которое танкисты, планировалось, поддержат огнем. Однако вместо наших с холмов посыпали немцы и начали стрелять по танкам прямой наводкой. Водитель испугался и побежал. Отец, находившийся наверху, в башне, спустился вниз, чтобы развернуть танк и начать отстреливаться. Представляете, как раз в это время у танка снарядом снесло башню! Еще бы доля промедления, и он бы погиб. Отец начал вытаскивать стрелка и моториста. Сам жутко обгорел, но людей спас. На этом «чудеса» не

Александр Кузнецов

закончились. Рядом оказалась наша санитарка, совсем молоденькая девчушечка. Она ехала на повозке и увидела их. Я не знаю, как добирались стрелок и моторист (видимо, могли идти), но моего отца, 1м 92 см ростом, она метров 400 тащила на себе до повозки. Он кричал ей: «Брось меня! Ведь убьют же!» А девушка ни в какую.

Отец потом разыскивал ее, но, сами понимаете, не нашел...

Победу он встретил в госпитале, в Венгрии. Когда я спрашивала его про эмоции, он так и отвечал: «Ты не представляешь! Не верилось, что удалось выжить в этой мясорубке». А на мой вопрос, где тебе было труднее – в танке, за броней, или в пехоте, где ты совершенно открыт, – он говорил, в танке. Потому что танк на виду у всех, он в лоб идет, а в пехоте укрылся за любой бугорочек и, вроде бы, спрятан. Вот так он считал.

– А как Ваша мать, Таисия Петровна, выносила блокаду?

– Она говорила, как ни странно это звучит, что в первую очередь от голода гибли здоровые мужчины, которые привыкли к нормальному постоянному питанию.

Мама служила телефонисткой на военном аэродроме в

Ленинграде. Там паек был немного побольше, чем у обычного горожанина. Но и этого, естественно, не хватало. Подружка мамина была из обеспеченной семьи, она потихоньку продавала вещи, одеяла, перину и они покупали, что могли, из еды. Она рассказывала, что, когда начинались бомбежки, во время боевого дежурства они с подругами залезали под кровати: так им казалось, что они хоть чем-то защищены, становилось чуть спокойнее. В 44-м она получила письмо от своего любимого человека, моего отца (познакомились они еще до войны), там была вложена фотография: «Вспоминай! Жди! Твой Шура». Она дождалась. И в 45-м году, после войны, мои родители поженились.

*Таисия Макарова,
невеста Александра
Кузнецова*

В.И. ВОСТРУХИНА: «ВЕРНУТЬСЯ? НО КАК ТОГДА ПОСМОТРЕТЬ В ГЛАЗА РАНЕННЫМ? НЕТ. ТОЛЬКО ВПЕРЕД, К ВОДЕ»

Валентина Вострухина в 1942-м успешно окончила Московскую школу радистов и была направлена в 360-ю дивизию. Красивая, улыбочивая, уверенная в себе девушка заставляла бойцов расправлять плечи и вселяла в них дух победителей: мол, я ничего не боюсь, а вы, мужики, и подавно не должны. Вперед, на врага!

«Она просто погружает лицо в холодную воду и жадно пьет. Какое это все-таки счастье – вдоволь напиться!»

Во время одного из боев часть, где служила Валентина, была изрядно потрепана немцами. День клонился к вечеру. В одном из блиндажей восемь раненых бойцов лежали вповалку. Тяжело контуженная медсестра ничем не могла им помочь. Здесь же оказалась и Валентина, державшая связь с командным пунктом. Впрочем, КП не отвечал: то ли был накрыт авиабомбой,

то ли повредилась проводная связь.

Валя не находила себе места. Раненые просили пить. Смотреть на это было невыносимо: потрескавшиеся запекшиеся губы едва шевелились. Но Валентина явственно слышала: «Воды, воды, сестричка, воды, умираю...»

Валентина знала, что примерно в полукilометре от блиндажа течет небольшая речушка. На одном берегу немцы, на другом – наши позиции. Перестрелка не умолкает. Что делать?

«Воды, – вновь слышит радистка, – дайте хоть капельку перед смертью, Христом Богом молю».

Она видит свернувшегося калачиком худющего, совсем

еще молодого бойца. Он ранен в живот. Боль, видимо, нестерпимая. А как жалобно смотрит. Сколько мольбы в этих глазах!

Валентина взяла три солдатских котелка, все, что нашла в блиндаже, и выглянула наружу. Тишина. Перестрелка прекратилась. Надолго ли? Немилосердно жарит солнце.

Пригнувшись, она сделала несколько шагов по направлению к речке. Примерно на полпути – поросшая шиповником лощина. Вот бы добежать и передохнуть там! С немецкого берега неожиданно затрещал пулемет. Рядом с Вале́й с тихим шорохом взметнулись султанчики пыли. Она упала. Тут же откуда-то из-за ее спины застрочил уже наш ручной пулемет. Несколько секунд Валя соображала. Вернуться? Но как тогда посмотреть в глаза раненым? Нет. Только вперед, к воде.

Она ползла, упрямо сжав губы. Котелки больно били по спине. Метр за метром. Наш пулеметчик старательно прикрывал ее. Немцы на том берегу делали все более длинные паузы. Возможно, они потеряли храбрую девушку из виду.

А вот и долгожданная речка. Вода чистая, видно илистое

дно, снуют рыбешки. У Вале́й нет больше сил. Даже зачерпнуть воды котелком. Она просто погружает лицо в холодную воду и жадно пьет. Какое это все-таки счастье – вдоволь напиться! Валя набирает полные котелки воды, плотно прикрывает их крышками, ставит в вещмешок и ползет к блиндажу. Мешок с котелками держит перед собой в вытянутой руке. Рука немеет. Пот заливает глаза. Из последних сил ползет Валя. Вновь застрочил вражеский пулемет с противоположного берега. Вновь зашелестели вокруг фонтанчики пыли. Но Валя продолжает ползти.

Она не помнит, как ввалилась в блиндаж, как поила раненых. Помнит только, как один из них поцеловал ей руку.

Ночью раненых эвакуировали. А Валентину за этот подвиг наградили медалью «За отвагу»...

Войну отважная радистка закончила в Кенигсберге. Вот, что сказала Валентина Ивановна об этом счастливом дне:

– Ночью накануне Дня Победы я дежурила на радиостанции дивизии. И тут получаю радиogramму, где говорится о конце войны. Когда я

сообщила об этом, все вокруг
будто с ума посходили: стали
целовать меня, обнимать,
пели песни, палили в воздух
из автоматов и пулеметов.
Кто-то смеялся. Кто-то плакал.
Это был долгожданный миг

Победы. Он до сих пор у меня
перед глазами. Как те три
котелка воды.

Б.А. БАЛАБАНОВ: «НЕ ЗРЯ НАШУ ПЕХОТУ НАЗЫВАЛИ «ПРОЦАЙ, РОДИНА!»

Борис Балабанов живет в самом центре Хабаровска. Это человек с неутолимой жаждой жизни! Он прошел войну в пехоте, что закалило и дух, и тело на долгие годы.

ПЕХОТУ НЕ БЕРЕГЛИ

– Борис Александрович, как самочувствие?

– Намного лучше, чем в 44-м и в 45-м, в первых рядах нашей наступающей армии. Там была жуткая кровавая каша. До сих пор не пойму, как выжил.

Все надежды наши разбила эта война.

– Потому что ее не ждали?

– Нет, народ на войну настраивался. Но в 41-м немцы почему-то оказались сильнее. Когда они шли на Москву, паника среди гражданского населения докатилась и до Хабаровска. Все были уверены, что Гитлер возьмет столицу. Но Москву отстояли, потому что в ней оставался Сталин. Уверен: если бы не он, ее бы не удержали.

– А, может, в первую очередь благодаря героизму солдат – таких как Вы и Ваши товарищи?

– Моя очередь пришла в 43-м. После призыва – саперная учебка и запасной полк. Готовили почти год. Других призывников обычно уже через месяц бросали в бой. Длительная всесторонняя подготовка очень помогла мне в дальнейшем. В марте 44-го в звании сержанта в составе 178-й стрелковой дивизии попал на Калининский фронт, потом на Ленинградский, а оттуда через Прибалтику и Польшу дошел до Берлина. Много раз в составе всей армии ходил в атаки, трижды был ранен, участвовал в штурме Рейхстага. Из 127 человек моей роты с весны 44-го до 9 мая 45-го дожило лишь семеро.

– Чем объяснить такие потери?

– По себе знаю: пехоту не берегли и гнали как на убой. Наступали впроголодь, кормились тем, что под руку подвернется, полевых кухонь почти не видели.

**Конечно, попав
в окружение,
немецкая пехота
тоже голодала,
покрывалась
вшами, испытывала
нехватку
боеприпасов. Но
в остальное время
мы ей завидовали.**

Зато выдавали спирт без всякой закуски, хотя я тогда не пил. Никаких консервов и сухпайков мы не получали. Моя саперная собака получала консервы, а я нет. Иногда съедал ее пайку, а ее кормил мясом убитых животных. Носили рванье, вместо сапог – красные, как лапы гуся, американские ботинки и сверху обмотки. Бани не видели, по самые уши во вшах, и никакого транспорта – все на своих ногах. Не считая нескольких лошадей с телегами для перевозки снарядов, патронов и раненых. Вплоть до самой Победы не хватало боеприпасов. В атаку давали не больше 60-ти патронов и двух гранат. Их выстреливали махом, потом погибай или сдавайся. Не зря нашу пехоту называли «прощай, Родина!». Потери у пехотинцев были

несравнимо больше, чем у артиллеристов, фронтовых разведчиков, летчиков, моряков. Не случайно среди нескольких сот хабаровских ветеранов войны нашего брата – считанные единицы.

– Как же вы побеждали?

– Благодаря упорству, смекалке, двужильной выносливости, готовности идти до конца.

Заградительные отряды, которые за нами шли по пятам и которые мы, мягко говоря, не любили, тут не причем. Потому что понимали, что Гитлер несет нам рабство, и без колебания шли в бой.

– С возгласом «За Родину! За Сталина!»?

– Да, поднимаясь из окопа, большинство по примеру командиров кричало эти слова. Первые два-три шага. И от души. Потом было уже не до того.

– А как же штрафбат?

– Штрафбат от обычной пехоты мало чем отличался. Впереди, кроме врага, у нас никого не было. Стояли лицом к лицу. Это самое главное. Во всяком случае наш батальон ни за кем не прятался.

Снимок сделан в Берлине 17 мая 1945 года в кабинете маршала Г.К. Жукова. Борис Балабанов в центре

«ОБОРВАННАЯ ТОЛПА» ПРОТИВ «СЛАЖЕННОЙ МАШИНЫ»

– А чем удивляли немцы?

– Этой был геройский, нацеленный на победу народ. И очень организованный – хоть в атаке, хоть в обороне. Немецкая пехота почти всегда передвигалась на автомобилях, мотоциклах или бронемашинах. Потому быстрая, свежая и мобильная. Не то что мы. Мы пока доберемся под огнем до немецких позиций, а немцев уж след простыл. Когда шагали по Эстонии и Польше за отступавшими фрицами, эстонцы и поляки над нами открыто смеялись: как вы такой оборванной и плохо вооруженной толпой собираетесь разбить моторизованную слаженную машину. Они не верили в нашу победу.

– Неужели в конце войны не ощущалось нашего превосходства?

– Не знаю, как другие рода войск, но наша пехота по снабжению и по вооружению уступала немецкой. Чего скрывать: немецкие пистолеты, автоматы, пулеметы, фаустпатроны по всем показателям превосходили советские образцы. При первом же случае я снял с убитого немца

«шмайссер» и заменил им наш автомат ППШ. Даже в 1945-м германские самолеты постоянно висели над позициями наших войск и охотились за каждым бойцом. Одного такого охотника мне удалось свалить из 20-килограммового противотанкового ружья прямо с телеги, когда он на нас прицельно пикировал с двумя бомбами. За этот удачный выстрел меня наградили орденом Славы III степени. При этом я почти ни разу не видел, чтобы наши летчики как-то мешали немецким. Когда мы спрашивали, почему, они отвечали – нет керосина. Конечно, попав в окружение, немецкая пехота тоже голодала, покрывалась вшами, испытывала нехватку боеприпасов. Но в остальное время мы ей завидовали.

– Как Вы лично переносили военные тяготы?

– При росте метр семьдесят весил пятьдесят килограммов. Не поверите, но сейчас, несмотря на возраст, во мне больше сил, чем тогда! Потому что нормально питаюсь. А в 45-м, в разгар рукопашной в Рейхстаге, дюжий эсэсовец ударом

кулака чуть меня не убил. Таким я был щуплым. Сытый солдат не чета голодному.

– Что было самым опасным?

– Лобовые атаки против укрепленных позиций врага. Только во время штурма Зееловских высот под Берлином наших полегло почти столько же, сколько американцев за все время Второго фронта. До сих пор не могу понять: неужели нельзя было бить не в лоб, а по флангам и прочим уязвимым местам? Ведь наступающие и так теряют больше, чем оборона. Все эти мысли не дают покоя сейчас, а тогда шли в атаку без рассуждений.

– Кого набирали в стрелковые части, и как показали себя выходцы из разных республик и регионов?

– Брели всех – от 18-ти до 60-ти лет, со всех уголков СССР. И не было ни одной трусливой национальности. Будь-то русские, грузины, евреи...

– А как же небезызвестные разговоры о том, что евреи от передовой уклонялись?

– Не верьте! Самый мой надежный фронтовой друг – Миша Элдештейн из города Гомеля. Ему было лет 35. Вояка был отчаянный. Покруче, чем я. Это он зарубил эсэсовца саперной лопаткой, когда тот оглушил

меня кулаком в Рейхстаге. Разница между нами была лишь в том, что мне немцы без оружия нравились, а ему нет. Миша рассказывал, что его семья погибла в Гомеле после прихода туда нацистов.

Если смотреть в целом, то лучше всех дрались сибиряки и дальневосточники. Они показали себя самыми решительными, яростными, выносливыми, способными сломить любого врага.

Немецкие генералы говорили: с русским солдатом мы бы покорили весь мир. А по-нашему, с такой техникой и снабжением как у немцев русская пехота разгромила бы их намного быстрее и без таких тяжелых потерь.

– При наличии опытных командиров.

– Командиры наших полков и дивизий ни в чем не уступали немецким. В любых ситуациях. Не могу забыть лето 44-го, когда наш полк в чистом поле был накрыт из дальней засады минометно-артиллерийским огнем женского финского батальона. Дело было под Выборгом. Этот женский батальон по подготовке и вооружению мог дать фору любому обычному. Командир полка бросил мой взвод в отвлекающую атаку, а сам в это время с основными силами зашел с

другой стороны и уничтожил финскую артиллерию. Во время отвлекающей атаки через лес почти все бойцы моего взвода были убиты минометным огнем. Во взводе было всего трое русских, остальные – узбеки,

которые шли на смерть без всякого страха. Мне навывлет пробило осколком голову, но я все-таки выжил. И получил орден Красной Звезды.

НИКТО НЕ ПОВОРАЧИВАЛСЯ СПИНОЙ

– Вы освобождали Европу. Как вели себя освобожденные и освободители?

– Очень хорошо встречали простые прибалты и немцы. Старались нас накормить, угостить, пригласить в гости. Никто не поворачивался спиной. По глазам было видно, что не прикидываются. Да и какой им от этого прок – ведь мы же никого не грабили и не насиловали, как об этом сейчас болтают. Были настолько измотаны наступлением, что нас хоть самих насилуй. Зато, чем могли, делились со стариками, женщинами, детьми, несмотря на то, что их сыновья и отцы продолжали сопротивляться. Хуже всех к нам почему-то относились поляки. Во всей Польше, сколько ни просили, ни разу никто не помог. Словно мы какие-то оккупанты!

В Германии больше всего поразила их жизнь. В

любом городе и деревне все ухожено, чисто, красиво, богато, культурно, дороги заасфальтированы, в каждом доме мотоцикл, автомобиль или велосипед с прицепом.

– А что немцы говорили о войне и о своем Гитлере?

– Ругали изо всех сил. Говорили так: если Гитлеру и Сталину очень хотелось повоевать, то пускай бы вышли куда-нибудь и друг друга прикончили. Но не втягивали бы в это наши народы.

– Где Вас застала Победа?

– После падения Рейхстага я выменял у пленного немецкого генерала свои старые сапоги на его хромовые. Это был его добровольный жест, но меня посадили на гауптвахту. Через несколько суток выпускают и вручают за Рейхстаг второй орден Красной Звезды. К этому моменту я уже был переведен в роту охраны маршала Жукова при

его штабе в Карлсхорсте. Выдали новую форму, фуражку, начали нормально кормить. Появилось время для личной жизни. Случайно после дорожной аварии познакомился с ее виновницей – переводчицей Эльзой из нашей армии. Высокая, белокурая, она мне сразу понравилась. И ей тоже, несмотря на свой скромный рост. Вспыхнула любовь, но после моей отправки в Союз все связи с нею порвались. Тем более что даже переписываться с иностранцами запрещалось. А на день Победы я был в карауле. Вечером 8-го мая на моих глазах в Карлсдорф перед подписанием акта о германской капитуляции начали съезжаться немцы, англичане, французы, поляки, американцы... А в три часа ночи все делегации покинули штаб.

– Каким был Жуков?

– Он почти каждый день проходил около моего поста у парадного входа. Невысокий, властный, решительный, мощный, выражение лица каменное, почти злое. Ни разу не повернул головы в мою сторону, только отдавал честь. И, насколько помню, никогда не разговаривал и

не здоровался ни с кем из охраны. В отличие от Жукова, маршал Рокоссовский даже в окопах здоровался с каждым солдатом за руку, и в войсках его очень любили. Рокоссовский берег людей, и побед у него было больше, а потерь значительно меньше, чем у других командующих. Зато Жуков обычно шел напролом.

– Вы один раз попадали на гауптвахту?

– Арест за сапоги был девятым по счету. До этого наказывали за излишнюю инициативу или за то, что не давал собой понукать. Однажды в Польше взяли под стражу после того как не подорвал, а разминировал авиабомбу. Но если бы она взорвалась, рухнул бы рядом стоящий дом. Для меня это было важнее. И так тогда поступали многие. Все были друг за друга, не пахло никаким дедовством, унижениями, хотя каждый ходил под пулями. Иначе немцев мы бы не одолели.

К.М. ОЛЬХОВА: «РАБОТАЛ ОДИН ИНСТИНКТ – СПАСТИСЬ»

Когда все против тебя, когда уничтожают твоих близких, бомбят любимые города, ты живешь в постоянном страхе и ждешь, что жизнь вот-вот оборвется... Под силу ли человеку выжить в таких условиях? Кристина Максимильяновна Ольхова (в Советском Союзе получившая имя Ксения Максимовна) сумела пережить страшнейшую оккупацию, фашистские лагеря и скитания по чужой земле. Она ценит жизнь и твердо верит, что люди многое могут выдержать.

– Кристина Максимильяновна, для Вас как жительницы Варшавы война началась гораздо раньше, еще в 1939-м году...

– Да, тогда я была совсем маленькой, мне только-только девять лет исполнилось. Сестра Людвика на год старше.

Летний отпуск в деревне как раз подходил к концу, когда немцы напали на Польшу. Никто не мог предположить тогда, насколько долго продолжится оккупация. Мы поняли одно: что наша жизнь, Богом данная жизнь, ничего больше не стоит.

Совершенно внезапно налетели самолеты и начали

бомбить железнодорожную станцию. Люди бросились врассыпную, ничего толком не понимая. Немцы с шумом, на мотоциклах, въехали в село и заняли двухэтажный деревянный домик, где жили несколько семей с детьми. Они расположились на первом этаже и начали кутеж – отмечали начало войны, наверное. Потом, пьяные, стали брать пятилетних малюток со второго этажа и расстреливать их, как мишени. Мы, дети постарше, выпрыгивали из окон и убегали. Зимой немцы оставили село, и мы с мамой уехали обратно в Варшаву. Но там было не легче!

ОККУПАЦИЯ

– Вы были еще ребенком и не могли понять политической подоплеки событий. Враг

воспринимался какой-то абстрактной силой?

– Первоначально никто не

Мы с сестрой
бросились к кладбищу.
Раньше из-за детского
любопытства мы
частенько заглядывали
туда и знали, какие
гробницы открыты.
Может быть, это нас
и спасло.

осознавал, что происходит. При первой бомбежке люди просто бежали, не зная куда. Работал один инстинкт – спастись. То, что война – это страшное зло и враги несут смерть, я поняла уже при первых расстрелах и во время облав. Фашисты установили порядок: за одну убитую немецкую женщину расстреливаются сорок поляков, за немецкого офицера – шестьдесят. Недостающих вытаскивали из домов, выпихивали из вагонов поезда. В общем, отыскивали везде, лишь бы набрать требуемое количество.

Однажды я ехала в трамвае, в который хотел зайти немецкий офицер. Его убили выстрелом в спину. Скорее всего, это были члены молодежной повстанческой организации по освобождению Польши.

Находящиеся на улице немцы открыли по трамваю огонь: я спряталась под скамейкой. Потом оставшихся в живых пассажиров вытащили на улицу и расставили вдоль стены – расстреливать. Рядом со мной, с краю, стоял юноша. Он тихо сказал: «Бежим!» И со всей силы рванул! Я ринулась за ним. Побежали и другие. Немцы стреляли людям в спины, и я слышала, как сзади меня падают безжизненные тела. Я юрко свернула за угол, и, представляете, попала в немецкий квартал! От отчаяния схватила за руку немку с ребенком. Не знаю, на что я тогда надеялась, но она действительно помогла мне. Повела к себе в дом, а часовому объяснила: «Майн кинд!» Я пробыла у нее до вечера, а потом вернулась домой.

На занятия в школу день ото дня приходило все меньше учеников: постоянно кто-то погибал.

Но самое страшное началось с началом Варшавского восстания, в августе 44-го. Мы не знали о нем и спокойно детской компанией играли у тети в районе Воля. А немцы между тем развернули масштабный расстрел. Ведь уставшие от власти оккупантов революционеры стали сооружать баррикады

по всему городу. Мы в этот момент с сестрой Людвикой прятались в кустах сирени, вдруг резко, словно подкошенный, упал наш брат Павлик. С криком «Убегайте!» выбежала тетя Паулина с маленьким ребенком на руках. Их расстреляли в упор. Мы с сестрой бросились к кладбищу. Раньше из-за детского любопытства мы частенько заглядывали туда и знали, какие гробницы открыты. Может быть, это нас и спасло. Около двух дней пришлось отсиживаться там. Ни есть, ни пить от страха не хотелось. Потом, когда стрелять перестали, мы кое-как добрались до мамы. За это время расстреляли 50 тысяч человек.

Мне тогда уже исполнилось тринадцать. И я узнала об организации молодых повстанцев – харцеже, участвовавшей в восстании, и примкнула к ним.

– Хотелось показать оккупантам, что не все в их руках?

– Очень! Я была связная. Доставляла сведения, разбрасывала листовки, помогала раненым и бросала в танки, обстреливающие дома, бутылки с зажигательной смесью. Так что можно сказать, что я не просто жертва военных действий, но и их полноправный участник. К

сожалению, восстание было неорганизовано и плохо подготовлено, у поляков не хватало оружия и продуктов. Поэтому оно оказалось обречено на провал. Многие дома были разрушены до основания, люди умирали от голода, а трупы хоронили прямо во дворах...

Из-за нехватки воды там же во дворах стали рыть подобие колодцев. Вода была грязная, коричневая. В сентябре мы с Людвикой, при полной дистрофии, подхватили еще цингу. Отсидевшись в бомбоубежище, к концу восстания мы с мамой попрощались, поняв, что настал наш общий печальный конец. В дом попала бомба... Но на вторые сутки нас откопали. У меня отнялись ноги. Они были белые от колен до стопы, словно деревянные. И кое-как, с помощью массажей, чувствительность вернулась. За время восстания погибло 300 тысяч поляков! Немцы этапом погнали уцелевших в Прушков, в распределительный лагерь. Там мы навсегда потеряли маму... Ее отсортировали направо как работоспособную, нас – налево. До сих пор слышу ее крик: «Дети, всегда держитесь за руки!» И мы держались. Все концлагеря прошли в одной связке.

КОНЦЛАГЕРЯ

– **Вдвоем, наверное, не так страшно было?**

– Конечно, близость родного человека ободряла. Но мы обе были очень больны, сил почти не было! Когда нас гнали в лагерь пешком, другие поляки меня поддерживали. Чтоб немцы не поняли, что я не могу идти, и не застрелили меня. Хотя тогда я была бы этому только рада...

Мы попали в женскую часть Освенцима – Бжезинку. Нас, вшивых, обстригли наголо, обработали какой-то жидкостью и загнали в душ, под тонкие струйки холодной воды. Потом выдали одежду с отметкой «П» – поляки. Детей периодически забирали в ревир (что-то вроде медчасти), на сдачу крови. Не знаю, сколько крови из нас выкачивали: мы просовывали ручку в

В ЦЕРКВИ

– **Что Вы почувствовали, когда после стольких лет страданий услышали слово «свобода»?**

– Болезни настолько сломили меня, что к тому времени оно перестало быть заветным. Главное желание – умереть, чтобы не чувствовать

окошко и ждали окончания процедуры. Большинство, теряя сознание, так и не возвращалось оттуда. В Освенциме было 8 крематориев и постоянно там кого-то сжигали! Я помню этот сладковатый удушающий запах... С продвижением советских войск, в декабре 44-го немцы начали разбирать крематории и часть узников лагеря погрузили в вагоны и увезли в Германию.

Из Освенцима мы попали в Нойенгамме. Руки и ноги мои были отморожены, и я то и дело молила Бога избавить меня от страданий. Хотелось одного – смерти. Я помню, как в апреле 45-го к нам в барак ворвались польские женщины с криками: «Свобода! Немцы удрали!» Территорию заняли английские войска. Но на нас им было глубоко наплевать.

этой боли, еще было сильно. Мое восстановление шло долго и болезненно.

Освобожденные узники стали группироваться по национальностям, чтобы идти в свои земли. Мы с Людвикой примкнули к полякам, но наша земля была разрушена,

родственники расстреляны. В Варшаве мы надеялись найти маму, но этому не суждено было сбыться... Долго ютились в заминированных развалинах, а потом в поисках еды наткнулись на группу советских солдат. Они забрали нас с собой. Довезли до Бобруйска и оставили там. Что было делать двум маленьким полькам, которые ни слова не знали по-русски? Где достать еду? Кругом разбитые танки и обугленные печные трубы. По всему было видно, что здесь тоже проходили жесточайшие бои. Поэтому, когда мы увидели церковь, тотчас пошли туда. Может, это Бог нас направил. Батюшка немного знал по-польски, он накормил нас, дал ночлег и посоветовал больше никому не рассказывать, через что мы прошли. Мы сдержали свое обещание: я только после распада СССР начала рассказывать о том, что была в концлагерях. Муж так и не узнал о моем суровом военном детстве.

– Даже не верится, что все это под силу пережить обыкновенному человеку... Вы выдержали!

– Да. И после этого нам хотелось жить! Очень хотелось! Мы с Людвикой окончили Краснодарское училище связи, работали на Центральном телеграфе в Сочи, а потом перебрались в Москву. Очень долго пришлось над собой работать: я заикалась, мы боялись людей в форме и гула пролетающих самолетов. Но это прошло. Благодаря колоссальным усилиям воли и колоссальному желанию жить. Вопреки всему.

Г. Н. КУЛЬБАКА: «НАС ПОГРУЗИЛИ НА ПАРОХОДЫ «КАП АРКОНА», «ТИЛЬБЕК» И «АТЕНА», ЧТОБЫ ЗАТОПИТЬ В ВОДАХ БАЛТИКИ»

Для нас 3 мая 1945-го — очередной день, оставшийся до великого праздника — Дня Победы. А для Григория Кульбаки он особенный. И светлый, и трагический. В этот самый день ему удалось спастись в одной из крупнейших морских катастроф за всю историю человечества.

«ГРИГОРИЙ! ПЕТРО!»

– Григорий Никонович, Вы ведь жили в оккупации?

– Да, и довольно долго. В нашем доме, в Томаковском районе Днепропетровской области, квартировал немецкий офицер. А в большущем колхозном сарае во дворе была сосредоточена вся их техника: танки, самоходки... Там же ее и ремонтировали. Я, 16-летний мальчишка, в сарае появлялся редко, а брат мой младший, Петя, только там и торчал: его вечно просили что-нибудь принести да подать.

Мой двоюродный брат Давыд жил неподалеку. Он служил летчиком, попал в плен, но был отпущен. Удивляетесь? Дело в том, что немцы военнопленных, живших на оккупированной

ими территории, отправляли домой: собирать урожай для отправки в Германию. Давыд – партиец, патриот, молча работать на фашистов было не в его правилах. Он ушел в леса, организовал партизанский отряд и занялся диверсиями.

Я виделся с ним вечерами. Партизанам необходима была немецкая форма, и Давыд обратился ко мне с вопросом: «Гриша, нельзя ли нам раздобыть какое обмундирование, хоть рваное, грязное?!» Я не раз видел, как немцы в ров сбрасывали какую-то одежду, и обещался помочь. Дома, на всякий случай, шепнул Пете: «Видел, где они раздеваются, куда одежду вешают? Если засечешь, как выбрасывают

Григорий Кульбака

что-нибудь, припрять!»

А через два дня мой Петя меня в конюшню ведет. Там до потолка у нас «кирпичи» из навоза были сложены – на протопку зимой. Он несколько таких «кирпичей» вытаскивает, и – что бы вы думали? – достает две формы немецких! Новые совершенно! Я чуть не поседел! Только тогда понял, что, если, не дай бог, засекут, пропали... Еле-еле вымолвил: «Никому ни слова!» – и отправился Давыда разыскивать.

Тот велел дожидаться, пока ночью заснет часовой, забрать форму из конюшни и закопать в огороде. Мне удалось. Но после этого из дома пришлось исчезнуть: через два дня после пропажи немцы хватились и начали искать виновных. По дому

В ГЕРМАНИИ

– Вы поняли, что собираются расстреливать?

– Я подумал, запугивают. И Пете так сказал. От расстрела спасла нас мать. Она видела в окно, как окружили ее сыновей и пулей вылетела во двор. Я никогда не видел, чтоб мать так бежала! Она бросилась в ноги офицеру, начала целовать сапоги с криками «Киндер-киндер!» А он стоял в замешательстве и переводил взгляд то на нас,

только и раздавалось с акцентом: «Григорий! Петро!» А перед этим я уже был у них в «черном списке». Как только началась оккупация, немцы разослали подросткам повестки на работы. Я туда не пришел и ходить не собирался. Это вроде бы и никак на мне не отозвалось, а теперь припомнили!

В один из вечеров я все-таки прибежал домой: есть-то где-то надо было... Меня тут же схватили и закрыли в сарае вместе с Петром. Уж не знаю, сколько пришлось там просидеть. Помню, как нас вытащили и подвели к навозной куче во дворе. Немецкие солдаты встали вокруг с автоматами. Подошел офицер.

то на нее, рыдающую. Потом взял Петю за шкуру и пинком швырнул его матери. Меня забрали в полицию...

В октябре 1942 года я был отправлен в Германию (г. Киль), в лагерь. Работал на Кильском канале. Нам тогда говорили, что это «убежище для немецких подводных лодок».

Труд был тяжелый, на канале все мокрые ходили, голодные. На 3 дня получали только

буханку хлеба, зернистого такого – зерна почти целые! И однажды мой друг, Николай Дружко, сказал: «Гриша, подождем мы здесь! Давай бежать!» А как же бежать?

Нас поднимали часов в пять утра и в шесть гнали на работы. Заключенные шли колонной по асфальтированной дороге, где встречались автобусные остановки. Спереди и сзади шагали вооруженные полицаи. Передние были нам не страшны: они нас не видели. И вот, мы подловили момент, когда отвернулся задний, и шмыгнули за автобусную остановку, потом в овраг и в лес!

– На что же вы надеялись во время побега?! Ведь вы в чужой стране, куда идти, не знаете, кругом немцы...

– Мы, действительно, не знали, куда бежим. Но так боялись в лагере быть! У начальника лагеря были такие выслуживающиеся полицаи. Ох, уж как они издевались! Как били!

Мы с Николаем 17 км прошли. Из леса вышли на широкую дорогу, по направляющим надписям на поворотах ориентировались. В разгаре пути встретили елочные насаждения и так на сон потянуло! Не выдержали – рухнули в елках. После отдыха

наш самостоятельный поход длился недолго...

Обогнали нас на дороге два немецких солдата – велосипедисты. Посмотрели так подозрительно и вперед проехали. Я Николаю говорю: «Слушай, похоже, взяли нас «на учет»!» Он отмахнулся. А дорога на поворот пошла, мы поворачиваем – начинается село, а у первого дома... два велосипедиста! Они нам: «Ком-ком!» Ну как же тут не «ком»? Мы же безоружные.

Отвели нас немцы в контору. Там долго держали. Потом явился какой-то старичок, в фуражке черной, со значком (он оказался участковым полицаем), и увел нас в сарай. Там стояли сеялки-веялки всякие... А в углу было окошечко маленькое: немецкие мальчишки с криками «рус! рус!» кидали в него снежки. Через несколько часов он нас оттуда забрал, по кусочку хлеба сунул каждому, и оказались мы в конце концов в тюрьме г. Килья. Горько подшутила над нами судьба: больше всего боялись мы кильского лагеря, а оказались в еще более страшном – концлагере Нойенгамме. Стоял январь 1943-го, я пробыл в Нойенгамме почти два с половиной года.

**– Столько времени!
Вам удавалось как-**

Вода хлынула в пробоину, и пароход с невероятной силой сотрясло.

Нас кидало по всему пространству

приказал, что «ни один узник не должен попасть в руки врага живым». Нас погнали в порт Любека и погрузили на пароходы «Кап Аркона», «Тильбек» и «Атена», чтобы затопить в водах Балтики. Каждый корабль был окружен двухметровыми деревянными щитами. Знаете, для чего? Чтобы с проходящих пароходов не было видно, что там творится!

На суда погрузили около 13 тысяч человек. Эсесовцы, в спасжилетах, расстреливали их на палубах. Днем корабли подверглись атаке с воздуха. Но это были не немецкие, а английские самолеты! Есть версия, что у них был приказ уничтожать все немецкие суда в данном районе. Они его и выполняли...

Бомба попала и в «Тильбек», на котором находился я. Корабль пробило насквозь, капитан погиб. Вода хлынула в пробоину, и пароход с невероятной силой

сотрясло! Нас кидало по всему пространству, как мух! Нижний трюм молниеносно наполнялся водой. Железная лестница, которая шла наверх, забилась до отказа.

Ее загромождали люди, которые лезли на палубу, и трупы расстрелянных на палубе, скатывающиеся в проем. Я помню, как одной рукой ухватился за эту лестницу, а дальше продвинуться не мог: у меня висли на ногах, тянули за руки, за голову даже!

Когда пароход стал совсем переваливаться, эсесовцам стало уже не до нас. Я не соображал ничего, просто лез и все. Помню, за борт были спущены веревки в воду. Ограждающие щиты уже давно снесли. Пароход задрожал, меня ударило в борт, я схватился за веревку и... перевалился...

Было 3 мая 45-го. Ледяная вода. Смерть. Страх. И, как выяснилось потом, 7000 погибших! Я взгромоздился на доску в полубессознательном состоянии, со мной еще несколько человек. И сейчас перед глазами эти веревки, по которым выбираются люди. Оборванные, абсолютно голые...

Рядом со мной на двух досках проплывал какой-то поляк, я попросил у него одну. В ответ услышал ругань – ухватил его

Григорий Кульбака в плетельной команде, концлагерь Нойенгамме

за ногу. Поляк выпустил доску, и я кое-как взобрался на нее. Не было сил грести. Волны подогнали меня к Эдику – другу, с которым мы вместе плели веревки в Нойенгамме. Он забрался на мою доску.

Из порта Нойенштадт, обеспокоенные судьбами эсесовцев, прибыли на катерах молодые немецкие курсанты. Они стали спасать и заключенных! Нам с Эдиком подали багор. Теперь с трудом вспоминаю, как же я забрался на катер... Это было колоссальное нервное напряжение! Я, контуженный, попал в госпиталь Нойенштадта. К вечеру город уже заняли англичане.

Вылечившись, я присоединился к войскам Советской Армии и прослужил до 1950-го года. Как оказалось, в 45-м скончался мой брат Петя. Он выжил во время оккупации, а умер от аппенцидита...

– Григорий Никонович, Вы до сих пор ездите в Нойенгамме. Стоит ли?

– Да, нас каждый год приглашают и принимают там очень хорошо. Тяжело становится, когда у памятника стоишь. Воспоминания как нахлынут! Как волна в пробоину «Тильбека». Но это же Память...

Ю.Н. ХАЙТИН: «НА ДОМАХ НАДПИСИ: «БЕРЛИН БЫЛ И БУДЕТ НЕМЕЦКИМ ГОРОДОМ!» НО 1-ГО В ОКНАХ ПОЯВИЛИСЬ БЕЛЫЕ ПРОСТЫНИ...»

Семья Хайтиных – родители и два сына – жила в Минске. По удивительному стечению обстоятельств им по отдельности удалось ускользнуть от немцев и перебраться в Башкирию. Отсюда Юрий ушел на войну и в 1945-м встретил две победы – над Германией и Японией.

– Юрий Наумович, когда Вы попали на фронт?

– Меня призвали в феврале 1943-го и отправили в Тоцкие лагеря, что в Оренбургской области. Это землянки с двухэтажными нарами, без всякого отопления. На взвод

одна учебная винтовка: в основном, изучали оружие по плакату. Потом отправили нас в Казахстан, в Гурьевское пехотное училище. Добрались – а оно переехало в Астрахань. Нас туда, но и в Астрахани мы не нужны. Опять в эшелон... Через три месяца я попал,

Юрий Хайтин (крайний слева) с однополчанами.

наконец, в 13-й гвардейский учебный автополк, стоявший под Москвой. Там порядок был. Мы углубленно изучали «Студебеккеры» и другие американские машины и ракетные установки БМ-13 «Катюша».

«Студебеккер» для «Катюши» был спасением. До этого ее ставили на ЗиС-6: двигатель слабый, проходимость по грязи нулевая, скорость по грунтовой дороге всего 15-20 км/ч. Расход бензина до 70-80 литров на 100 км! А у «Студебеккера» расход

вдвое меньше, мощность вдвое больше, а скорость на грунтовке до 60 км/ч. Въезжаешь в болото – можно прямо из кабины приспустить колеса, чтобы не застрять. Выезжаешь – опять, сидя в кабине, шины подкачал, и вперед. Первую партию этих грузовиков американцы выпустили только в конце 1941-го года. Может, поэтому секретность доходила до абсурда. Рабочие тетради мы каждый вечер сдавали в спецчасть. Взять их на фронт нам не разрешили.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

– Когда впервые попали в бой?

– Порох мы понюхали еще во время учебы. Раз десять довелось перегонять новые машины на фронт. Там впервые под бомбежку попали, несколько человек ранило. А в августе 1943-го пригнали машины в 26-ю гвардейскую минометную бригаду резерва Верховного Главнокомандования на Брянский фронт, в районе города Карачев. Там наше наступление застопорилось, и мы, курсанты, поучаствовали в деле. Дают приказ: «Зарядить установки», назначают сопровождающего и отправляют на позицию. Цель – две каменные казармы

еще довоенной постройки с толстыми стенами. Немцы превратили их в мощные огневые точки с пулеметами и даже пушками. Выезжаем, а от позиции до цели всего пятьсот метров! Бить прямой наводкой! Видимо, немцы ничего не успели сообразить. Мы выскочили, дали залп, и здания рухнули... Позже, в Германии, тоже приходилось бить прямой наводкой, но не с такой малой дистанции.

В эту же 26-ю бригаду я и получил назначение после выпуска. Бригада – это четыре дивизиона, в каждом по 12 установок. Командиром был Красильников. Видимо, дело знал, раз в 32 года стал генерал-майором.

БЕЗ НАС ФРОНТ НЕ ДВИГАЛСЯ

В дом зайдешь,
немцы шифоньер
открывают – бери,
что хочешь, только
нас не трогай. Да
нам ничего от них и
не надо было.

– **Ваша бригада входила в резерв Верховного главнокомандования. Резерв – значит, тебя берегут?**

– Да, мы подчинялись Ставке Верховного Главнокомандования. У нас на машинах было написано: «СВГК». Но это не значит, что мы в тылу сидели. Без нас фронт не двигался: где готовится серьезная операция или наступление замедлилось, туда и направляли. Однажды с 1-го Белорусского две наши машины перекинули за тысячу километров на 2-й Прибалтийский. Там пехота застряла у опорного пункта немцев. Мы его подавили, получили благодарность от командования, и обратно. В Германии уже по несколько раз в день залпы давали. Там доты, дзоты, вкопанные танки, рвы – немцы здорово

укрепились. Старинные здания, как крепости. Артиллерия бьет, бьет, дырку пробьет, а здание стоит. А наша «Катюша» накроет несколькими снарядами – у-у-у, и всё. Рухнуло.

– **Смерти боялись?**

– Нет. Вообще на войне тупеешь. Какое-то безразличие приходит. Лежит на дороге труп солдата, уже не объезжаешь, а просто между колес его пропускаешь. И по отношению к себе тоже. Так устаешь, что иногда думаешь: «Лучше бы убило». На ногах стоять не можешь, постоянно спать хочется. Больше всего боялись заснуть за рулем.

– **У вас были потери?**

– Три машины в бригаде подбило, погибли человек 15. Но по сравнению с пехотой это несопоставимо. Говорили, есть команда взять Берлин к 1 мая, а командующие 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соревнуются, кто быстрее. Раньше вели мощную огневую подготовку, доты-дзоты кончали, чтобы пехоту сберечь. А в середине апреля началось... Гнали людей на пулеметы. Наши командиры возмущались: «Почему нас не пустили первыми? Мы же

могли эту оборону пробить». Я и сам видел: идут наши на огонь и падают, падают... Или фаустник даст по танку – визг «ву-ву-ву», в броне трещина, и все, нет танка.

На домах надписи: «Берлин был и будет немецким городом!» Но 1-го в окнах появились белые простыни... 2-го гарнизон сдался. А взяли бы, скажем, 10 мая, потерь было б в несколько раз меньше.

– Сейчас много говорят о массовых грабежах в Берлине, об изнасилованиях...

– Армию держали в рамках! В нашей части никто грабежами не занимался, и в пехотных тоже не припомню. Может, где-то тыловые части, а те, что участвовали в боях – нет. В дом зайдешь – немцы

НА ВОСТОК

– Долго Вы в Германии находились?

– Примерно месяц. А потом нас погрузили и на восток. Железная дорога двухколейная. Что интересно, одну колею железнодорожные войска уже расширили под наши вагоны, и от Германии до России мы ехали по широкой колее. Другая колея использовалась под трофейные вагоны и паровозы. Смотришь, там

шифоньер открывают, бери что хочешь, только нас не трогай. Да нам ничего от них и не надо было. В сельской местности, где население ушло, а корова ревет, три-четыре дня недоеная, мы могли ее пристрелить на мясо. Или свинью там, курицу.

Дома не грабили. А трофеи – брали. 2-го мая в Берлине поехали мы к Рейхстагу. Наверное, всем дивизионом.

– На стене Рейхстага расписались?

– Какой там... Не подобраться! Толпа солдат и офицеров, чуть не дерутся, чтобы к стене пробиться и подпись оставить. И такая радость, все обнимаются, невзирая на звания и должности... Войне конец, а мы живы!

и здесь ушедшие под откос вагоны. То ли от бомбежек, то ли из-за аварий. И на одних надпись «СССР», а на других «Polska».

Начался массовый демонтаж немецких заводов. Все станции вокруг Берлина были забиты оборудованием. И тоже надписи: «Одесса», «Москва», «Стерлитамак»...

– Когда Вас отправили на Дальний Восток, Вы

сразу поняли, что воевать придется?

– Мы же видели, что части прибывают и прибывают, что не случайна такая концентрация войск. Были тревожные мысли. Мол, в Германии повезло выжить, а тут, наверное, не выживем. У нас же занятия проводили, рассказывали, что Квантунская армия вооружена до зубов...

Местом нашего базирования стала станция Камень-Рыболов Приморского края. Это на берегу озера Ханка. Мы были приданы 1-му Дальневосточному фронту.

9 августа нас подняли в 4 утра. Командир нашего 3-го дивизиона Калашников объявил боевую готовность. Указал направление – на запад, на Муданьцзян. Это километров 500. Выехали где-то в 5 утра. Дорога в отличном состоянии, не похожа на наши дальневосточные дороги. У нас грунтовые, гравийные, а эта – широкая, асфальт.

– А что значит «перешли границу»? Что собой граница представляла?

– Ничего мы не заметили. Наша дорога кончается, метров 200 бездорожья, и пошел по асфальту. Вот тебе и Маньчжурия. Погода солнечная, теплая...

До Муданьцзяна дошли без единого выстрела: мы ни

в кого не стреляли, и в нас никто тоже. Но тут начала нас своя авиация бомбить! Видимо, слишком рано мы там оказались. Взрывы, пулеметная стрельба с самолетов... Наши пушки начали бить...

– А какая авиация? Штурмовики или бомбардировщики?

– Бомбардировщики, по моему. Какие, не помню. Командование раскраснелось, забегало... Машины убрали в камыш – высокий, в человеческий рост, по сторонам дороги. Всё это длилось очень недолго, минут 40...

– Ничего себе недолго!

– Один самолет сбили. А мы потерь не имели.

– А Вы видели, как в самолет попали? Что с летчиками стало?

– Мы не видели, это потом уже рассказывали на политзанятиях. В общем, часа через полтора опять двинулись и шли так же до самого Харбина.

– И что, без всякого сопротивления?

– Когда мы из камышей выезжали, кто-то стрелял. И мы стрельнули... И больше ни единого случая. Мы даже не видели ни одного японца.

– А когда вошли в Харбин,

Юрий Хайтин третий в переднем ряду

увидели японцев наконец?

– Не было их. Там и китайцы, можно сказать, второстепенную роль играли. Торговлей занимались. Это был русский город. Разместили нас в здании общежития учебного заведения.

Для того времени условия казались роскошью. Постель, вода, туалет. Все работало... И командир дивизиона Калашников нам говорит: «Вы свою задачу выполнили, командование перед вами больше задач не ставит. Будем здесь быт обустраивать».

– Кстати, что Вы можете сказать про отношения

с непосредственным начальством?

– Если в бригаде все время один командир был, то в дивизионах постоянно менялись – на повышение уходили. Пять или шесть на моей памяти сменилось. Это были ребята нашего возраста. Носили такую же форму, те же кирзовые сапоги. И ели с нами, ту же еду. Не знаю, как в пехоте, может, там субординацию соблюдали, а мы обращались к ним на ты. Единственное, что их отличало – лейтенантские или капитанские погоны.

– И вот для вас война закончилась...

– Да, только по городу гулять нас официально не отпускали. Потом мало-помалу командование начало закрывать на это глаза. По двое, по трое стали выходить в самоволку. Но до 10 вечера надо было в часть вернуться. Сначала ходишь вокруг, присматриваешься. Все вывески на русском языке – ни одной на китайском или японском! Причем, по новому правописанию, без ятей. Учебники лежали в нашем общежитии – тоже на русском. В том числе нашли советский учебник, переизданный в Харбине. Китайцы в магазинах и с лотков торговали чем угодно – мануфактурой, чемоданами, пуговицами... Уже дней через десять появились пуговицы к форме: как наши, со звездой, но блестящие (а наши были матовые). Это они освоили производство, зная, что нам предстоит демобилизация. У нас тканевые воротнички, подшивать надо. А они пластмассовые продают – вытер его, и всё.

– А деньги были у вас?

– Да, так называемое довольствие, 30 рублей в месяц. Японские деньги уже не шли, а рубли китайцы принимали. Правда, бывали нечестные солдаты и офицеры

– впихивали облигации. А китайцы полагались на честность. Уходит китаец на обед, лоток оставляет, цены написаны. Деньги клади – товар бери. Если хочешь поторговаться, написано, когда вернется. И многие из них сносно говорили по-русски.

– У вас личное оружие-то было?

– Обязательно. Автоматы. Но по городу мы ходили без оружия.

– И никаких инцидентов?

– Никаких. Русские жители интерес к нам проявляли, такое дружелюбное любопытство. Расспрашивали про уровень жизни, кто откуда, искали земляков. Для нас было странно, что они живут без замков. Стул выставлен снаружи, – значит, дома никого нет.

– Было желание скорей домой вернуться или все же побыть там, посмотреть, как люди живут?

– Домой, домой! Все это не твое... И свободы хотелось.

В.Н. ВЫШЕСЛАВСКИЙ: «В ГЕРМАНИИ КАЖДОЕ ДЕРЕВО «ПОД НОМЕРОМ»

В апреле 1945 года в лесу, неподалеку от немецкого концлагеря Бухенвальд, американская разведка нашла двух прогуливающихся... заключенных. На этом удивительная встреча не закончилась. Американцам показали лагерь. На воротах с винтовками стояли бывшие узники в полосатой форме. Колючая проволока по забору давно была сорвана. А в одном из барачков находились 125 связанных эсесовцев! За пару дней до этого в Бухенвальде произошло восстание.

Оказавшиеся рядом американские войска развернули полевой лазарет, благодаря которому Виктор Вышеславский остался жив.

«ПУТЬ» В БУХЕНВАЛЬД

– Виктор Николаевич, как Вы попали в Бухенвальд?

– Город Николаев, на Украине, где мы с семьей жили, с самого начала войны был оккупирован немцами. После Сталинградской битвы, когда фашистские полчища покатались назад, они угоняли в Германию советскую молодежь. Дважды мне удалось увернуться, а в третий раз и меня схватили. Погрузили в эшелон, и в Германию!

Привезли нас в Тюрингию, в г. Эрфурт. Построили и говорят: «Токаря есть?» Мы с приятелем решили отозваться: подумали, лучше в цех под крышу, нежели чем в

шахты под землю.

– А как объяснялись, по-русски или по-немецки?

– Через переводчиков. Хотя в школе я немецкий учил (он у нас начинался с 5 класса), и 3 года в оккупации ходил заниматься к знакомой учительнице в соседний дом. Она мне сразу сказала, что знать язык врага – это крайне важно.

Нас отвезли в г. Зуль, на маленькую частную фабричку. Там работало человек пятьдесят – чехи, французы, бельгийцы, русские. Выпускали детали, скорее всего, к моторам.

Однажды подошел ко мне мастер и приказал починить

Полгода жили без бани. Народу было так много, что мы спали на полу и переворачивались по команде.

дверной замок в канцелярии. Ходить туда просто так мы не могли. Я явился с инструментами и принялся за работу. Там сидели три немки и что-то печатали на машинке. Вещал приемник. В сводке новостей передавали, что немецкие войска оставили Николаев для выравнивания линии фронта. А это же моя родина! Когда я возвратился вечером в барак, не мог сдержать ликования: «Ребята, Николаев освободили! Отступают немцы — Красная Армия гонит их! Скоро и войне конец!» Через три дня меня забрали в гестапо.

— **Настучали?**

— Сто процентов! Сдали «добрые» люди... Засадили меня в камеру и без конца таскали на допросы.

Когда в Германию угоняли, я захватил с собой учебник по радиотехнике и маленький

немецкий словарик. При обыске в моем бараке их обнаружили и решили, что я не чист. Пытались выбить из меня ответ: «С кем вы связаны?! Где радиостанция?» А что я скажу? Ничего у меня нет! Били, конечно.

Потом перевезли меня в городскую тюрьму, старинную такую, из красного кирпича. Три месяца отсидел. И в одно утро раздались два звонка: мы уже знали, что один звонок — это криминальная полиция, а два — гестапо, своих заключенных забирает. Меня увезли на вокзал. В сопровождении немца я сел на обычный поезд, с гражданскими. Он дал мне в руки развернутую газету, чтобы не привлекать внимания. Мы приехали в г. Ваймар. Для меня тогда это все равно что город на Луне — никаких названий я не знал. Не знал и что такое Бухенвальд. В Ваймаре погрузили в настоящий тюремный вагон, с решетками, там ехали стоя. И прибыли в Бухенвальд. На воротах была немецкая надпись, которая переводится на русский — «каждому свое».

Пень от «дуба Гете», оставшийся после бомбежек

«КАЖДОМУ СВОЕ»

– **Что это значит?**

– Кому-то жить, кому-то умирать. И там умирали тысячами...

Нас, вновь прибывших, остановили у ворот лагеря. В это время туда как раз возвращались все рабочие команды. Строились в шеренги по десять человек и проходили внутрь. Эсесовец с длинным бичом отсчитывал ровно десятерых и ударял об землю. Если построились неправильно, кому-то попадало кнутом по спине, по голове.

После регистрации нас отправили в парикмахерскую. Волосы выбривали

характерно — чтобы сделать нас заметными и исключить всякую возможность побега. Было, так сказать, два «фасона», на выбор: либо машинкой выбривали дорожку посередине (заключенные называли это «автобан»), либо, наоборот, сбривали все, кроме этой самой дорожки.

Дальше была дезинфекция. С закрытыми глазами, заткнув уши и нос, мы с головой окунались в ванну с карболовой кислотой. Один пожилой осужденный немец никак не мог нырнуть, его ударили прикладом и так и утопили там...

В огромной бане нам на 15

минут пустили ледяную воду. Все прыгали, как зайцы, и не могли никуда спрятаться. Потом выгнали в коридор, швырнули каждому полосатые брюки с рубахой, такие тоненькие: к свету поднесешь, – как марля, просвечиваются! Надели деревянные колодки на ноги и в карантин. Немцы страшно боялись эпидемии – ведь это самый центр Германии! Поэтому всех новых заключенных запирали в специальном бараке на 19 дней.

После злополучного душа у меня началось воспаление легких. И выхаживал меня заключенный-немец, Герман Бриль. Социал-демократ, он сидел в Бухенвальде с 1937 года. А был уже 1944-й! Ему помогал врач-француз: вместе они мочили одеяла, выкручивали их и полностью заматывали меня. Никаких лекарств не было. К концу карантина я стал приходить в себя, потихоньку передвигался, на двух палках – от слабости. Но, конечно, на рабочую единицу еще не тянул – меня должны были убить. И, представляете, в это время один из заключенных заболевает сыпным тифом и карантин продлевают еще на 19 дней! Это меня спасло.

Я попал в 25-й рабочий барак. Там были одни русские.

– **Строго по национальностям**

расселяли?

– В основном, да. Союзные войска как раз в это время устроили воздушный налет – все небо было черно от самолетов. Лагерные заводы смели подчистую. Очень много людей погибло в каменоломне. Там была большая каменная дробилка, может, ее сочли за установку военную, и как бабахнули туда! Сгорело и единственное дерево в лагере – так называемый дуб Гёте (поэт когда-то жил в Веймаре). От него остался только пенек с табличкой. Было очень много умерших: крематории без перерыва три дня работали, сжигали трупы. И по всему лагерю стоял страшный запах горелого – его невыносимо было ощущать!

Потом нас, заключенных, заставили разбирать разрушенные казармы буквально по кирпичику, чтобы потом использовать строительный материал еще раз.

В ноябре 44-го в городе Ордруф, в 60 км от Бухенвальда, стали строить подземный завод. Многих узников распределили туда, образовав в окрестностях 2 лагерных «филиала» – южный и северный. И вот, что я вам скажу, если в Бухенвальде был ад, то здесь был ад в квадрате. Нас в 4 утра будили

и гнали на работы 8 км пешком. Целый день долбили горы – сооружали 25 штолен! Через некоторое время мы построили узкоколейную ж/д, и люди перемещались в вагонетках. По 24 человека в каждой! Буквально друг на друге сидели. Их таскал маленький паровозик, который работал на коксе. У него из трубы сыпался сноп искр – загоралась одежда, а спрятаться от этого огненного дождя было некуда. Но самое страшное, что вагонетки переворачивались. Не проходило и дня без покалеченных ног, сломанных рук...

– А переломы, я так понимаю, были равносильны смерти? Работать-то с ними уже нельзя, – значит, убьют.

– Людей с травмами отвозили в лазарет. А вот там они лежали и умирали. На соломе, раздетые донага: одежды на всех не хватало, поэтому ее срывали с больных и отдавали новым заключенным.

До апреля 45-го я пробыл на этих работах. Полгода жили без бани! Народу было так много, что мы спали на полу и переворачивались по команде.

Ордруф потом брали американцы. Они провели все население города через этот лагерь, через горы

трупов. Провели и главу Ордруфа с женой – потом их нашли повешенными у себя дома. А мы? А мы ведь не умерщвляли себя, мы пытались выжить...

Из этого ада периодически пробовали бежать, но все попытки были тщетны. В Германии каждое дерево «под номером»! Наказывали повешением. Однажды русскому парню накинули петлю на шею, а он крикнул: «Да здравствует наша Советская Родина!» – и плюнул в лицо коменданту на виду всего лагерного начальства. Тот разрядил в него всю обойму...

Перед тем, как трупы убитых сбросить в огромную яму, их проверяли на наличие золотых зубов! Помню я такую картину. На столе стоят весы, портфель, банка большая, с азотной кислотой. Сидит немец с книгой. Зима уже, трупы замерзшие, рты сжаты. Их рубили топором – челюсть отпадала, клещами выламывали золотые зубы, бросали в банку с кислотой. Кость растворялась, а золотая коронка вмиг вылавливалась – на весы – и в портфель. Все под запись. Вот, как создавалось золото СС...

«ТОДЕС-МАРШ»

– Виктор Николаевич, что такое «марш смерти»?

– Так называют наше возвращение в Бухенвальд. Немцы произносили «тодес-марш». «Тодес» – смерть, значит. Пятитысячная колонна двигалась из Ордруфа. Тех, кто не мог идти, стреляли на месте. Вся дорога и канавы вокруг были усыпаны телами. Когда я шел, растер себе ногу колодкой так, что на ней образовался огромный нарыв. Не вру – величиной с кулак! Боль была дикая, температура тоже. Но я терпел. И мысль была одна: поскорей бы за ворота с этой роковой надписью «Каждому свое».

Людей разместили не в бараках, а прямо на огромной площади. Так и ночевали на земле, вставать нельзя – убьют. Вокруг ходили часовые. А я пополз к баракам. И что вы думаете? Я увидел моего спасителя, Германа Бриля! Он меня узнал и только шепнул: «Ползи к бараку». И я потерял сознание...

Очнулся под брезентом... с трупами, с самого краю. Сознание то приходило, то уходило. Помню, что кто-то дважды еду давал в котелке. Потом я очутился в бараке.

– Это Бриль Вас спас?

– Он уже пожилым был – один

бы меня точно не дотащил. Видимо, попросил кого-то из своих ребят помочь.

Мне ведь там сделали операцию. Военнопленный русский хирург использовал в качестве наркоза эфир. На лицо клали маску и лили его на материю. Вдыхаешь и начинаешь задыхаться! А он меня спрашивает: «Какой сейчас год?» Медленно соображаю: «45-й!» – «Крепкое сердце!» После этого я очнулся в бараке, весь перебинтованный. Туда ворвался Бриль, с криком: «Товарищи, мы свободны!» Как раз в эти дни произошло восстание.

Что немцы успели сделать со всеми теми людьми на площади, не знаю. Скорее всего, уничтожили. А я приходил в себя в развернутом американцами лазарете.

– Какой была Германия после войны?

– Разбито все. Я после освобождения и советских проверок до 51-го года служил там. Наша часть обслуживала вывозку оборудования, которое шло в счет репараций в Союз. Прошли мы Силезию, Саксонию. Многие мирные жители тоже были несчастные люди – они лишились всего.

*Много лет спустя.
Виктор Николаевич у тюрьмы города Зуль*

Я видел разбитый Дрезден, разбитый Хемниц, Кенигсберг, заваленный баррикадами из трамваев и автомобилей.

Как-то, во время работ в Ордруфе, началась очередная бомбежка и нас под вой сирены загнали в подвал. Туда же запустили и обыкновенных горожан-немцев. Они такие

аккуратные, в костюмчиках. И мы напротив них, в своих, пропитанных грязью и потом, полосатых робах. Смотрим друг на друга. А я сижу и думаю: «Вот сейчас жажнет сюда бомба и всех помирят».

М.П. ПЕТРОВА: «ДВОЕ СУТОК БЕЗ ОТДЫХА МЫ ВЫТАСКИВАЛИ ИЗПОД ОБЛОМКОВ ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ»

Мария Петровна Петрова на это интервью она соглашалась неохотно. «Зачем про меня писать? Что я особенного в жизни сделала? Вон сколько молодых красивых людей кругом, про них писать надо. А мне и рассказать-то нечего. Живу, как все бабушки, болею... Про молодость тоже вспомнить нечего – одна война в памяти...»

То, что пришлось увидеть, пережить и делать на войне женщине, девушке, – было, в принципе, чудовищным противоречием женскому естеству...

ДЕВЧОНКИ, ВОЙНА!

– 22 июня мы компанией сидели дома у одноклассницы, договаривались поехать в выходной за город, на природу, – вспоминает Мария Петровна. – Вдруг вбегает в комнату мама той девочки со слезами и криком: «Девчонки, война!»

Мы как-то не особенно расстроились, знали уже, что такое война: в 1938 году бои были у озера Хасан, в 1939-м – Халхин-Гол и в 1939–1940 гг. – финская. То были короткие войны, которые не коснулись нас и наших близких. Зря мы думали, что и на этот раз все похоже будет.

На следующий день все наши

мальчики были в армии, многие сразу – на фронте. Четверо погибли в первые месяцы войны. Из 11 наших мальчишек-друзей не стало шестерых, двое получили тяжелые ранения. А ведь нам всем тогда было по 18...

Должна вам сказать, что мы были хорошо подготовлены к военным действиям. К 10 классу владели многими видами оружия, стреляли из винтовки МК и боевого ППД, мальчики – из пулемета «максим». Умели бросать гранаты РГД и лимонку. Потому что в свободное время ходили на стрельбище (8 км от города): строим, с песнями. Играли в армию.

БОЯЛИСЬ, ЧТО НЕ ВОЗЬМУТ

– Через месяц после начала войны стали приходить повестки и девочкам. Мы с одноклассницей Вале́й оказались первыми. На фронт хотели, но нам не было еще 18. Помню, приходим в военкомат, человек, сидящий там, взял наши паспорта, не открывая бросил в корзину под столом. Выписал направление. Ну, думаем, все – на фронт! Оказалось – на оборудование госпиталя в здании пединститута...

Но мне хотелось на настоящий фронт. Весной 1942-го подала рапорт и вскоре была в составе формирующейся дивизии, которая должна была отправиться на фронт. Меня назначили в медсанбат хирургической сестрой. К боевым действиям дивизии нас, конечно, готовили почти два месяца. Ранний подъем, в любую погоду зарядка на улице, без шинелей. Маршброски по 20–30 км с полной выкладкой: санитарная сумка, карабин, скатка, подсумок с патронами, противогаз, саперная лопата, котелок и пара гранат, ну и вещмешок с сухим пайком.

Учились быстро разворачивать палатки, ставить в них оборудование для перевязок и операций, ставить печи и прочее, рыть

окоп для себя и раненого, в случае надобности принять бой, вплоть до отражения штыковой атаки.

Боевое крещение получила в Воронеже. Мы всем батальоном были в кино в центре города, когда началась бомбежка. Помню, когда она закончилась, из кинотеатра нас повели в ближайший госпиталь, четырехэтажное здание было пробито бомбой. Двое суток без отдыха мы вытаскивали из-под обломков живых и мертвых...

Бомбежки не прекращались, штаб нашей дивизии был разбомблен, 17 человек – из наших – погибли. Город мы оставили. В зависимости от обстановки часто меняли расположение части, разворачивались то в лесу, то в покинутой деревне, маскировались и продолжали оказывать помощь раненым. Никого не спрашивали, боишься ли ты, умеешь ли, хочешь ли делать порученное дело. Приказ есть – будь добр – выполняй!

Раненых поступало до 700 человек в день. Я уже работала в операционном взводе. Стоять у стола приходилось сутками. Спали по 2–3 часа прямо на земле. Сами ездили на передовую за ранеными. В одну из таких

К 10 классу мы
владели многими
видами оружия,
стреляли из
винтовки, умели
бросать гранаты.

поездок меня ранили в ногу.
Весной 1943-го, во время
контрнаступления немцев под
Сумами в селе Чернещина, я
получила контузию, потеряла

45 ЛЕТ – ДУША В ДУШУ!

– Что-то я все о грустном. За
мои 85 лет, знаете, сколько
хорошего в жизни было!
История знакомства с моим
мужем чего стоит! Мы
познакомились на вокзале в
Новосибирске. После войны
я ездила в Ленинград, в
гости. На обратную дорогу
денег хватило только до
Новосибирска, вышла здесь
и стала думать, как до Бийска
добраться. Неожиданно
меня обгоняют два парня
– высокие, в красивой
форме, я уже потом узнала,
что они летчики и служат в
Австрии. Оказалось, я им
приглянулась, и они не знали,
как со мной познакомиться.
Поравнялись, что-то спросили.
Мы разговорились, оказалось,

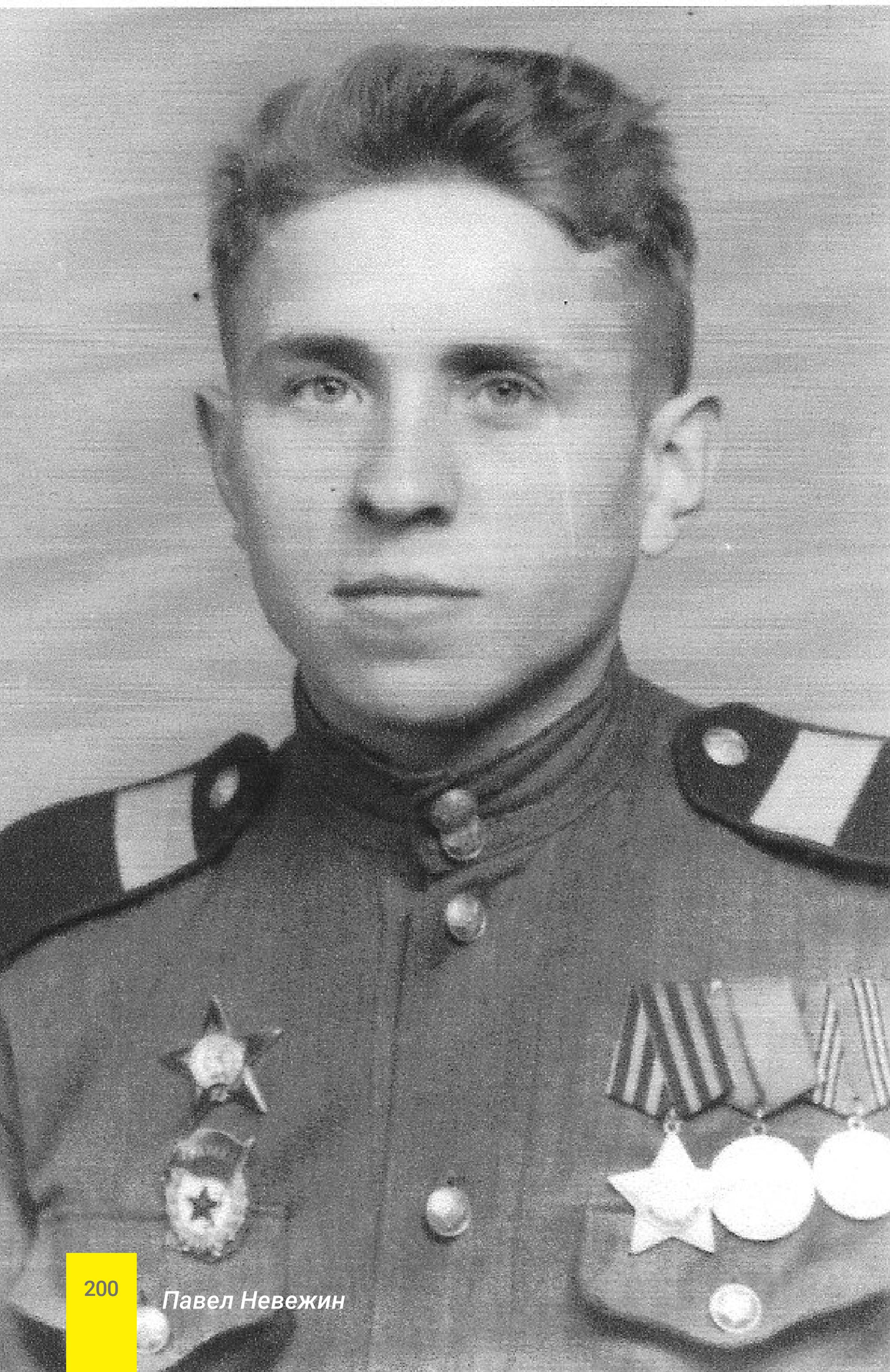
слух и речь, тряслись руки.
Попала в госпиталь. Потом
– в эвакуационный поезд,
который шел в Сибирь. Там
получила инвалидность
III группы. А в январе 44-
го была снова призвана
на фронт, работала в 26-й
стрелковой дивизии.
Победу встретила в Одессе.
Демобилизовалась в ноябре
1945 года. Меня наградили
орденом Отечественной
войны, медалями «За победу
над Германией», «За боевые
заслуги». Есть 11 юбилейных
медалей.

они тоже – в Бийск, ждали
машину. Предложили,
пока есть время, сходить в
ресторан. Я ни в какую не
соглашалась, денег-то ни
копейки не было, но виду
не подавала, говорила, что
с незнакомыми не хожу.
В общем, уговорили они
меня. Сходили в ресторан на
вокзале, потом вместе ехали
до Бийска. Вроде как я им
тогда обоим нравилась. А
я-то на своего бывшего мужа
сразу глаз положила. Потом
они уехали на свою службу
в Австрию. Переписывались,
сначала оба писали, потом
стала отвечать одному,
а тому только приветы
передавала. Когда Иван
приехал через год в отпуск,

сыграли свадьбу. Две дочери у нас родились.

Муж мой – Иван Иосифович Петров – был военным летчиком. Дважды горел в самолете, садился на вынужденные посадки. Ранений не имел. А наград у него сколько! Ордена: Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и другие. Есть несколько благодарностей от Верховного Главнокомандующего. После войны продолжал работать в

авиации, так что нашей семье хватило помотаться за ним по гарнизонам. С 1945 по 1960 год продолжал служить в Красной Армии, сначала в оккупационных войсках – Австрия, Венгрия. С 1960-го был авиадиспетчером в Толмачево. Всегда следил за своим здоровьем, крепкий он у меня был мужчина. 45 лет мы с ним прожили душа в душу. Одиннадцать лет назад Иван Иосифович погиб, машиной сбило недалеко от дома...

П.П. НЕВЕЖИН: «ОБОРОНЯЛИСЬ ДВОЕ СУТОК В ЛЕДЯНОЙ ВОДЕ»

За плечами у Павла Петровича Невежина – большой фронтовой путь от Сталинграда до Берлина, в звании гвардии сержанта он обеспечивал радиосвязью командиров стрелковых батальонов с штабами полков. Бессчетное число раз отражал атаки фашистов совместно с бойцами пехоты. Павел Петрович – полный кавалер ордена Славы, награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны I степени.

– Где Вы были, когда началась война?

– На родине в селе Пачелма Пензенской области. Только закончил 10 классов. Пришла повестка, и я поехал в военкомат, а меня не взяли: ростом не подходишь, говорят, пока жди.

Дома без дела я не сидел. Работал на замене рельсов и шпал на железнодорожных путях, устанавливал снегозадерживающие щиты около железной дороги. Зима 1941–1942 годов была суровой, с огромными снеговыми сугробами и заносами. Мы трудились с энтузиазмом, безвозмездно, лишь бы движение поездов было бесперебойным. Между тем волновала глубокая неудовлетворенность от того, что я не на фронте, а глубоко в тылу. Много раз обращался к военному с просьбой призвать меня в армию. И наконец, 6 февраля 1942 года

военком объявил мне, что я в резерве для направления в авиационное училище. Но поскольку обстановка под Москвой была до декабря тяжелой, курсантов некоторых училищ отправили на защиту Москвы. Мне предложили учиться в Куйбышеве на курсах радиотелеграфиста, и я с радостью согласился.

– Вы были ранены три раза, во время каких боевых действий произошло первое ранение?

– Во второй половине февраля 1943 года наш корпус перешел в наступление в направлении Днепропетровска. В составе 1-го гвардейского ОРБ мы выходили из окружения не на автомашине, которую бросили из-за отсутствия бензина, а на пароконной подводке, а я сзади верхом на лошади. Неожиданно по нам застрочила пулеметная очередь из замаскированного за сараем немецкого

**Улицы Берлина
были перекрыты
баррикадами,
противотанковыми
ежами, перевернутыми
трамваями..**

танка. Были убиты лошади и находящиеся в повозке люди. Видимо, со страху я упал с лошади и побежал назад. Оказался вне огневого влияния танка, и это меня спасло. За плечами у меня был английский пистолет-автомат, полученный ещё при формировании батальона. С ним бороться против танка смысла не имело.

Я продолжал бежать короткими перебежками дальше от танка. Вдруг около меня стали взрываться пули. Присмотревшись, увидел через овраг движущуюся длинную колонну фашистских войск. Немцы заметили меня и открыли огонь. Я падал на снег, полз по-пластунски, поднимался и снова бежал. И все-таки одна пуля попала мне в ногу. Я замер на снегу. Немцы, наверное, посчитали меня убитым и прекратили стрельбу. Колонна скрылась из виду.

Я поднялся и, ковыляя, пошел к видневшемуся домику. Войти не решился, просидел до вечера в

снежном окопе. В темноте из дома вышли два солдата, они тоже шли из окружения. Решили идти вместе к своим. На берегу реки немцев ещё не было, были наши солдаты. Мы нашли самодельный плот, переправились на левый берег реки и затем мои попутчики в районе города Изюма сдали меня в госпиталь.

– С каким боем для Вас связаны самые сильные воспоминания?

– За освобождение Одессы. В конце марта 1944 года наш полк форсировал реку Южный Буг севернее города Новая Одесса. Мы заняли небольшой плацдарм на правом берегу реки и залегли в зарослях камыша. Гитлеровцы с высот сначала нас обстреливали, потом пошли в наступление. Оборонялись более двух суток, находясь в ледяной воде. Подошедшая артиллерия помогла нам сбить с высот вражеские войска и перейти в атаку...

– Вы один из тех, кто участвовал во взятии Берлина. Как это было?

– Для обороны Берлина враг сосредоточил множество войск и все резервные части. Но катастрофа была близка. Ничто не могло спасти Гитлера. 22 апреля полк с ходу форсировал реку Шпрее в районе города Кепеник, а 24 апреля вступил на окраину

Берлина. Улицы города были перекрыты баррикадами, противотанковыми ежами, перевернутыми трамваями и изрытыми рвами. Дома превращались в крепости.

25 апреля начался штурм Берлина. Воины-гвардейцы с невиданным энтузиазмом и воодушевлением, думая о скорой победе, ринулись в бой. Взламывая оборону врага, медленно, но уверенно мы продвигались вперед. Форсировали ночью канал Ландвер, захватывали дом за домом, а в доме – этаж за этажом, рвались к Рейхстагу и в метро.

От взрыва вражеского снаряда со стены посыпались обломки кирпичей – сначала мне на голову, а после падения на спину. Спасла меня моя радиостанция, которая была за спиной. Радист Петя Чупик и санинструктор Герой Советского Союза Мария Шкарлетова вынесли меня с

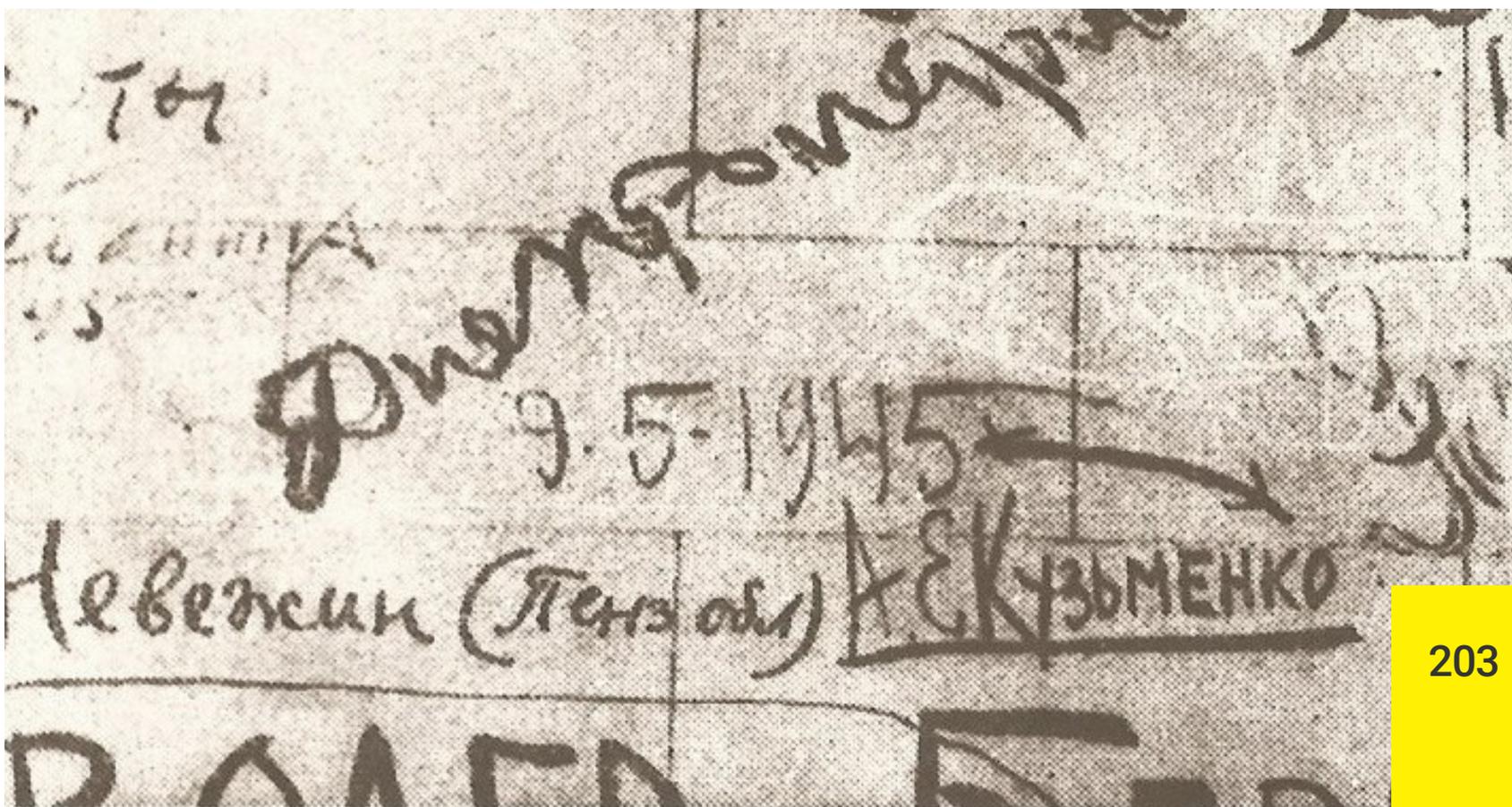
поля боя и в бессознательном состоянии отправили в госпиталь.

– Сейчас День Победы отмечают парадами, салютом и, конечно, поздравлениями ветеранов. А как Вы отмечали Победу в 1945 году в Берлине?

– Я тогда был в госпитале. Не находил себе места от того, что я не вместе с друзьями в последние дни войны. Не выдержав, 8 мая самовольно снял с головы повязку и сбежал из госпиталя к своим ребятам. На попутках добрался до Берлина, нашел свой полк и боевых товарищей.

Радость была неопишуемой от Победы, от встречи. Всем радиовзводом мы отправились осматривать Рейхстаг. Облазили и осмотрели все. И на память оставили свой автограф на стене Рейхстага.

Подписи на Рейхстаге

М.Ф. ЧЕЧЕТОВ: «Я УНИЧТОЖИЛ ВСЕХ, КТО ХОТЕЛ УБИТЬ МЕНЯ И МОИХ ТОВАРИЩЕЙ»

Михаила Чечетова война застала в Днепродзержинске. Ему шел пятнадцатый год. Паренек увлекался футболом, играл на домре, но главной страстью Миши было рисование. Он занимался в изостудии при Доме пионеров и мечтал стать художником, не предполагая, что судьба отвела совсем другое: стать сначала снайпером, а затем строителем.

Во второй раз спасением стала исколотая иголкой и натертая чесноком рука. Она сильно опухла, очень болела, но как только я показал ее немецкому доктору, он меня прогнал.

«Днепродзержинск оккупировали осенью 1941 года. «Жизнь сразу изменилась, – вспоминает Михаил Фомич. – Мы, вчерашние мальчишки, как-то сразу повзрослели. Повсюду расклеивались приказы, указы. Призывали ехать в Германию работать. И одновременно появлялись другие листовки – наши,

советские, с призывом не подчиняться немецкой власти. Тогда начались облавы, после которых молодежь насильно угоняли в Германию.

Я дважды попадал под облаву, и дважды меня проверяла медицинская комиссия, и дважды меня отпускали. В первый раз я натер чесноком глаза. Потом долго пришлось лечиться, но зато немцы признали трахому, а это заразная болезнь.

Во второй раз спасением для меня стала исколотая иголкой до крови и натертая опять же чесноком рука. Она сильно опухла, очень болела, но как только я показал ее немецкому доктору, он меня прогнал. Много несчастий было в оккупацию: кого расстреляли, кого угнали. Но мы ее пережили. И дождались своих».

Через два года, осенью 1943-го Днепродзержинск

освободили советские войска. Михаил сразу пошел в военкомат, его направили в истребительный батальон, который состоял из гражданской молодежи. Несколько дней пробыл в составе батальона и написал рапорт, попросился добровольцем на фронт. В неполные 17 лет. Военкомат дал «добро», и около ста добровольцев из Днепродзержинска отправили в Харьков, в запасной полк. Добирались пешком. Михаилу запомнился сопровождающий – капитан-фронтвик, раненый, который все время повторял: «Сынки, я не оставляю вас где попало, в хорошую воинскую часть определяю». Добрались до Богодухова, где почти месяц проводились занятия по военной подготовке.

«А в один день переодели нас в старое обмундирование, отобрали по росту, возрасту, образованию человек сорок, наверное, и в ночь вышли мы в поход. По слухам, в другую часть, – продолжает вспоминать Михаил Фомич. – Шли несколько дней, по дороге помогали древесину грузить в вагоны, на двух сахарных заводах побывали. Голодали немножко. Привели нас в Ахтырку, в 30-ю окружную школу Харьковского военного округа. Оказалось, это школа

снайперов».

Из добровольцев в школе сформировали два батальона. Все юноши, почти одногодки. «Я до этого никогда из винтовки не стрелял, – говорит Михаил Фомич. – Поэтому пришлось на все сто выкладываться на занятиях по стрельбе, а также на других занятиях – по тактике, маскировке, строевой подготовке, изучению уставов. Два раза мы сдавали экзамены, которые принимал командующий Харьковским военным округом. На расстоянии ста метров рисовали на различных предметах черный кружок, а я должен был все пули положить в цель. Вот так и отбирали на фронт».

Обучение было сокращенным. Рапорты на фронт были подписаны. Михаила Чечетова направили в 4-ю роту 4-го батальона 236-го стрелкового полка 74-й дивизии 8-й гвардейской армии. В то время батальон, куда его назначили снайпером, базировался на советско-польской границе. «Форсировали Вислу, заняли оборону и стали готовиться к наступлению. В обороне стояли около месяца. За это время я каждый день вел наблюдение за позициями немцев, – рассказывает ветеран. – У

нас были специальные книжки снайперские. В одну, «На охоту» называлась, я записывал, в каком районе нахожусь, в какой роте. И, если уничтожал пулеметчиков или снайперов немецких, командир части, где я находился, расписывался об этом в книжечке. Во вторую книжку заносил все сведения о своих наблюдениях: там блиндаж немецкий, там пулемет, там еще что-то. Разведку вел».

Первую разведку снайпер Чечетов провел при обороне на реке Варта. Болотистая местность, вокруг заросли лозы. Траншеи заполнены водой. «Мы ночью выдвинулись в боевое охранение. По колена в воде прошли к немецким позициям. Замаскировались, наблюдали и слушали. Жутковато было, ведь метрах в двадцати от нас – враги. Была и разведка боем: перед наступлением поступил приказ определить огневые точки противника. После этого нас перебросили на другой участок фронта. Сначала был во втором эшелоне, а потом, когда началось наступление, перешел в первый. Так и шел в атаку со снайперской винтовкой. У меня даже каски не было. Шинель, плащ-накидка, шапка – вот и все обмундирование снайпера. Единственное, если в засаде

сидел, то маскировался травой или ветвями деревьев, а в снег – винтовку белой материей обматывал».

Наступление велось на польские города Лодзь и Познань. Сильные бои были, вспоминает Михаил Фомич, но немцы отступали под напором советских войск: «Сначала освобождали Лодзь, тогда я несколько пулеметных точек уничтожил. И тогда я поднялся: «Вперед! За Родину! За Сталина!» А за мной и остальные поднялись, и пошли мы вперед. Вышли к какому-то заводу, там меня в голову ранило. Сначала даже не понял, отчего так голова закружилась. Перевязку сделал и опять вперед перебежками. Добежал до высоковольтной линии, и тут мина разорвалась: меня в ногу ранило. Я только поднялся – второй осколок в ногу попал. Часа три полз по снегу. А потом подкрепление подошло, «катюши» как дали залп по городу! Вижу, пехоты добавилось, пошла в атаку. А я сполз в какую-то яму, а вылезти не могу. Стал звать на помощь, тут и санитары подоспели. Вытащили меня – и в санчасть».

За проявленные храбрость и находчивость, за то, что возглавил оставшихся без командного состава солдат и повел их в атаку, Михаил

Чечетов был награжден медалью «За отвагу».

О Победе Михаил Фомич узнал в госпитале на территории Наленчева в Польше: «Слышу, утром 9 мая какой-то шум во дворе, стрельба. Сначала подумали, что бандеровцы напали. Потом слышим: «Ребята, война закончилась!» Я на радостях обжег деревяшку и нарисовал на стене портрет Сталина и написал «Наша Победа!». Вот комиссия приходит, всех поздравляют с Победой. А замполит посмотрел на портрет и спрашивает: «Кто нарисовал?» «Я», – говорю. Он меня похвалил, а через несколько дней меня вызвали в штаб и предложили писать лозунги. Меня оставили при

госпитале. А в июне госпиталь отправили в Берлин. Так что я, пусть и на костылях, но до Берлина все-таки дошел. Живой!»

Только на один вопрос из своей фронтовой биографии не любит отвечать Михаил Фомич: сколько на его снайперском счету убитых гитлеровцев. «Я это не вспоминаю, – говорит ветеран. – Я уничтожил всех, кто хотел убить меня и моих товарищей». Вот такой он, солдат Победы Михаил Фомич Чечетов. Русский солдат, верный изречению Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

С.М. КРАМАРЕНКО: «ОФИЦЕР ДАЛ КОМАНДУ «ЭРШИССЕН» – РАССТРЕЛЯТЬ»

Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Сергей Крамаренко рассказал нам о своих воздушных боях, о том, как чудом избежал расстрела и что чувствовал в небе над Германией.

– Сергей Макарович, когда война только началась, народ поговаривал, будто бы «моська напала на слона». Вы тоже так думали?

– Все мы, курсанты Борисоглебской военной школы пилотов, были страшно удивлены. Куда немцы лезут на такую большую страну?! У нас же огромная армия! Мы думали, что вмиг их сомнем и даже надеялись на помощь рабочих самой Германии! Но те восстания не поднимали, недовольства режимом не выказывали. А фашистские войска продолжали один за другим захватывать наши города.

К сожалению, мы очень плохо были подготовлены к войне. Действующие части приходилось периодически пополнять недоучившимися летчиками. В июне 42-го я еще осваивал программу училища. Наш учебный аэродром подвергся первой бомбежке. Какая паника тогда началась! Вместо того чтобы скрыться в бомбоубежищах, курсанты

кинулись к самолетам. Кое-как, падая на землю и снова вскакивая после каждого взрыва, добежали и начали растаскивать их в разные стороны. Аэродром был ярко освещен: вверху светящиеся бомбы, а в стороне горящие курятники птицеводческой фермы. Немцы, видя полыхающие здания и носящихся кур, видимо, посчитали, что разбомбили военные казармы или склады, и сбрасывали бомбы туда. Только это нас и спасло!

Школу начали готовить к эвакуации на восток. Но тут вышел неожиданный приказ: восемь курсантов, успевших вылететь на ЛаГГ-3, отправляются в запасной авиаполк в Арзамас. В эту восьмерку вошел и я. Мы с товарищами оказались в странном положении: летную программу выполнить не успели, экзаменов не

Я не выдержал и вскрикнул: «Что ж ты, земляк, немцам служишь?»
А он мне: «Ах ты, проклятый москаль, сейчас пристрелю!»
Снял винтовку и направил на меня.

сдали и в воздухе держимся едва-едва, а уже считаемся полноценными летчиками. Командир эскадрильи, узнав, что у одного из нас всего один полет, решил отправить его обратно в школу. Я не хотел такой участи и... покривил душой. Сказал, что у меня не два, а двадцать полетов и два часа налета. Товарищи не выдали. И стал я осваивать полеты на ЛаГГе уже в запасном полку, готовясь вскоре попасть в действующую армию.

– Не думали о том, что из-за недостатка опыта представляете собой живую мишень?

– Нет. Мы все рвались в бой и считали, что воевать уже умеем. Какой-то мальчишеский азарт подгонял... Хотя на деле оказалось, что все наши умения сводятся к тому, как

произвести взлет и посадку и кое-как пилотировать в воздухе. У меня не было ни одного учебного воздушного боя, ни одной стрельбы по целям! Пришлось доучиваться уже на фронте. Мы были распределены в 1-ю Воздушную армию Западного фронта. Неудивительно, что из нас восьмерых семеро погибли... Когда немцы стали снимать с нашего фронта части для освобождения окруженной армии Паулюса, наше командование решило предпринять наступление в районе Жиздры, юго-западнее Сухиничей. Хотели сорвать переброску их частей под Сталинград. Мой полк прикрывал наступающие войска от ударов с воздуха.

Это был мой первый полет в боевых порядках звена! Немецкие самолеты то появлялись, то исчезали, наша группа маневрировала. Этот вылет запомнился мне тем, что я... почти ничего не понял! Только впоследствии, с опытом, я стал чувствовать себя твердо и уверенно. Природные быстрота реакции и внимательность очень помогали вести бои. Помимо этого нужны были незаурядная выносливость (летчик во время полетов испытывает огромные перегрузки) и тактические способности, ведь в каждом

бою разный план действий: он выстраивается по ситуации.

Хотя и это не застраховывало от неудач.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ МОМЕНТ

– Был ли на войне такой момент, который оказался для Вас самым напряженным?

– 19 марта 1944-го я попал в плен. Мы сражались с группой «юнкерсов» и «мессершмитов», которые штурмовали позиции наших войск. Я бросился отбивать атаку по ведомому, немецкий «мессер» задымил и начал снижаться. В этот момент я заметил чужую трассу. Затем резкий удар, боль, и – кабина в дыму и пламени. Мои руки и лицо в огне. Пытаюсь вылезти, но не могу. Кое-как отстегиваю привязные ремни, резко отдаю ручку вперед, самолет уходит вниз, и я оказываюсь в воздухе. Дергаю кольцо парашюта и больше ничего не помню...

Я пришел в себя от толчка: меня кто-то переворачивал. Незнакомая зеленая форма, резкая чужая речь и черепа с костями в петлицах заставили понять, что я оказался на немецкой территории. От дикой боли не мог подняться, из обеих ног хлестала кровь. На мне разрезали сапоги, забинтовали ноги и отвезли в какое-то село, к большому дому, видимо, штабу. Там ко

мне подошел офицер и, узнав, что я летчик и отказываюсь отвечать на его вопросы, дал команду «эршиссен» – расстрелять. У меня внутри будто что-то оборвалось... Все, отлетелся! А надо мной были голубое-голубое небо и кучевые облака. Они вечны, а я... Это, наверное, и был самый страшный, тяжелый момент.

– Как же Вы спаслись?

– Вышедший из штаба вместе с офицером немецкий генерал внезапно отменил приказ и распорядился отправить меня в госпиталь. Вот так велика на войне роль случая! Меня перенесли в телегу и положили рядом с немецким офицером. Собирались доставить в госпиталь. Потом я узнал, что он находился в Проскурове. Я оторопел, когда услышал, что возница в немецкой форме с винтовкой на плече понукает лошадь украинскими словами! Не выдержал и вскрикнул: «Что ж ты, земляк, немцам служишь?» А он мне: «Ах ты, проклятый москаль, сейчас пристрелю!» Снял винтовку и направил на меня. Но немецкий офицер остановил его: «Хальт! Госпиталь!» Вот

так в очередной раз удалось избежать смерти.

Меня привезли в проскуровский лагерь для военнопленных, в лазарет. Пленные советские санитары вытащили из ног осколки, промыли и забинтовали раны, а обгоревшие руки и лицо намазали красноватой жидкостью, чтобы не осталось шрамов. Но тогда мне было все равно, как будет выглядеть мое лицо впоследствии. Лицо жгла дикая боль! Мне сделали укол в руку, и я погрузился во мрак. Через несколько дней руки и лицо покрылись черной коркой. Рот стянуло так, что и ложка не проходила. Санитар набирал немного каши на ручку ложки и просовывал ее мне в рот. Как же я благодарен этим безвестным братьям милосердия! Они так заботились обо мне и о других раненых!

На шестой день моего пребывания в лазарете город окружили наши войска. Немцы в суматохе готовились отходить, уничтожая тех, кто не может двигаться. Весь город запылал. Мы ждали, что в здание бросят канистры с бензином. Но этого не произошло. Видимо, нас спасла надпись над входом «Тиф. Не входить».

– Опять удача...

– Конечно! Мне везло дико. От слабости я, не дождавшись развязки, заснул. К счастью, проснуться пришлось от радостных голосов, поздравляющих нас с освобождением! Потом меня подкосил тиф и еще долго организм боролся за выживание. Когда я начал ходить, через неделю вышел из здания и увидел, что лазарет находится на краю аэродрома, а на нем стоят самолеты нашего полка. Я встретил своих летчиков. Узнав, что я живой, командир с попутным самолетом отправил меня в московский госпиталь. Когда я полностью реабилитировался, возникла проблема: как найти свой полк? Я знал только, что он переброшен на 1-й Белорусский фронт в Польшу. И здесь судьба помогла! Я встретился с летчиками самолета ПЕ-2, которые летели в Барановичи. Это же больше половины расстояния до моего полка! Все остальное сразу вылетело из головы: я начал упрашивать их взять меня с собой. И взяли... В бомболюк! Летчики подсмеивались, что сбрасывать меня не будут, но на всякий случай посоветовали привязаться к держателю, куда подвешиваются авиабомбы. Эх, не прост был такой полет! Согнутый в три погибели, в

тонкой гимнастерке при пяти градусах мороза снаружи, я превратился в сосульку к третьему часу полета. Но главное было сделано: я приближался к своему полку. Самолет приземлился в Барановичах. Дальше сел в поезд на Брест, там нашел коменданта аэродрома и узнал... что моего 19-го авиаполка здесь нет и не было. Огорчению не было предела! И вдруг в комнату к командиру зашел Костя Дашин, летчик нашего связного самолета ПО-2! Он кого-то привозил в Брест и прибыл сюда по поручению нашего командира полка. Вместе с Костей я добрался к своим, узнав, что наш полк теперь 176-й гвардейский. Ну как после такого не стать

суеверным?!

– А суеверия среди летчиков были сильно распространены?

– Было кое-что. Например, что в понедельник обычно не летают. Хотя на войне летали, конечно... Но осторожничали.

Была у нас одна знакомая девушка. Она работала в столовой и особое внимание уделяла летчику по имени Михаил. Однажды она подарила ему заколку. И когда Михаил погиб, ее возвратили владелице. Позже она перенесла свое внимание на моего товарища Венгерова. И подарила ему ту же самую заколку. Когда Венгеров разбился, девушку стали обходить стороной.

КРЕСТЫ! АТАКУЕМ!

– Сергей Макарович, какие свои воздушные бои Вы считаете самыми яркими?

– Несомненно, бой над нашим плацдармом за Одером, в марте 45-го. Мы летели тремя парами во главе с Иваном Кожедубом – всего 6 самолетов, у каждого 2 пушки, всего 12. А против нас 32 «Фокке-Вульфа»! Там в сумме почти 200 пулеметов! Никогда не забуду команду Кожедуба: «Впереди – внизу кресты. Атакуем!» Действовать нужно

было решительно и дерзко: у нас были превосходство в скорости и внезапность. Кожедуб сразу сбил их командира. Бой превратился в уничтожение немецких самолетов. Мы сбили 16 «фоккеров»! И это не считая тех, кто, недобитый, наверняка упал по дороге домой.

Еще один яркий бой был недалеко от Берлина, в апреле. Мы с моим ведущим Куманичкиным столкнулись

с шестью звеньями «Фокке-Вульфов». Это 24 самолета!

– Многовато для одной вашей пары...

– Но выбора не было.

Позади нас советские войска штурмуют Берлин. Пропустить туда немецкие самолеты нельзя! После ряда маневров Куманичкин стреляет по ведущему группы «фоккеров», я – по его ведомому. Один самолет вспыхивает, другой переворачивается и уходит вниз. Мы много раз повторяли атаки. Кульминацией боя для меня стал вот какой момент. Снаряды у меня израсходованы, немец приближается к Куманичкину, а я как ведомый должен его защитить. Мне остается только таранить врага! Лечу наперерез, и, когда остается всего несколько десятков метров, немецкий летчик оборачивается. Сквозь

фонарь я вижу его лицо. Он резко переводит самолет в пикирование и уходит вниз. Бывает такое, что чувствуешь на себе чей-то взгляд. Но чтобы кто-то почувствовал мой взгляд в воздухе! Такого со мной не было никогда! Это казалось невероятным...

Это были для меня последние бои в Великой Отечественной войне. Охватывала необыкновенная гордость от того, что я лечу над столицей фашизма. Берлин, зло от которого растеклось по всем городам и весям, горит, и в самолете я чувствую запах дыма. Я, советский летчик, в небе над Германией!

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ. ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.

Автор-составитель: Елена КОЗИНОВА

Дизайн и верстка: Юра Юкей

Авторский коллектив: Елена Козина, Ирек Сабитов, Сергей Лепешкин, Вячеслав Ковалев, Виктор Марьясин, Александра Рыбинкина, Екатерина Курмышева, Оксана Шеремет, Евгения Кинтушева, Олеся Арамелева, Николай Горюнов, Фериде Зинабадинова, Кристина Булат.

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

*На передней обложке книги —
разведчица Ольга Головина*

